ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ



Международная научно-методическая конференция

24-25 апреля 2024 года

Воронеж - 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФБГОУ ВО «ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ ДНР
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Международная научно-методическая конференция

24-25 апреля 2024 года

Воронеж - 2024

УДК : 008 (082)
ББК : 71.01
К 90

Редакционная коллегия:

Кукарников Д. Г., канд. филос. наук, доцент

Сулимов С. И., доктор филос. наук, доцент

Рагозина Т. Э., доктор филос. наук, доцент

Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 24-25 апреля 2024 года / Отв. редактор д. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : ИСТОКИ, 2024. – 225 с.

ISBN 978-5-4473-0426-3

В сборнике рассматриваются различные аспекты современной философии, теории и жизненной практики культуры в контексте современного гуманитарного знания. Значительное место отводится социально-философским и культурологическим темам. Также в издании представлен ряд статей по вопросам филологии, имеющим отношение к педагогике и культуре.

Для культурологов, философов, историков-краеведов, филологов, специалистов в области музейного и библиотечного дела, а также всех, интересующихся вопросами философии и культуры.

УДК : 008 (082)
ББК : 71.01

Статьи публикуются в авторской редакции

© ФБГОУ ВО «ВГУ»
© Авторы статей, 2024

При перепечатке материалов статей и цитировании ссылка на сборник обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I.
ЧЕЛОВЕК – ОБЩЕСТВО – КУЛЬТУРА

Дьяченко О. Н., Волобуева М. А.	Особенности духовной жизни христианина и понимания ее задач в культуре техносоциума...	6
Бельчевичен С. П., Казанцева И. А.	Россия и Запад в историософии Д. С. Мережковского…….	11
Кирмач Г. А.	Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как стратегическая цель воспитательной деятельности вуза…….	15
Миргородский А. А.	Проблема человека во французском материализме XVIII века…….....	22
Ануфриева К. В.	Механизм отрицания в психоанализе: дискуссия Ж. Лакана и Ж. Ипполита об учении З. Фрейда……..	30
Немчинов В. М.	Собирание метафорических квантов отечественных и незападных философских смыслов в межпоколенческих личностных рассуждениях…….	35
Костюк А. А., Голубенкова М. В.	Сверхчеловек как трансгрессивный принцип в антропологии Ф. Ницше……	43
Морозова И. Н.	О проблеме бытия и нравственной сущности человека (по материалам сочинения еп. Антония (Простихина) и Д. В. Масленикова)…….	48
Панищев А. Л.	Межкультурная коммуникация в науке как средство нивелирования геополитических угроз…….....	53
Удалых Е. Ю.	Антропометрический канон античности и его роль в развитии европейской культуры……...	59
Хабибуллаева Ф. К.	Передача национальной специфики художественного перевода…….....	63
Максименко А. В.	Человеческая природа: методология познания...	65
Ретинский С. Г.	Образ нации в философских трудах Монтескьё и Вольтера……..	72
Шаповалов И. С.	Экономика впечатлений как проект постиндустриального общества…….....	77
Бакиева М. К.	Факторы формирования компетентности социальной деятельности……..	92
Сухорукова С. Л.	Особенности взаимодействия культуры и религии……	95

Раздел II.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Губман Б. Л., Ануфриева К. В.	Герменевтика и учение И. Канта: рефлективная способность суждения в формировании смыслового горизонта мира человека……	99
Сулимов С. И., Кукарников Д. Г.	Архаизм как социально-философский подход к культуре (на примере славянофилов)……..	104
Дьяченко О. Н., Каменева Л. Н.	Икона святого как репрезентация ключевых идей раннехристианской литературы (на примере икон священномученика Игнатия Богоносца)……..	112
Искандаров Ш. Ф., Асадуллина Г. Р., Ивентьев С. И.	Аксиологический аспект денег как средства духовно-нравственного порабощения человека.	117
Котова Е. Н.	Трансформация форм европейского классического искусства в отечественной художественной культуре……..	123
Маткаримова А.И., Дармонова Д. К.	Теория грамматических категорий местоимений в современной лингвистике…….	127
Хабибуллаева Ф. К., Низамитдинова М.Р.	Влияние цифровой среды на речевой этикет студентов……	129
Захарчук Л. Н.	Особенности текста ремарок и текста драматургического диалога, взаимодействующих в драматургическом произведении…….	131
Зверев Д. Р.	Восприятие внедрения цифровых технологий в судопроизводство……..	134
Рахимова З. А.	Тюркизмы в русской лексике……..	140
Тиллабоева Ф. А.	Тайный или скрытый язык в русских и узбекских загадках.....	142
Юлдашева Д. А.	Особенности средств категории «определенности / неопределенности» в языках разных систем…….	145
Хасанова А. Р.	Общие характеристики конверсии……...	148
Хасанова Ш. А., Хасанова А. Р.	Медицина как фактор общественной жизни (на примере профилактики неинфекционных заболеваний)……..	152
Бустанова Ф. Б.	Эмпирическая база и основные модели конверсии неологизмов……	155

Раздел III.
КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Лившиц Р. Л.	На пути к дивному новому миру (Об одном неочевидном следствии реформ образования в современной России)…….	160
Ашурова Н. Р.	Новый подход к повышению образовательной эффективности преподавания английского языка……	169
Валиханова Н. А.	Использование личностно-ориентированных образовательных технологий на уроке технологии……..	172
Маткаримова А. И.	Эффективная стратегия обучения грамматическим категориям английских местоимений в русской школе…….	177
Сосунов Д. В.	Отношение воронежских студентов к учебному процессу в ВУЗе…….	181
Хабибуллаева Ф. К., Позилова М. Р.	Значение литературы в жизни студента……..	190
Джабборова Н. А., Мирзаева М. У.	Современные методы обучения английскому языку как иностранному……...	192
Нишонов И. А.	Организация самостоятельной работы студентов……	195
Тоштемиров Э. Н.	Значение ролевых игр в организации уроков английского языка…….	198
Швечикова А. А., Дудченко Д. А.	Взаимоотношения человека и природы в творчестве поэтов Россошанского края……..	201
Ряполов В. Н.	Российские денежные знаки в русской истории и литературе……...	207
Исматуллаева М. А.	Проблемы развития навыков понимания английского языка при аудировании у учеников дошкольного возраста……...	219
Сведения об авторах		221

ЧЕЛОВЕК - ОБЩЕСТВО - КУЛЬТУРА

УДК : 234

Особенности духовной жизни христианина и понимания ее задач в культуре техносоциума

О. Н. Дьяченко, М. А. Волобуева

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается круг проблемных вопросов, связанных с пониманием целей духовной жизни и возможностью их осуществления в современных социокультурных условиях. Авторыобращаются к анализу факторов, которые были присущи опыту жизни верующих в раннехристианский период и оказали существенное влияние на понимание главной категории христианской этики – спасения.

Ключевые слова: духовная жизнь, христиане, спасение, культура техносоциум.

Abstract. The article examines a range of problematic issues related to understanding the goals of spiritual life and the possibility of their implementation in modern sociocultural conditions. The author turns to the analysis of factors that were inherent in the experience of life of believers in the early Christian period and had a significant impact on the understanding of the main category of Christian ethics - salvation.

Key words: spiritual life, Christians, salvation, culture technosociety.

Анализ публикаций, которые представлены на сайтах популярных православных изданий, ИНТЕРНЕТ-ресурсов, порталов, например, таких как ПРАВОСЛАВИЕ.RU(https://pravoslavie.ru), Правмир (https://www.pravmir.ru), журнал «ФОМА» (https://foma.ru), православный портал «Азбука веры» (https://azbyka.ru) и многих других, а также передач телеканалов «Спас», «Союз», радио «Вера», можно сделать вывод о том, чтомногие темы сводятся к одной: как и какими путями христиан должен идти к главной цели, которая обозначена в Евангелии, в цифровой век.В сущности, главный настрой многочисленныхработ, бесед с пастырями и богословами, религиозными мыслителями и учеными – трактовка того, как согласовать аксиологические принципы, нравственные правила и законы земного бытия с истиной, данной Христом, с теми условиями, которые отличают жизнь христианина в мире техносоциума.

Для многих верующих сегодня под сомнение поставлена сама возможность спасения в современных социокультурных условиях, способность быть христианином, именоваться им.Почему современный христианин все чаще понимает, что именно он сейчас, как никогда, оказывается дальше от Христа, чем предшествующие поколения христиан?И, как это возможно в век технологий, когда жизнь человека переместилась в искусственно созданное пространство,претендующее на замену человека машиной? Подобные размышления заставляют верующего человека испытывать отчаяние и растерянность, убеж-

даться в невозможности евангельского образа мысли и подлинно христианского образа жизни.

Читая древние патерики, столь любимые христианским миром, в особенности монахами и мирянами, такие как «Лествица» [4], «Луг духовный» [5], «Лавсаик» [8], поучения великих подвижников Макария Великого [6], Антония Великого [1], Марка Подвижника [6], современный христианин не может испытать ничего, кроме печали, повергающего его в глубочайшее уныние. Для современного человека не только образ жизни, но даже образ мысли становится чем-то недосягаемым, невозможным. Высота духовного опыта, чистота жизни этих людей, ставших святыми, неизбежно приводит христианина к мысли о недостижимости спасения, особенно в миру. И все же, остались ли какие-то средства у человека, чтобы осознать свою принадлежность ко Христу и христианству?

Христиане первых веков были озадачены другой проблемой: как быть достойным исповедником учения Христа и сомневались они не в истинности Его учения, но в силе своей веры, как стать исполнителем закона любви. Христиане, жившие в период расцвета богословской мысли, пытались согласовать знание о Христе и Его учении с опытом веры.

Очевидно, что современный христианин стремиться не к тому, чтобы унаследовать Царство Божие, а стремиться продлить свою жизнь как можно дольше и всеми доступными ему средствами. Страх смерти для человека становится мотивирующим компонентом, исходя из которого он старается сделать все, чтобы избежать этой участи. Современный человек, да и христианин сегодня, по сути, стремится к бессмертию здесь, на земле. И платой за стремление не к духовному, а к физическому бессмертию оказывается то, что в настоящее время люди стали духовно и физически слабыми по сравнению с прошлыми столетиями. Этот факт подтверждается учеными и врачами. Именно поэтому жизни святых кажутся нам ненастоящими, из ряда фантастики, а подвиги нереальными.

Если посмотреть на отношение к смерти христиан первых веков, то можно заметить, что смерть для них принципиально не имела никакого значения, потому что главной и единственной целью было достижение Царства Божия, быть со Христом, но для этого нужно было перейти черту смерти. Их цель была четкой и конкретной – быть с Богом, и поэтому первые мученики шли на казни вместе со своими детьми, что для современного христианина будет вещью неприемлемой ни для себя, ни для своих детей [2; с. 223].

Но период гонений остался в пошлом, поэтому в христианстве всегда было и будет ключевым понятием «жертва». Возникает вопрос: чем сегодня готов пожертвовать христианин во имя подтверждения своей веры, если большинство интернет-источников, особенно, психологической тематики кричат о любви к себе, своих интересах, а, по сути, о праве быть эгоистом.

В сотериологии святителя Игнатия (Брянчанинова) можно выделить пять аспектов, необходимых для спасения христианина. Первостепенное, что необходимо для спасения – это вера в Бога, которая предполагает принятие Божест-

венного учения: «Вера, по естественному свойству своему, способна принять и усвоить уму и сердцу то, что непостижимо для ума и не может быть принято обыкновенным путем суждения» [3; с. 177]. Вот именно это условие и составляет главную проблему для христианина. И здесь мы подразумеваем принятие ответственности за право быть христианином. Безусловно, сегодня вера затмевается, а то и вымещается из человека посредством опоры на результаты научных достижений. В настоящее время все труднее становится принимать что-то на веру без каких-либо доказательств.

Возникает вопрос: что должен сделать современный христианин, чтобы понять и принять, что Евангелие, а также его принципы, законы, задачи – это не умозрительная и невозможная цель, а насущная жизненная задача.Чтение патериков, святоотеческой литературы, по сути, свидетельствует о том, как люди, жившие в разные исторические эпохи, каждый по-своему раскрывает опыт борьбы и противостояния с человеком-падшим в себе самом.

Насущной потребностью для христианина в условиях техносоциума являетсяясное осознание современной, присущей нашему времени, ситуации. А это означает, что он уже не может дистанцироваться от тех вызовов и угроз, которые необходимо увидеть, осмыслить и принять. В современных социокультурных условиях под угрозу ставится существование самого человека, а точнее, того, что составляет сущность его личности, поскольку создаются и реализуются новые технологии, которые делают лишним его присутствие на земле: искусственный интеллект, роботы, беспилотные автомобили и другие объекты, присущие культуре техносоциума, считаются величайшим достижением века, в то время как любая по-настоящему творческая деятельность человека уже не имеет цены и высокой оценки в наш век. Человек стремится жить и действовать так, словно он является частью технико-механистического мира, основная деятельность которого включена в информационное пространство. Именно его реалии создают собственную ценностную иерархию, а, по сути, систему антиценностей, диктующих человеку новый образ мысли и образ жизни.

Техника проникла во все сферы человеческой жизни: социальную, экономическую, политическую, в том числе духовную. Для верующего человека сегодня величайшей опасностью является мыслить о вещах духовного порядка так, словно духовный мир человека – это теория, а человек есть механизм.

Пути получения и усвоения опыта претерпевают большие изменения в жизни каждого человека, потому что происходит оно в изначально искаженномвиде и не по причине того, что в большинстве своем человек черпает знания из интернет-источников, но потому, чтоусвоение ложной информации происходит раньше, чем человек смог ее осмыслить и принять, что приводит к культивированию стереотипов, ложных идеалов прекрасного. Святые разных эпох всегда подчеркивали, что разум – это канал поддержания и сохранения истины и связи с Богом, памятования о Нем, способ удержания связи с ним. Принимая ложную информацию, восприятие человека сводится к усвоению чужих идей, заимствованию мнений, что в дальнейшем приводит к неспособности и невозможности видеть реальные вещи своими собственными глазами.

В этой информационной среде проповедь евангельского вероучения нередко оказывается включенным в сферу развлечений, объектом потребления в информационной культуре, что явно не согласуется с самим духом учения Иисуса Христа. Так, в сети можно увидеть тысячи роликов, которые, на первый взгляд, подчинены определенной цели – сделать доступными христианские идеи, разъяснить молодым людям с клиповым мышлением базовые понятия христианской этики, но по факту они подчиняют христианское содержание законам шоу, в процессе просмотра которого человек продолжает пребывать в состоянии, в котором невозможно узнавание и восприятие христианской истины. Таким образом, благая цель – вызвать интерес к христианству теряется в попытке составить конкуренцию другим развлекательным роликам.

Отдельного внимания заслуживают ресурсы на православную тематику, где форумы и чаты оказываются местом для злословия и хулы ближнего. Получается, что грех переносится из пространства реального в пространство виртуальное.

Евангельский юноша как бы олицетворяет современного христианина, которыйвыказывает готовность следовать заповедям, но отказаться не способен от материальных благ, а также комфорта, которые они могут дать. И мысль о том, что нет ничего плохого в богатстве, возможности использования каких-то благ, оказывается для современного христианина ловушкой, непосильным испытанием, которое он не выдерживает. Он привыкает к этой мысли и теряет грань, когда необходимое становится преизбыточным.

Таким образом, раскрывая понимание спасения для верующего в условиях техносоциума, мы можем сделать вывод о том, что непонимание рисков и вызовов для современного человека влечет за собой и непонимание условий, в которых совершается спасение здесь и сейчас. Доминирующим мотивом оказываетсяпогоня за иллюзией бессмертия, но в земном существовании. В жизнь современного человека не вписывается главное – жертва. Именно она раскрывает все компоненты понимания спасения. Именно к жертве в разных ее формах оказывается и не готов современный христианин.

Библиография.

1. Антоний Великий, преподобный. Поучения / Преподобный Антоний Великий // Сост. Е.А. Смирновой. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 704 с.

2. Дьяченко О. Н. Личность как религиозно-философский феномен в западноевропейской средневековой философии: монография / О. Н. Дьяченко. – М. : Энциклопедист-Максимум, 2023. – 400 с.

3. Игнатий Брянчанинов, святитель Полное собрание творений и писем: В 8 т. / Святитель Игнатий (Брянчанинов) // Общ. ред. О. И. Шафранова. – 2-е изд., испр. и доп.: Письма: в 3 т. – М. : Паломник, 2011; Творения: В 5 т. – М. : Паломник, 2014. – Т. 2. – 704 с.

4. Иоанн Лествичник, преподобный. Лествица, возводящая в небо / Преподобный Иоанн Лествичник // 8-е изд. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2013. – 592 с.

5. Иоанн Мосх, блаженный. Синайский патерик, или Луг духовный / Блаженный Иоанн Мосх. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2008. – 224 с.

6. Макарий Египетский, преподобный. Новые духовные беседы / Преподобный Макарий Египетский. – М. : Изд-во СП «Интербук» (Серия «Богословские труды и проповеди» из цикла «Религия в жизни обещества»), 1990. – 172 с.

7. Марк Подвижник, преподобный. Аскетические творения / Преподобный Марк Подвижник // 2-е изд., испр. – СТСЛ, 2013. – 232 с.

8. Палладий, еп. Еленопольский. Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов / Епископ Еленопольский Палладий. – М. : Благовест, 2013. – 384 с.

УДК : 1(091)

Россия и Запад в историософии Д. С. Мережковского

С. П. Бельчевичен, И. А. Казанцева

Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается проблема формирования нового типа общества «мещанства» в условиях кризиса гуманистической культуры в философии истории Д. С. Мережковского. В рамках западной цивилизации складывается общество, основанное на целерациональных стереотипах поведения, прагматизме, что ведет к бездуховности и кризису западной культуры. В этих условиях талантливая личность теряет возможность свободно и полноценно творить. Особое значение в этой ситуации кризиса имеет появление в России «религиозной общественности», которая, по мнению Мережковского, способна победить «Грядущего Хама».

Ключевые слова:русская религиозная философия, кризис гуманистической культуры, Россия, Запад, историософия, творческая личность.

Abstract. The article deals with the problem of the formation of a new type of society of "philistinism" in the context of the crisis of humanistic culture in the philosophy of history of D.S. Merezhkovsky. Within the framework of Western civilization, a society is being formed based on goal-oriented stereotypes of behavior, pragmatism, which leads to lack of spirituality and a crisis of Western culture. In these conditions, a talented person loses the opportunity to create freely and fully. Of particular importance in this crisis situation is the appearance in Russia of a "religious community", which, according to Merezhkovsky, is capable of defeating the "Coming Boor".

Keywords and phrases: Russian religious philosophy, crisis of humanistic culture, Russia, the West, historiosophy, creative personality.

Проблема особенностей развития, диалога России и Запада занимает значительное место в русской философской традиции. Судьбы русской цивилизации волновалимногих отечественных мыслителей, среди них Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865-1941) – талантливый литературный критик, поэт, писатель основатель нового течения в русской религиозной философии – неохристианства. Д. С. Мережковский рассматривает данную проблему сквозь призму кризиса гуманистической традиции и формирования на Западе и в России «мещанства» или, как позднее его обозначил М. Фуко, «дисциплинарного общества»[8; p. 39]. Русский мыслитель вступает в дискуссию достаточно поздно, поэтому вынужден учитывать весь спектр мнений сложившихся в русской и западной философии. Д. С. Мережковский умеет вести полемику, слушать и одновременно спорить с собеседником. Он вступает в диалог с людьми «разных мечтаний» от Ф. Ницще, Дж. Ст. Милля, К. Маркса до А. Герцена, М. Бакунина, Вл. Соловьёва. Основными собеседниками Д. С. Мережковского по данному вопросу становится Ф. Ницше и А. И. Герцен. Немецкий философ был одним из тех западных мыслителей, кто в наиболее яркой форме показал процессы дегуманизации европейской культуры, заявил о «смерти человека», нереализованности ренессансных ценностей. Другим собеседником стал А. И. Герцен. Его фигура привлекает Д. С. Мережковского европейской ориентацией, он любил Запад и не скрывал своей симпатии к европейской культуре, однако прожив определенное время на Западе, русский писатель разочаровался в идеалах запад-

ного общества. Своё неприятие европейских ценностей он выразил так: «Для нас важно то, что западный человек, как только начинает вглядываться в современное состояние Европы, чувствует неловкость, чувствует что-то не туда идет, что развитие дало в сторону»[2; с. 374]. Герцен увидел причины кризиса современной европейской цивилизации в формировании «среднего состояния», усреднённости европейской культуры. «Ясно, – утверждает далее мыслитель, – что кормчий этого купец и что он поставит на всех его проявлениях торговую марку. Вместе с его господством разовьётся понижение всего нравственного быта и Ст. Милль, например, вовсе не преувеличивал, говоря о сужении ума, энергии, стертости личности, о постоянном мельчании жизни, о постоянном исключении из неё общечеловеческий ценностей, о сведении её на интересы торговой конторы и мещанского благосостояния…» [2; с. 374-375]. Д. С. Мережковский во многом согласен с оценкой происходящего в Европе, данной А.И.Герценом, он не только рассматривает это явление, опираясь на анализ русского мыслителя, но и принимает термин «мещанство». По мнению Д. С. Мережковского, в Европе появился новый тип общества, основанный на целерациональных ценностях, где господствует позитивистская идеология, всепоглощающая рациональность, появляются стереотипы и модели поведения, которые мешают человеку реализовать заложенную в нём духовность. Трагедия современной западной культуры в том, что она теряет свою духовную сущность. Европеец всё больше и больше живёт материальными интересами «торговой конторы» и всё меньшее значение придаёт духовной жизни. В подтверждение своей позиции Д. С. Мережковский ссылается на творчество А. И. Герцена: «Мещанство, – говорит Герцен, – эта та толпа сплоченной посредственности (conglomerated mediocrity) Ст. Милля, которая всем владеет, – толпы без невежества, но и без образования…» [5; с. 14]. Одновременно Д. С. Мережковский дистанцируется от А. И. Герцена и Ст. Милля, когда пытается анализировать причины «мещанства»: «Ни Милль, ни Герцен не видели последней причины этого духовного мещанства» [5; с. 14]. Д. С. Мережковский убеждён, что в Европе складывается особая технология жизни, где присутствует несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность. Огромную роль в этом процессе сыграл позитивизм, который превратился в своеобразную религию, основанную на рациональности и прагматизме. «Последний предел современной европейской культуры – позитивизм, или, по терминологии Герцена, «научный реализм», как метод не только частного научного, но и общего философского и даже религиозного мышления»[5; с. 15]. Особенно в условиях цивилизационного мещанства трагично существование талантливой личности. К этой теме Д. С. Мережковский обращается в литературно-критической статье «Вечные спутники. Флобер». Французский автор был одним из тех западных писателей, которые никак не могли найти себя в современном обществе. Он болен, по мнению Д. С.Мережковского, «страшной болезнью», гениальностью, отсюда его формула философского миросозерцания: «Искусство выше жизни» [6; с. 432]. Он бежит от жизни в сферу искусства. Не находит понимания в обществе, страдает и ищет. «Трагизм его положения в том, что он – один среди

чужого мира. И мало-помалу отчаяние его достигает последних пределов», – комментирует ситуацию Д. С. Мережковский [6; с. 437]. Он обращается то к политике, то ищет идеал в науке. Но познакомившись с позитивизмом О. Конта, находит эту систему «нестерпимо глупой» [6; с. 436]. Как показывает Д. С. Мережковский на примере Г. Флобера, существование творческой личности в условиях массового общества поистине трагично. В таком обществе талантливый человек находится в своеобразной изоляции и не способен полноценно творить. Цивилизованное мещанство оставляет этих людей в кругу личной культуры, и они не могут донести свои идеи до общества. Взгляды Д. С. Мережковского на развитие западной цивилизации изменялись. В период между двух революций русский автор, посещая Европу, мог сравнить тихое западное мещанство и революционную бурю в России. Теперь Д. С. Мережковский видит, что наряду с негативными явлениями в западном обществе за европейцем закреплены неотчуждаемые естественные права, которые дают ему определенную автономию в рамках государства [3; с. 287]. А что же Россия? В России, как полагает Д. С. Мережковский, также сложился определённый тип «дисциплинарного общества». Он выявляет три начала духовного рабства: «самодержавие, мертвый позитивизм православной казенщины, и третье лицо, будущее, – под нами, лицо хамства, идущего снизу – хулиганства, босячества черной сотни – самое страшное из всех трех лиц»[5; с. 43]. По замыслу русского философа, «Грядущему Хаму» противостоит «религиозная общественность», состоящая из русской интеллигенции, русского народа и обновлённой православной церкви [6; с. 34]. Это объединение возможно только в случае создания общественного идеала, основанного на обновлённых христианских ценностях. Рассматривая феномен русской интеллигенции, Д. С. Мережковский видит, что её атеизм является лишь противоположной стороной истинной веры, поэтому русская интеллигенция движется от света к свету, от Первого Пришествия ко Второму. Таким образом, русское интеллектуальное сообщество идёт от традиционного христианства к апокалипсическому. Подтверждая этот тезис, Д. С. Мережковский пишет статью «Страшный суд над русской интеллигенцией». В Исаакиевском соборе 20 февраля 1905 года епископ волынский Антоний произнёс речь о Страшном суде и русской интеллигенции, где объявил последнюю врагом русского народа. Русский философ вступает в спор с церковным иерархом, доказывая, что эта вражда между двумя группами российского общества невозможна. В русском православии ещё сильны отголоски борьбы с еретическим Западом. Рождение русской интеллигенции связано с Петром I, он первый образованный человек, первый русский интеллигент. И борьба с Западом – это борьба с петровской традицией, как считает Д. С. Мережковский. Именно русская интеллигенция несёт в себе лучшие традиции европейской культуры, соединяя их с подлинной правдой о Христе. Проблеме русской православной церкви посвящена другая статья Д. С. Мережковского «Св. София». Поездка в Турцию, сложности путешествия – всё это теряется и меркнет, когда приближаешься к храму Св. Софии, делится своими впечатлениями Д.С.Мережковский. Он верит в то, что храм является символом

единства трёх начал Троицы: Отца, Сына и Св. Духа. Отстаивая идею нового религиозного действия, Д. С. Мережковский пишет: «Но Византия, построив храм Троице, забыла Троицу… И остановившись в одном Втором Лике, религия христианства, только христианства – сделалось такой же косной и бессильной, одиноко созерцательной, бездейственной…» [5; с. 54]. Д. С. Мережковский считает, что РПЦ должна вернуться к первоначальным истокам христианства, переосмыслить традиционные христианские ценности, обратиться к социальному действию, что в итоге будет способствовать объединению русской церкви с интеллигенцией и русским народом. Опираясь на антропологическую установку о том, что религия является неизменной частью человеческой природы, Д. С. Мережковский верит, что и русский народ сохранил истинную веру, и он самый апокалипсический из народов[7; с.8]. Таким образом, существование религиозной общественности возможно на основе нового религиозного сознания, обновлённых христианских ценностей. Именно она, по мнению Д. С. Мережковского, и способна победить «Грядущего Хама».

Рассматривая проблему специфики существования России и Запада в условиях кризиса гуманистической культуры, Д. С. Мережковский полагает, что в России и на Западе сложились новые типы дисциплинарного общества, основанные на прагматизме и целерациональных стереотипах поведения, что нивелирует европейскую культуру, ведет к её бездуховности [1; с. 122]. В рамках такого общества талантливая личность теряет свой дар, испытывает давление целерациональных стереотипов поведения. Появление «мещанства» русский автор увидел в отказе от абсолютных идей. Разочаровавшись в ценностях современной ему западной цивилизации, Д. С. Мережковский обращается к России, верит в её особую религиозную миссию.

Библиография.

1. Бельчевичен С. П. Угроза дегуманизации культуры и религия в философии Д. С. Мережковского // Обсерватория культуры. – 2012. – № 3.– С. 120-124.

2. Герцен А. И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры / А. И. Герцен. – М. : Искусство, 1987. –602 с.

3. Зеньковский В. В. История русской философии: в 2 т. / В. В. Зеньковский. – Париж : YMKA-PRESS,1989. – 469 с.

4. Лунберг Е. Мережковский и его новое христианство / Е. Лунберг. – СПб. : Тип. Г.А. Шумахера и Б.Д. Брукера, 1914. – 192 с.

5. Мережковский Д. С. Больная Россия / Д. С. Мережковский. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – 267 с.

6. Мережковский Д. С. Толстой и Достоевский. Вечные спутники / Д. С. Мережковский. – М. : Республика, 1995.– 623 с.

7. Мережковский Д. С. Полное собрание сочинений: в 17 т. / Д. С. Мережковский. – СПб. : М.: Т-во М.О. Вольф, 1911. – Т. 10. – 336 с.

8. Foucault M. Politics.Philosophy. Culture / M. Foucault. – N.Y. : Psychology Press, 1990. – 330 p.

УДК : 37.034

Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как стратегическая цель воспитательной деятельности вуза

Г. А. Кирмач

Луганский государственный педагогический университет

(г. Луганск, Россия)

Аннотация. В статье акцентируется внимание на том, что российское образование нуждается сегодня в ориентирах, которые бы позволили успешно ему развиваться. Анализируется понятие «воспитание» и его особенности. Рассмотрены цели изадачи духовно-нравственного воспитания. Сделан вывод о том, как важно сегодня сделать акцент на приобщении студенческой молодежи к традиционным духовно-нравственным ценностям, которые лежат в основе сохранения и развития одной из самых самобытных цивилизацийпланеты.Проанализировано состояние современного общества и выделенысоциальные факторы, которыенаправлены на его духовное и нравственное разложение.Автор указывает на главную роль педагога в передачи духовно-нравственных ценностей подрастающему поколению. Рассмотрен воспитательный потенциал учебных дисциплин с целью приобщения студентовк традиционнымдуховно-нравственным ценностям. Подчеркивается роль православия в сохранении традиционных духовно-нравственных ценностей в содержании всего нашего образования и воспитания.

Ключевые слова: воспитание, духовно-нравственное воспитание, традиционные духовно-нравственные ценности, русская цивилизация, этнопедагогика, русская культура.

Annotation.The article focuses on the fact that Russian education today needs guidelines that would allow it to develop successfully. The concept of “education” and its features are analysed. The goals and objectives of spiritual and moral education are considered. It is concluded that it is important today to focus on introducing students to traditional spiritual and moral values that underlie the preservation and development of one of the most distinctive civilizations of the planet. The state of modern society is analysed and social factors that are aimed at its spiritual and moral decomposition are highlighted. The author points out the main role of the teacher in the transmission of spiritual and moral values to the younger generation. The educational potential of academic disciplines is considered in order to introduce students to traditional spiritual and moral values. The role of Orthodoxy in preserving traditional spiritual and moral values in the content of all our education and upbringing is emphasized.

Keywords: education, spiritual and moral education, traditional spiritual and moral values, Russian civilization, ethnopedagogy, Russian culture.

Начало 21 века стало временем интенсивного размышления о судьбе российского образования. Сегодня наша страна нуждается в ориентирах, которые бы позволили успешно развивать обществу в целом, и каждой его отрасли отдельно, в том числе и образованию.

К сожалению, несмотря на принятый Указ Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских традиционных духовно-нравственных ценностей» [3], во многих высших учебных заведениях его реализация свелась к формальным отчетам о проделанной работе, которые не могут являться основанием изменения духовно-нравственной воспитанности будущего профессионала.

Сегодня мы вправе говорить о реальной возможности создания целостной системыдуховно-нравственного воспитания подрастающего поколению во всей ее полноте.

Слово «воспитание» слагается из слова: «питание» (снабжение организмапищей, необходимой ему для развития) и приставки «вос» (вверх, в вышину). Глубинный смысл воспитания заключается в том, чтобы наполнять внутренний мир человека полезными для него «продуктами», благодаря которым он мог бы расти духовно.

По мнению С. Ю. Дивногорцевой, «восхождение человека к духовности хотя и трудная, но реальная задача, если её целенаправленно решать с нашей молодёжью путём глубоких размышлений о высшем предназначении человека; воспитания сердечности, совестливости, отзывчивости, стимулирования в наших детях и учениках добронравия в делах и помыслах; поощрения самосознания, самосовершенствования, саморазвития, самореализации; преодоления легкомысленного, поверхностного, одномерного мышления; воспитания чувства внутренней свободы и одновременно ответственности» [1; с. 16].

В этом определении воспитания сопряжены ряд моментов:

1) воспитание не может основываться только на научных знаниях – более того, как раз самое существенное в воспитании в принципе превосходит возможность научного познания;

2) цель воспитания совпадает с целью жизни, а тем самым, само воспитание становится не отдельной «сферой», а частью жизни, пронизывающей ее всю;

3) воспитатель является таковым постольку, поскольку транслирует в учеников не какие-то отдельные качества и жизненный опыт, а саму человечность, саму свою личность как таковую.

На наш взгляд, духовность и нравственность являются важнейшими, базисными характеристиками личности студента.

Цель духовно-нравственного воспитания – становление собственно человеческого качества в человеке. Духовность – это то, что возвышает личность над физиологическими потребностями, этическим расчетом, рациональной рефлексией, то, что относится к высшей способности души человека, что заложено в основание его личности. Духовность – это то самое высокое, конечное, высшее, к чему стремится личность. Если духовность характеризует высшие, «вертикальные» устремления личности, то нравственность – сфера ее «горизонтальных» устремлений: отношений с людьми и обществом.

Исходя из этого, мы рассматриваем духовно-нравственное воспитание как процесс организованного целенаправленного воздействия педагога на духовно-нравственную сферу личности, являющуюся системообразующей ее внутреннего мира. Только в условиях согласованного многофакторного взаимодействия можно успешно решать задачи духовно-нравственного воспитания личности.

Если мы посмотрим на всю историю человечества, то увидим, что практически все мыслящие люди, за исключением некоторых деятелей эпохи Возрож-

дения и нового времени, считали, что духовно-нравственное воспитание, даже независимо от того, было оно в школе или нет, необходимо в системе образования. Так, практически все античные мыслители, как греческие, так и римские доказывали, что оно нужно, потому что «обучение без воспитания – это меч в руках безумца». По сути дела, меч – хорошая вещь. Но вот что им делать, это не от меча зависит, а от человека. Меч и добру может служить, и злу. А потому человека надо учить понимать, в каких целях и когда он должен уметь им использоваться.

Существует распространенное мнение, что система образования – это, прежде всего, система передачи знаний от старшего поколения к молодому поколению. Нет, это еще и формирование системы ценностей, нравственных норм, и так далее, т.е. это – воспитание. Сегодня эта функция сознательно и тщательно камуфлируется, говорят исключительно о передаче знаний, но именно воспитание имеет огромное значение!

Это чрезвычайно важный вопрос, что мы передадим подрастающему поколению. Если мы потеряем молодое поколение – мы потеряем все. И любые реформы в области финансов, экономики, юриспруденции будут уже совершенно бессмысленны. Человек – это первично, все остальное вторично**.**

Таким образом, без культивации традиционных духовно-нравственных ценностей, любое общество обречено на превращение в неконсолидированное, разрозненное общество потребления, лишенное личной ответственности, высших целей и ценностей. Именно поэтому, сегодня так важно вспомнить и обратиться к нашим традиционным духовно-нравственным ценностям, которые лежат в основе сохранения и развития одной из самых самобытныхцивилизаций планеты.

Если под углом зрения духовного благополучия проанализировать состояние современного общества, то можно увидеть, сколько социальных факторов направлено на его духовное и нравственное разложение. Безусловно, масштаб разрушающих действий огромен, в том числе и в сферах насаждения чуждой нам идеологии и формирования мировоззрения будущих поколений. Многие говорят о том, что молодое поколение ведет себя как «Иваны, не помнящие родства». Для этого достаточно было отравить питающую нас почву (культуру, традиции), отрезать нас от корня исторической память. Для этого убирались с учебников факты, способные вызвать чувство собственного достоинства и гордости за отечество. Многие фактыпреднамеренно искажались, происходило развенчивание героев, которые выглядели вовсе не героями, а людьми, с большими пороками и недостатками. Все делалось согласно методичкам идеологических диверсий, для этого нужновыбить из русского человека консервативную базу, чтобы сформировать у подрастающего поколения чувство ущербности и вторичности по отношению к представителям «цивилизованных стран».Таким образом, примат технологии над смыслами, заимствованный у западной цивилизации, порождал у насотсутствие собственной стратегии развития государства и как следствие всей системы образования.

Педагог – самый главный транслятор традиционных духовно-нравственных ценностей. Когда в нашем Отечестве учительство стало профессией, учителями могли становиться только зрелые люди строгой жизни, великодушные, благочестивые, трудолюбивые, смиренные, желающие спасения детским душам, своим примером побуждавшие детей исполнять нравственные законы, так как то, что дети слышали из уст своих воспитателей, они видели в самой жизни их наставников. Известно библейское предостережение: «Не многие становитесь учителями» [1 – Иак. 3:1], что лишний раз подчеркивает мысль о том, что педагог, это не профессия, а призвание.

Как правило, педагог всегда находится в центре общественных и прочих катаклизмов, он обреченвсегда постигать новые образы и смыслы (всю жизнь учиться), если он понимает, что собственное внутреннее благополучие, душевный комфорт нужны для того, чтобы отвечать на вопросы учеников, объяснять, помогать духовно созревать другим и при этом не лгать, соответствовать высочайшим нравственным нормам, которые сохраняются в общественном сознании народа.

Духовно-нравственное воспитание будущих педагогов в процессе профессиональной подготовки не может основываться на одном отдельно взятом предмете. Для этого всё пространство вузовского образования, всё пространство педагогической деятельности должно стать воспитывающим. Каждый учебный предмет должен быть направлен не только на передачу определённой суммы знаний, социального и практического опыта, но и на формирование целостного человека, его способностей, духовно-нравственных качеств, сознания, мировоззрения, формирование любви к миру, к своему Отечеству и другому человеку, осознанию своей высокой миссии в обществе. Для этого необходимо определить, за опыт решения каких именно смысложизненных вопросов отвечает данная дисциплина, какие нормы, способы, средства социального взаимодействия, межкультурной коммуникации и стоящие за этими нормами традиционные духовно-нравственные ценности присваиваются и переосмысливаются студентами.

Таким образом, опора на традиционные ценности помогает скорректировать содержание образования и воспитания в целом изадуматься о разработке новых воспитательных технологий, необходимых для реализации воспитательных программ.

Реальную возможность для передачи студенческой молодежи традиционных ценностей русского народа, духовно-нравственных принципов построения жизни представляет дисциплина «Этнопедагогика». Народная педагогика является элементом нашей отечественной история и культуры, представляя собой кладезь мудрого педагогического опыта, источник нравственного здоровья, аккумулирует традиционные духовно-нравственные ценности. А поскольку с 988 года русская культура буквально пронизана православием, нельзя, раскрывая уклад народной жизни, оставлять без внимания его идеологическую основу – православную веру.

В изучении народной педагогики мы идём, прежде всего, от народного идеала человека,отраженного в произведениях устного народного творчества (былинах, сказках, притчах, пословицах, поговорках, а для православного русского народа в высшем смысле – в Евангелии и житиях святых).

Ведущим методом воспитания в народной педагогике следует назвать метод личного примера, так как ребёнок, именно наблюдая за поведением взрослых, учился тому, как следует общаться с людьми, трудиться, строить семью и т.д.

Для русского человека слово – непустой звук. Оно имеет вес и силу и меру. Сказанное слово всегда приравниваласьк договору. Мы честно исполняли договора и держали слово, поэтомупроцветали и здравствовали.

Со слова начинается становление человека и социума. Вместе с тем, слово стало величайшим средством воспитания. Слово учит, формирует человека. Соответственно, язык – это не система условных знаков, а сама духовная жизнь народа. И тогда понятно,что язык, как орган духовной жизни народа, вбирает в себя всю полноту духовной жизни, историю народу, его философию, литературу, культуру.

Безусловно, изучение родного языка имеет большое значение в воспитании традиционных духовно-нравственных ценностей. Русский язык – это больше, чем наша страна, это фундамент всего нашего народа, это сокровище, которое мы обязаны хранить и оберегать.Недаром, слово «язык» по-старославянски – этонарод. Без него – мы рассеянная толпа, перекати-поле без корней. Вот почему такважно учить молодых людей вслушиваться в слово, понимать его смысл и этимологию (например, слова «счастье», «Родина», «Отечество», «человек», «совесть», «милосердие» и др.).

В нашем книжном слове причудливо переплетались культурные и религиозные традиции. Развиваясь в системе этих координат, русская культура дала миру соцветие имен, которому могли бы позавидовать многие западноевропейские страны: А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, И. А. Ильина, Л. А. Тихомирова, о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова (можно перечислять бесконечно…). Это наша духовная мощь! Это наша национальная гордость. Мы – наследники великой культуры!

Литература является в наше время ареной острой духовной борьбы. Ведь от того, что читают и смотрят люди рубежа XX и XXI веков и как интерпретируются классические и современные произведения во многом зависит духовно-нравственное состояние общества в целом и отдельного человека в частности.

Русская литература внесла значительный вклад в развитие отечественной педагогической мысли, пытаясь осмыслить, что такое «душа человека», «что есть добро и зло» и тем самым обозначая важнейшие нравственные постулаты.

И это неудивительно, наша литература сумела соединить невозможное – художественные средства познания человеческой души с вполне научной глубиной и тщательностью этого познания. Кто-то метко назвал русскую литературу религией второй заповеди – любви к ближнему. При этом литературу ни

сами авторы, ни читатели не рассматривали как развлечение. Она была учебником жизни, а русские писатели – её учителями.

Для того, чтобы создать образ будущего мы должны понять: «Кто Мы такие?». Для этого необходимо под новым углом зрения изучать русскую историю. От изучения истории подрастающее поколение должно вынести осознание того, что наши предки были великими, настоящими правителями и любили русскую землю. Более того, изучая историю великих героев, великих воинов и святых, важно прийти к пониманию того, почему они именно так поступали в том или ином случае. Только при таком подходе к изучению истории мы сможем понять особенности нашей русской цивилизации, ее морали и нравственности.

Причем, особенности западной цивилизации мы не преподносим под критическим углом зрения, а изучаем ее и принимаем к сведению. Отсюда следует, что у подрастающего поколения должно быть сформировано понимание того, что они просто Другие, не такие как мы.

Отметим, что, изучая историю, Бог и вера не должны быть исключены из системы исторических координат. Только при таком масштабе мышления подрастающее поколение имеет шанс на более или менее объективное восприятие себя, своего народа и страны. Как говорил В. Соловьев, «идея нации есть не то, что она сама думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности» [4].

Таким образом, осознавая, что православие само по себе – это подлинная великая классика в самом прямом и глубоком смысле этого слова, следует указать на то, что она может стать критерием и важнейшей предпосылкой сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей в содержании всего нашего образования и воспитания.

В завершении вспомним слова великого русского философа Ивана Александровича Ильина, который томился вдали от просторов Великой России, безумно любил ее, и писал: «Как бы ни были велики наши исторические несчастия и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Богу и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи» [2; с. 444-445].

Библиография.

1. Дивногорцева С. Ю. Духовно-нравственное воспитание в теории и опыте православной педагогической культуры / С. Ю. Дивногорцева. – М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2012. – 237 с.

2. Ильин И. А. О русской идее / И.А. Ильин. Наши задачи. Статьи 1948–1954 гг.: В 2 т. – М. : Айрис-пресс, 2008. – Т. 1. – С. 437–449.

3. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 года № 809. – URL: http:// www.kremlin.ru /acts/ bank/48502http:// www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (Дата обращения: 10.02.2024).

4. Соловьев В. С. Русская идея: [перевод доклада, прочитанного в 1888 г. в Париже на фр. яз.] / Вл. Соловьев. – М. : Путь, 1911. – Режим доступа: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003369948– Дата обращения: 20.02.2024.

УДК : 1(091)

Проблема человека во французском материализме XVIII века

А. А. Миргородский

Донецкий филиал Волгоградской академии Российской Федерации

(г. Донецк, Россия)

Аннотация. В статье предпринимается попытка анализа проблемы человека во французском материализме эпохи Просвещения. На основе проведенного исследования сделан вывод, что вышеуказанные концепции латентно воспроизводят антропоморфный взгляд на общественную историю, потому не способны разрешить данную проблему в свете вопроса о субъекте исторического развития. При этом французский материализм является наивысшей ступенью метафизического материалистического мышления домарксистской философии.

Ключевые слова: антропология, индивид, личность, материализм, труд, человек, эпоха Просвещения.

Summary. The articleattempts to analyze the human problem in the French materialism of the Enlightenment. Based on the conducted research, it is concluded that the above concepts latently reproduce an anthropomorphic view of social history, therefore they are not able to solve this problem in the light of the question of the subject of historical development. At the same time, French materialism is the highest stage of philosophical materialistic thinking of pre-Marxist philosophy.

Keywords and phrases: anthropology, individual, personality, materialism, labor, man, the age of Enlightenment.

Что такое человек? В чем специфика философского постижения человека? Эти и другие аналогичные вопросы, определяющие содержание философско-антропологической мысли, находятся сегодня в центре внимания многих ученых [5; с. 504]. Проблемы человека – это вечно новые проблемы, поскольку постоянно изменяются условия жизни, ее содержание, а вместе с ними – и сам человек [6; с. 6].

Проблема человека в свете вопроса об объективном субъекте истории в наше время приобретает особую актуальность.Говоря конкретнее, проблема заключается в выяснении того, какие же механизмы оказывают сегодня доминирующее влияние на развитие общественной истории. С одной стороны, это могут быть всеобщие объективные формы деятельности, в которых осуществляется историческая преемственность общественного развития. С другой стороны, на современном этапе заметно возрастает роль человеческого субъективного фактора, и поэтому сегодня наряду с объективными экономическими закономерностями всё явственней заявляет о себе ярко выраженный проективный характер целеполагающей деятельности субъектов исторического развития. Это относится не только к отдельно взятым индивидам, но и к действиям политических институтов и организаций. Это главное противоречие развития современного человеческого общества.

При этом все объективные формы общественного бытия (экономические отношения), как справедливо отмечает Т. Э. Рагозина, «существуют в эмпирической истории как особенные модификации субстанциального субъекта, как формы превращённые, производные от истинного субъекта истории, то есть от

труда – как естественно-исторического процесса производства всей общественной жизни, всегда остающегося тождественным самому себе» [7; с. 36].

Эпоха Просвещения – важнейший этап в развитии европейской истории. Просвещение впервые осознало себя новой эпохой, открыв индивида как субъекта общественно-исторического развития, в котором движущей силой выступают человеческие разум и воля. Здесь происходит как бы абсолютизация самоценности человеческой индивидуальности. Данные умонастроения формировались еще в XVII веке. Предвестником же Просвещения была критика средневековой схоластики, апелляция к разуму вместо опоры на религиозный авторитет и традиции.

Вместе с этим нужно отметить прежде всего такой красноречивый факт. Т.Э. Рагозина точно отмечает: «На смену будоражащему и окрыляющему ум романтизму Возрождения с его доктриной неограниченных возможностей человека приходит трезвый реализм Просвещения с его бесстрастной констатацией роли социальных рамок («среды», «условий», «обстоятельств»), устанавливающих предел и границы этим самым «безграничным возможностям» человека и его свободной деятельности» [8; с. 40].

С другой стороны, XVIII столетие осознавало себя как эпоху разума и света, возрождения свободы, а не необходимости се «границами и условиями», расцвета наук и искусств, наступившую после более чем «тысячелетней ночи» Средневековья. Лучше всего эти тенденции проявились во французском материализме, который в Новое время «освобождает учения Декарта, Спинозы, Гоббса от абстрактно-натуралистической узости» [9; с. 845].

На наш взгляд, главное отличие французского материализма от других концепций эпохи Просвещения состояло в том, что он отверг в какой-то мере компромиссные формы пантеизма, деизма, выступив с концепцией атеизма, основанного на выводах из науки о природе и человеке.

Как видим, человек в философии XVIII века предстает, с одной стороны, как отдельный, изолированный индивид, независимая личность, действующая в соответствии со своими частными интересами. С другой стороны, общественные среда и мнение определяют действия людей, а значит – и ход истории. Нужно отметить, что в XVIII веке возрождается та тенденция в решении проблемы индивидуального и всеобщего, природного и социального, которая была характерна еще для античных софистов, которых называют античными просветителями. Как и французские материалисты, они исходили из того, что человек есть существо природное, а потому именно чувственные склонности рассматриваются как основное определение человеческого существа. Как известно, еще Ж.-Ж. Руссо считал, что, чем меньше социальности, тем больше подлинно человеческого («Назад к природе!»).

Нужно отметить, что для просветителей история человечества, несмотря на все случайности, имеет определенную линию развития. Происходит наивная вера во всеобщий прогресс разума и движение ко все большему совершенству.

Французские материалисты, как сторонники естественного объяснения исторических явлений, исходили из того, что история творится людьми. История

складывается из действий людей, все исторические события – результаты деятельности людей. Поэтому для объяснения истории нужно понять, почему люди действовали так, а не иначе. Философия Просвещения и, французский материализм в частности, предлагают решение проблемы в том, что люди как существа разумные будут действовать сознательно и целенаправленно, просто для этого необходимо обратиться к их сознанию.

Как мы уже отметили, материалисты прежде всего критиковали религиозное мировоззрение и придерживались атеистических взглядов. Но это далеко не последняя главная особенность этой философии.

Например, П. С. Гуревич отмечает такой характерный признак эпохи Просвещения, как исторический оптимизм, который основывался на представлении о разумности человека, на убеждении в том, что «в человеческой природе есть много положительных задатков» [2; с. 122].

Главную же линию преемственности образует материалистическое учение о мире, природе и материальном единстве человека, выработанное Ламетри, Гельвецием, Гольбахом, Дидро.

Жюльен Ламетри в своей знаменитой работе «Человек-машина» (1747) провозгласил материализм единственно верным философским направлением. Ламетри делает вывод, что человек – это особого рода машина, которая способна чувствовать, мыслить, уметь отличать добро от зла, но далеко не постижима: «Человек – настолько сложная машина, что совершенно невозможно составить себе о ней яркое представление, а затем дать точное определение» [1; с. 610]. Одно ясно, что у Ламетри человеческое тело представляет собой часовой механизм: «Человеческое тело – это самостоятельно заводящаяся машина, живое олицетворение беспрерывного движения» [1; с. 612].

Ламетри делает свои рассуждения в материалистическом ключе, сообразуясь с духом эпохи: «Если все способности души настолько зависят от устройства мозга и всего тела, что, в сущности, они представляют собой не что иное, как результат этого устройства, то человека можно считать весьма просвещенной машиной!» [1; с. 615].

Как видим, в его работе изложены основные принципы, которые впоследствии были развиты французскими материалистами. К примеру, Ламетри исходит из сенсуализма Д. Локка и однозначно признает объективную основу наших ощущений – внешний мир. Одновременно он говорит, что материя находится в постоянном движении. При этом источник движения находится в самой материи. В свою очередь, мышление является способностью определенного вида материи, и его основания покоятся на ощущениях. Оно есть комбинирование представлений, возникших на основе ощущений и памяти.

Жюльен Ламетри отрицал идею врожденных идей, выступал против рационалистического априоризма, поэтому в его понимании ведущая роль принадлежит чувственному познанию: «Вот почему оказались тщетными все исследования apriori самых крупных философов, желавших, так сказать, воспарить на крыльях разума. Поэтому только путем исследования aposteriori, то есть, пытаясь найти душу как бы внутри органов тела, можно – не скажу от-

крыть с полной несомненностью самую природу человека, но достигнуть в этой области максимальной степени вероятности» [1; с. 611].

У Ламетри подчеркивается, что необходима правильная постановка научного опыта, который нуждается в глубоком обобщении. Поэтому не все так однозначно, когда мы говорим о механистическом материализме. К примеру, как отмечает С. Н. Кузнецов, тезис «человек-машина» только механистичен по своей форме, но не является таковым по своему содержанию [4; с. 254].

Ламетри по пунктам показывает, что человек не только «машина», но также при этом существенно отличается от механистических устройств. Несмотря на навешенный ярлык «вульгарного материалиста» многими авторами современных учебников философии по отношению к Ламетри, мыслитель не признает «всесильность материи»: «Неизвестно, обладает ли материя сама по себе непосредственной способностью чувствовать или только способностью приобретать ее посредством модификаций или принимаемых ею форм, ибо несомненно, что эта способность обнаруживается только в организованных телах» [1, с. 621].

Необходимым средством формирования и преимуществами человека Ламетри, опираясь на выводы Кондильяка, помимо организации и образования [1; с. 613], закономерно считал язык и членораздельную речь.

Таким образом, Ламетри вслед за Т. Гоббсом, Г. Лейбницем, видел в словах символические знаки, обеспечивающие процесс человеческого познания. Дело в том, что человеческую природу начинают рассматривать преимущественно в свете родового, а не божественного совершенства. И способность к образованию выдвигается в качестве отличительного признака духовности этой природы. Просветительская мысль расширила горизонт представлений о развитии как необходимом условии, что вызвало к жизни идею культуры. У Ламетри присутствует убеждение о неисчерпаемых потенциях самой природы, поэтому, как видим, при глубоком анализе французский материализм оказывается не таким уж «вульгарным и механистическим».

Своеобразные идеи Ламетри развил Поль Анри Гольбах. Его «Система природы» (1770) – систематическое изложение принципов материализма. Гольбах пишет: «Человек – произведение природы, он существует в природе, подчинен ее законам, не может освободиться от нее, не может – даже в мысли – выйти из природы» [1; с. 666]. Он предлагает принцип редуцируемости – сводимости всех явлений природы к различным формам движения материальных частиц. Так, согласно Гольбаху, реально не существует ничего, кроме материи и ее движения, которое есть способ существования материи. Движение французский философ сводит к механическому перемещению. Отсюда и упрощенные представления о детерминизме в природе, о понятии закономерности, а также о сущности человеческого познания, которое сводилось к пассивному отражению внешнего мира.

Гольбах оптимистически оценивал перспективы этого процесса, который считал неотъемлемой и существенной стороной созидания счастливой жизни для людей. Он выражал твердое убеждение, что истина должна в конце концов

восторжествовать над ложью: «Государи и народы, устав от религиозного кошмара, вернутся к истине, разум разобьет свои цепи» [9; с. 382].

Таким образом, мотив прогресса у него становится основным. По мнению П. С. Гуревича, именно идея прогресса – наиболее важное завоевание анализируемой эпохи: «Вера в человека, в его положительно ориентированную природу послужила той основой, на которой сформировалась идея прогресса как возможности бесконечного совершенствования человека и человечества, «воспитания человеческого рода», изменения общества, социальности, путем поиска наилучших форм человеческого существования» [2; с. 122].

В этой связи нужно отметить, что в предшествующие времена мыслители обычно не задумывались над проблемами самооправдания человеческой личности. Например, Античность опиралась на космоцентризм, «ничего не зная о своих предшественниках». Эпоха же Средневековья основывалась на теоцентризме и рассматривало свое появление как «исполнение божественных заповедей». Даже Возрождение, как отмечает П. С. Гуревич, «считало своей задачей не устремленность в будущее, а возвращение к первоистокам». Человек же только в Новое время рассматривается сквозь призмуприродоцентризма и социоцентризма.

К гольбаховским примыкают идеи Клода Адриана Гельвеция. У Гельвеция, как и у Ламетри с Гольбахом, орудием познания выступает память, а мышление является комбинированием ощущений и памяти. При этом определяющую роль для Гельвеция в общественном развитии играют «человеческое сознание и страсть» [9; с. 159]. Гельвеций в этой связи пишет: «Источником всех заблуждений ума являются или страсти, или незнание некоторых фактов либо истинного значения некоторых слов» [1; с. 622].

У Гельвеция ощущения, факты, идеи выступают как первичная материя всесильного Разума: «Я вижу, что, если бы люди не были чувствительны к физическим страданиям и наслаждениям, если бы в них не было желаний и страстей, если бы они ко всему были равнодушны, то они не знали бы личной выгоды, а без личной выгоды они не образовали бы обществ и не было бы между ними договоров; тогда бы не существовало бы и общего интереса и, следовательно, не было бы справедливых и несправедливых поступков; таким образом, физическая чувствительность и личный интерес являются источником справедливости» [1; с. 629].

Гельвеций ярко выражает свою материалистическую позицию, основанную на естествознании: «Человек был способен воспринимать впечатления удовольствия и страдания и родился с любовью к первому и ненавистью ко второму. Таким вышел человек из рук природы» [1; с. 630].

Таким образом, определяющим в человеческой природе является разум, а мир – это движущаяся материя как объективный фактор. Соответственно «все должно предстать перед судом Разума, с помощью которого люди будут творить свою историю».

Нужно подчеркнуть, что, говоря о значении французского материализма, С. Н. Кузнецов отмечает, что «Маркс сосредоточил внимание на выявление то-

го факта, что представляемое в наибольшей мере Гельвецием и Гольбахом направление французского материализма XVIII века ведет прямо к социализму, вливается непосредственно в социализм и коммунизм» [4; с. 386]. Как видим, Маркс обосновывал тезис о важнейшем значении французского материализма для социалистической теории, формировавшейся в условиях развития капиталистического общества и насыщающейся новыми положениями. С. Н. Кузнецов также отмечает, что Маркс указывал, что «можно усмотреть необходимую связь между учением материализма о равенстве умственных способностей людей и коммунизмом, социализмом» [4; с. 387].

Таким образом, как отмечает С. Н. Кузнецов, «посредством гельвециевско-гольбаховского эдукационизма и общепросветительских идеалов социальной справедливости французский материализм становился философским основанием утопического социализма первой половины XIX века, который явился одним из трех основных теоретических источников марксизма» [4; с. 387]. Вышеупомянутые концепции имеют огромное преемственное значение в философии.

По мере того как идеи просветителей начали осуществляться в действительности, все чаще возникала потребность в их корректировки и переосмыслении. Так, Дени Дидро в «Племяннике Рамо» вскрыл диалектику просветительского сознания, поставив под сомнение излюбленный тезис XVIII века о доброте человеческой природы самой по себе [3]. Д. Дидро, хотя и верил в возможности человеческого познания, все же считал, что, так как Вселенная бесконечна, она недоступна окончательному человеческому познанию. Здесь, как видим, у Дидро уже идет переоценка возможностей разума. То есть, вопреки сложившимся стереотипам, эпоха Просвещения не была тотальным превосходством Разума. Это подтверждает главный герой произведения – племянник Рамо, который считал, что гении не нужны, так как «зло появляется в мире всегда через какого-нибудь гения». Рамо говорит, что историей правят случайности, рассказчик же (подразумевается сам Дидро) – наоборот верит в идеалы правды и разума. Устами Рамо говорит спекулятивный гегелевский мировой дух, «расщепленное сознание». В конце племянник Рамо в духе разочарования продуцирует один из главных жизненных выводов: «В природе все породы животных пожирают одна другую, в обществе истребляют друг друга все сословия» [3]. Здесь уже в этих словах присутствует критика рационального уклада, а вместе с ним – и антропоморфного взгляда на историю.

Д. Дидро также развил взгляд Ф. Бэкона, согласно которому знание, опытное по своему источнику, имеет целью не самодовлеющее постижение истины, а достижение способности совершенствовать и увеличивать могущество человека [9; с. 215]. Таким образом, в целом, большинство интерпретаций материалистического понимания истории в эпоху Просвещения латентно воспроизводит антропоморфный по своему существу взгляд на человеческое общество и его историю.

Как видим, эпоха Просвещения породила культ автономного человека, способного рационально, трезво и глубоко оценивать явления, идеи, нравственные поступки и их следствия. Здесь пафос разума, знания и основанного на них

прогресса выразился наиболее полно и отчетливо. Просветители уделяли большое внимание человеческой субъективности, таким компонентам внутренней жизни личности, как разум, чувства, воля. Однако особый был акцент на разуме, который обеспечивал целостность человеческой личности. При этом эпоха не была лишена всяких интуитивных способов постижения реальности. Потому что французские материалисты считали смыслом человеческой жизни не верховенство разума самого по себе, а достижение счастья, в его гармоничном сочетании личных и общественных интересов.

При этом нельзя не согласиться с фундаментальным выводом Т. Э. Рагозиной о том, что весь домарксистский материализм в целом (французский материализм – в частности) воспроизводит антропоморфный взгляд на человеческую историю. Это приводит размышления к такому заключению, что «…ни стихийно складывающиеся этносы и нации, ни самосознающие себя индивиды с их объединениями в группы, классы и политические партии, ни возвышающееся над всеми государство (кажущееся эдаким Левиафаном), ни транснациональные корпорации с их финансовой мощью и претензией определять контуры грядущего мира и смотреть на историю как на «свой проект» – никто из них, по большому счету, не является подлинным субъектом истории» [7, с. 36].

Потому что, действительно, «ни сам по себе человек (или даже этносы, нации, классы и другие социальные группы), ни сама по себе надындивидуальная «социальная сила» в виде совокупности общественных отношений и обстоятельств, взятые в своей отдельности, еще не образуют жизнеспособный, саморазвивающийся «общественный организм»» [7; с. 37].Никто из них не является субъектом истории, носителем сущности исторического развития.

Какое же предлагается решение? «Труд и формы его разделения – вот та скромная обитель, где на самом деле скрыта «хитрость мирового разума», незримо вершащая судьбы истории» [7; с. 36]. Это совершенно другой, качественно новый, основательный ответ исторического материализма на проблему человека, осознанную еще эпохой Просвещения и приобретшую вид антитезы «человек и его сознательная деятельность» – с одной стороны и «среда, воспитание, обстоятельства – с другой» [7; с. 37; 8; с. 40].

Таким образом, как верно отмечает Т.Э. Рагозина, труд и его формы разделения – вот та изначальная саморазвивающаяся система, которая и как субъект истории, и как объективная основа развития представляет собой «действительную субстанцию-субъект истории» [7; с. 37]. Этот узловой момент материалистического понимания истории ещё не успели прочувствовать французские материалисты. Но именно он является «теоретическим ключом, который открывает путь к собственно философскому решению проблемы человека, в отличие от литературно-художественного и экзистенциально-публицистического постижения проблем бытия человека» [7; с. 37].

Как видим, французский материализм остановился в своем развитии на деятельностном подходе в его чистом виде. Иными словами, идея человека-творца, идущая еще с эпохи Возрождения в противовес теоцентризму и

провиденциализму, приобрела во французском материализме форму естественного объяснительного принципа о том, что «люди сами творят свою историю» [8; с. 40]. И здесь собственно, как логично заключает Т. Э. Рагозина, еще не было взгляда на историю как на объективный, естественно-исторический процесс, потому что основным мерилом продолжал оставаться индивид и его сознательная деятельность, где все соответственно развертывается по схеме «цель – средство – результат» [8; с. 40-41]. Вопрос же о сущности человека как субъекта общественных отношений в сравнении с вышеизложенными теориями начал фундаментально разрабатываться только в марксизме. Вместе с тем, нужно отметить, что в работах представителей французского материализма второй половины XVIII века определенным образом достигает вершин материалистические тенденции в домарксистской философии.

Библиография.

1. Антология мировой философии. В 4-х т. / Ред. коллегия: В. В. Соколов и др. – М. : Мысль, 1969. – Т. 2. Европейская философия от эпохи Возрождения по эпоху Просвещения. – 776 с.

2. Гуревич П. С. Основы философии: Учеб.пособие / П. С. Гуревич. – М. : Гардарики, 2000. – 438 с.

3. Дидро Д. Сочинения в 2 т. / Сост. и ред. В. Н. Кузнецова. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 604 с.

4. Кузнецов С. Н. Западноевропейская философия XVIII века: Учеб.пособие для студентов филос. фак. ун-тов / С. Н. Кузнецов, Б. В, Мееровский, А. Ф. Грязнов. – М. : Высш. шк., 1986. – 400 с.

5. Проблема человека в западной философии: Переводы. / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ.ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988. – 552 с.

6. Проблема человека в современной философии / Ред. коллегия: И. Ф. Балакина, Б. Т. Григорьян, С. Ф. Одуев, Л. А. Шершенко. – М. : Наука, 1969. – 432 с.

7. Рагозина Т. Э. Проблема человека в философско-исторической концепции Фридриха Энгельса / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2020. – Выпуск № 2 (12). – С. 26-38.

8. Рагозина Т. Э. Человек как предмет философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2021 года. / Отв. ред. Сулимов С.И. – Воронеж : Воронежский ЦНТИ, 2021. – С. 35-45.

9. Философский словарь / Под ред. А.А. Гусейнова и Ю.Н. Солодухина. Сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. – 9-е изд., дораб. и доп. – М. : Мир философии, Алгоритм, 2021. – 942 с.

УДК : 1(091)

Механизм отрицания в психоанализе: дискуссия Ж. Лакана и Ж. Ипполита об учении З. Фрейда

К. В. Ануфриева

Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия)

Аннотация. В статье анализируется проблема механизма отрицания в психоанализе, имеющая большое значение для интерпретации гуманитарных феноменов. Она сфокусирована на полемике Ж. Лакана и Ж. Ипполита относительно видения этой темы З. Фрейдом.

Ключевые слова: бессознательное, психоанализ, отрицание, отрицание отрицания, З. Фрейд, Ж. Лакан, Ж. Ипполит.

Summary. The article analyzes the problem of the mechanism of denial in psychoanalysis, which is of great importance for the interpretation of humanitarian phenomena. It focuses on the discussion of J. Lacan and J. Hyppolite regarding Z. Freud's vision of this issue.

Keywords: unconscious, psychoanalysis, negation, negation of negation, Z. Freud, J. Lacan, J. Hyppolite.

Исследуя тексты Фрейда, невозможно не отметить *негативность базовых концептов* его психоаналитического языка. В самом деле, сам по себе немецкий язык словно услужливо предоставляет широкое поле для разворачивания этой негации через известные приставки *un-* и *ver-*. Выводя бессознательное / несознательное *(das Unbewusste)* на онтологический уровень, можно отметить, что таковое – то, что имеет место не быть. При этом, немаловажным является то, что в основе формирования содержания бессознательного лежат *отклоняющиеся* (и как становится очевидным на немецком языке – *негативные*) механизмы *Verdichtung* (сгущение) и *Verschiebung* (смещение). В русском языке эта негативность не столь очевидна. Более того, выглядит она весьма позитивно.

Не менее интересно проследить по работе *«Психопатология обыденной жизни»* череду отклонений, через которые в язык «прорывается» бессознательное: *das Vergessen* (забывание), *das Versprechen* (оговорка), *das Verlesen* (очитка), *das Verschreiben* (описка), *das Vergreifen* (упущение), *das Verlieren* (потеря) и т.д. – все они начинаются с приставки *ver-*, указывающей на отклонение, как общий знаменатель любых неудачных действий.

Как отмечает Жан Ипполит, «…в анализе не обнаруживается никакого *«нет»*, которое бы исходило от бессознательного» [3; с. 405], и это подводит нас к идее, что сама мысль – негативна. Диалектика, лежащая в основе нашего опыта, располагаясь на самом внешнем уровне действительности субъекта, обязывает нас понимать собственное Я как без остатка включенное в тот процесс прогрессирующего отчуждения, в котором в феноменологии Гегеля складывается самосознание [3; с. 387]. И Ипполит (переводчик Гегеля на французский язык), и Младен Долар (представитель Люблянской школы психоанализа) [1], в комментировании представления Фрейдом негативности, апеллируют к гегелевскому *отрицанию отрицания* [3; с. 135].

Обращаясь к работе Фрейда *«Die Verneinung»* (Отрицание), стоит отметить, что уже в самом названии содержится отрицание отрицания, или, руководствуясь идеями Фрейда, – *отклонение отклонения*, выраженное через *ver-* и *nein*. Это буквально отрицание и в грамматическом смысле, и в психологическом как отказ от ранее сделанного утверждения. Так, Ипполит и Лакан, переводя название данной работы на французский язык, видели здесь то, что в русском звучало бы не как отрицание, а как *запирательство – denegation (опровержение, отказ)*, хотя французский перевод Парижского психоаналитического общества в 1934 году предложил вариант «*Lanegation*» – отрицание (именно в грамматическом смысле). Определенно, игра этих двух семантик *отрицание-отказ* указывает на глубину рассмотрения вопроса Фрейдом, что несомненно импонирует Лакану.

Для Лакана этот текст также важен, поскольку он вводит в самую суть вопроса, возникающего в свете анализа сопротивления как феномена собственного Я, которое невозможно отличить от воображаемых присвоений, полностью его формирующих – в его происхождении, статусе, функции и актуальности, через другого и для другого [3; с. 386], и единственное сопротивление, встречаемое в анализе – это сопротивление аналитика [3; с. 390].

Отвержение через проекцию, отрицание – то, что столь часто встречает Фрейд в речи своих анализантов, подводит его к мысли о том, что аналитическое толкование должно исследовать *содержание мысли в чистом виде*, «заглянув под вуаль отрицания». Особенно это может значительно продвинуть и в области понимания навязчивых представлений, когда то, что отвергается с помощью обоснования, заимствованного из лечения, и есть истинный смысл [4; с. 326]. *Ключевая мысль этой небольшой работы 1925 года заключается в том, что возражения пациента «Я этого не думал», «Я (никогда) так не думал» – наиболее сильное доказательство существования бессознательного.* В ней Фрейд представляет анализ конкретных примеров речи анализантов при наблюдении запирательства как возможного истока самой способности мышления, представление о том, как в акте интеллектуальное отделяется от аффективного, а также идеи о происхождении суждения и самой мысли (в форме мысли), получающее через запирательство свое объяснение. Вывод, к которому приходит Фрейд, звучит парадоксально: *«… содержание вытесненного представления или мысли может проникнуть в сознание при условии, что оно отрицается»* [4; с. 326] – сказать о себе правду, отрицая эту правду.

Суждение Фрейда об отделении интеллектуального от аффективного приводит Ипполита к гипотезе, что интеллектуализация – это «особое отстранение содержания, которому на несколько варварском языке вполне пристало бы именоваться сублимацией» [3; с. 398]. По мнению Ипполита, речь в этой работе идет не об отрицании чего-то в суждении, а об *отречении от прежнего суждения* [3; с. 396].

Идея Гегеля, на которую Ипполит указывает в своем устном комментарии этой работы – поставить подлинную негативность на место той жажды разрушения, которая завладевает желанием и мыслится глубоко мифическим обра-

зом. При помощи отрицания устраняется «только одно последствие процесса вытеснения, которое заключается в том, что содержание представления не достигает сознания» [4; с. 326]. И далее Фрейд заключает, что отрицание позволяет осуществить «интеллектуальное принятие вытесненного при сохранении вытеснения по существу» и аффектом удерживать таковое [3; с. 401]. В ходе аналитической работы удается преодолеть отрицание и через интеллектуальное принять вытесненное, не устраняя процесса вытеснения как такового. Запирательство, по мысли Фрейда, отличается от идеального отрицания, в котором конструируется интеллектуальное, демонстрирует нам процесс порождения. Признание в ходе анализа того, что отрицалось, – не снимает вытеснения.

Отвечая на вопрос о функции запирательства, Фрейд обращается к *Aufhebung* – понятию гегелевской диалектики – отрицать, упразднять, сохранять, поднимать одновременно. По выражению самого Фрейда, «запирательство – это *Aufhebung* вытеснения, но без принятия вытесняемого» [3; с. 397]. *Aufhebung* вытеснения – это рассказать от том, что ты есть, посредством того, что ты *НЕ* есть, и это не является принятием вытесняемого: «вот каков я не есть на самом деле» [3; с. 397]. И это то, что допущено в поле сознательного с сохранением вытеснения через форму неприятия. Цель отрицания, по мысли Фрейда, – *снять вытеснение*, ибо содержание вытесненного представления или мысли может проникнуть в сознание при условии, что оно отрицается. Таким образом, Фрейд видит отрицание как *способ встретиться с вытесненным*, но еще *не признать* его. Вытесненное, таким образом, структурно сохраняется на новом уровне – *отрицания отрицания вытесненного.*

Далее логика Фрейда разворачивается от интеллектуального принятия к функции интеллектуального суждения, предполагающего *осуждение как отклоняющееся суждение* – интеллектуальную замену вытесненного. По мнению Фрейда, «выполнение функции суждения возможно лишь благодаря созданию символа отрицания» [3; с. 404], и отрицание здесь будет выступать в качестве фундаментальной стратегии эксплицированной символичности. Суждение для Фрейда очень значимо, что также прослеживается еще и в таких работах как *«Остроумие и его отношение к бессознательному», «Положение о двух принципах психического события»*. Суждение несет информацию о качестве, о существовании объекта. Так, например, суждение-отрицание как отбрасывающее чье-то существование образует таким образом дыры в реальности [2]. И, безусловно, суждение связано с влечением: через него *оно означивается*.

Также Фрейд показывает, что суждение должно *установить ошибочность/ безошибочность соответствия представления реальности*, сличая таковое со следами воспоминания о реальности: «может ли нечто существующее в Я как представление быть снова найдено в восприятии (реальности)» [4; с. 327]. Безусловно, это вопрос о внешнем (другое, реальное) и внутреннем (нереальное, просто представленное, субъективное). И далее Фрейд говорит о том, что представления вырастают из восприятий, и в некотором смысле, являются их повторениями. Для него «… существование представления – гарантия реальности представленного» [4; с. 327]. Противоречие же между субъективным и

объективным возникает лишь по причине того, что мышление может актуализировать уже несуществующий объект, если ранее он был когда-то воспринят. Вывод Фрейда состоит в том, что проверка реальности заключается не в реальном нахождении объекта, а в *очередном обретении убежденности, что объект существует*. При этом, проверка реальности должна контролировать возможные искажения, возникающие при репродукции восприятия в представлении, и «условием для введения в действие проверки реальности признается то, что объекты, которые когда-то приносили реальное удовлетворение, потеряны» [4; с. 328]. Утрата *(Verlust)* в логике немецкого языка – это тоже отклонение, отклонение удовольствия.

Есть ли различие между энергетически нагруженным образом объекта (представлением) и самим восприятием такового? Фрейд предполагает отсутствие такового у психического аппарата, пока сформировавшееся Я не будет способно затормозить процесс нагрузки воспоминаний или образа: «восприятие не гарантирует восприятия внешнего объекта, поскольку столь же реальной может быть галлюцинация» [2; с. 42].

Суждение, по мнению Фрейда, – это то, что запускает мышление, прекращая отсрочку им создаваемую как «пробное действие, моторное прощупывание с незначительными затратами отводимой энергии» [4; с. 328]. Это то, что сопровождает восприятие, которое не является пассивным процессом. Такое рассмотрение суждения как целесообразное развитие включения в Я, позволяет увидеть интеллектуальную функцию как суть, возникающую из взаимодействия первичных импульсов влечений. За *Bejahung* (утверждение) кроется *Vereinigung* (соединение), которое есть Эрос. Утверждение – это утверждение и ничего больше, тогда как отрицать – нечто больше, чем стремиться разрушить, это наследие выталкивания, деструктивное влечение. Процесс, который к нему ведет – rejet – неприятие (*Verwerfung*) охарактеризован Фрейдом через *Ausstossung* (выброс, исключение) [3; с. 401]. Притяжение и отталкивание подчиненны принципу удовольствия. Общее удовольствие от отрицания Фрейд предлагает понимать как признак *расслоения влечений* в результате изъятия либидинозных компонентов [4; с. 329]. Данный раскол также вносится еще и расщепленным Я на *Я-удовольствия*, принимающее бессознательные решения о том, что должно быть экстериоризировано и интериоризировано, и *Я-реальное*, которое, как и принцип реальности, существуют по другую сторону.

Через символ отрицания мышление освобождается от ограничений вытеснения и обогащается содержанием. Создание символа отрицания дает первую ступень независимости по отношению к вытеснению и его последствиям, а тем самым и к принуждению со стороны принципа удовольствия [3; с. 401]. Интересно то, что принцип удовольствия сам по себе *неоднозначен*: он стремится минимизировать возбуждение психики, но в этом стремлении оказывается принуждающим. Все вытесненное может быть заново взято и использовано в виде изъятом, оно может создать себе свободное пространство мысли, призрак бытия в форме небытия – призрак, возникающий при запирательстве, т.е. когда символ отрицания связан с конкретной позицией запирательства. Таким обра-

зом, *через отрицание происходит и высвобождение от вытеснения, и от влечений, и от навязчивости принципа удовольствия.*

Резюмируя, Ипполит предлагает рассматривать запирательство как конкретную позицию, обуславливающую возникновение эксплицитного символа отрицания, который делает нечто вроде использования бессознательного с одновременным сохранением вытеснения, что логично подводит к идее признания бессознательного самим Я через механизм отрицания.

Таким образом, полемика двух авторов вокруг понимания отрицания в наследии Фрейда расшифровывает универсальный механизм, при посредстве которого отрицаемое Другого становится явным для аналитика, выводится в сферу его мысли, без разрушения автономии бессознательного. При этом сам ход отрицания отрицания в психоанализе оказывается своеобразной стратегией сохранения автономии Другого, при одновременном рациональном обнаружении тайн его бессознательного.

Библиография.

1. Долар М. Гегель и Фрейд / М. Долар // Десять текстов. – СПб. : Музей сновидений Фрейда, 2017. – С. 109-143.

2. Мазин В. Лангольеры. Дыры. Негативность / В. Мазин // Лаканалия. – 2023. – №2. – 342 с.

3. Предисловие к комментарию Жана Ипполита на статью Фрейда «Verneinung», Устный комментарий Жана Ипполита к статье Фрейда «Verneinung» // Лакан Ж. (1953/1954) Работы Фрейда по технике психоанализа. Семинары. – М. : Гнозис/Логос, 1998. – Книга 1. – С. 379-392.

4. Фрейд З. Собрание сочинений в 26 томах. Отрицание / З. Фрейд. – СПб. : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2020. – Т. 13. Статьи по метапсихологии. Т. 14. Статьи по метапсихологии. – 384 с.

УДК : 103.2

Собирание метафорических квантовотечественных и незападных философских смыслов в межпоколенческих личностных рассуждениях

В. М. Немчинов

Институт востоковедения Российской академии наук (г. Москва, Россия)

Аннотация. Для обсуждения предлагается обновленная методология философского образования, понимаемая как, помещенный в контекст эпохи, творческий диалог старших/младших в ходе просеивания – отбрасывания аподиктических буквализмов и отыскания жизненно значимых метафорических квантов смыслообразования. Последние представляют собой объяснительные конструкты, из которых складываются дискретные нарративы, формирующие ментальные концепты самопонимания Себя и окружающего мира. Философские диалоги,открывая пути приближения к истине, моделируют действенные представления об идентичности, подлинные или иллюзорные ландшафты нашего жизненного пространства, образы исторического сознания, рисующие наши представления о будущем.

Ключевые слова: обновленное гуманитарное образование и его философия, аналоговые и электронные артефакты устройства ментального опыта, становление развитого миропонимания.

Abstract. Renewed methodology inthe current philosophical education is proposed for discussion. This issue isplaced in broad historical context and understood as a creative dialogue between elder/younger analysts in the process of sifting – discarding/aggregating apodictic literalist interpretations and finding explanatory chips (quanta) of viable metaphorical meaning. The latter form vital explanatory constructs that merge into discrete narratives shaping mental concepts of self-understanding; viewing the Self and the world.Philosophical dialogues leading to veracity model personal identities, genuine or illusory landscapes of our living space, images and constructs of historical consciousness that depict our expectations about the future.

Keywords and phrases: renewed humanitarian education and its philosophy, the analog and electronic artifacts in the structure of mental experience, formation of advanced worldview

Само понятие фундаментального предмета человеческой деятельности – «философия» (отчасти дискредитированное десятилетиями навязанного показного конформизма) теперь необходимо, безусловно, воспринимать как междисциплинарное. Поскольку в сфере рефлективного когнитивного притяжения находятся все гуманитарные науки и целый ряд смежных профессиональных дисциплин, нарабатываемый в системе высшего образования интеллектуальный опыт неправомерно сводить лишь к накапливаемым знаниям, квалификационным умениям и практическим навыкам. Личностная сопричастность лучшим достижениям мировой и отечественной культуры наделяет человека высотой помыслов, игнорирующих банальную привязку масловской пирамиде удовлетворения базовых потребностей. В равной степени и гуманитарная культура, будучи исторически пропитана закваской мультикультурализма, не может полноценно развертываться как феномен чисто этнофункциональных жизненных притязаний.

Наряду с логикой развертывания внутренних трендов, динамика развития философской мысли, как и любой другой интеллектуальной эстетической и этической деятельности несомненно подпитывается подталкивается / отталки-

вается тем научно новым и значимым, что возникает в разных регионах мира. Но каким бы ярким не было внешнее влияние зарубежных философских идей, становление местных ученых всегда обладает собственной аксиологически значимой ценностью и, если угодно, собственным автохтонным нарративом, придающим выстраиваемым концептам неповторимую смысловую окраску и колорит местного культурного ландшафта. Именно это и есть то главное, на что имеет значение обращать внимание при подготовке новых научных кадров. Поэтому можно заметить, что навешивание географических ярлыков на научные работы коллег лишь маркирует характер неравновесной силовой внутривидовой борьбы. При этом, как не парадоксально, но, к именам входящих в историю мучеников науки (Вавилов, Шпет, Ильенков) приклеиваются и имена их гонителей, чей собственный вклад остается нулевым, а в таком контексте сохраняет заметную отрицательную величину.

Оценивая былую вовлеченность отечественных философов в общественную трансформацию, можно сказать, что большой книжный пласт вузовской учебной литературы советского периода, пропитанный единообразной идеологией формационного превосходства, осуществлявшегося в отсталой стране для революционного ускоренного интернационального строительства, сегодня перешел в дисциплинарную нишу и предмет осмысления для историков развития науки и техники [3]. Эпохальное время в очередной раз ушло вперед. «Разными путями возвращается старое. Оно переключает внимание, и значит – переключает время» [15; с. 401]. Что же может помочь расщепленной многоукладной идентичности и диффузному травмированному сознанию совершить дерзкий проброс вперед, догнать и начать обгонять свое время?

Именно философия, отказавшись от навязанной нашему социуму, всеми уже забытой начетнической догматики истмата и теории научного коммунизма, открывает современному человеку, студентам-исследователям, «физикам и лирикам» возможность непротиворечивого восприятия сиюминутного и вечного, духовного и прозаического, Хроноса и Кайроса, горнего и дольнего, науки и веры, личного и общественно значимого, всеобщего и местного, планетарного и глобализируемого. Более того, без принципиального понимания тонкого, но всегда остро осязаемого внутреннего разграничения этих смыслообразующих сфер, нам будет крайне сложно увидеть разницу между достоверным и его фейками, истиной и полуправдой, содержательным и развлекательным, реальностью и ее имитацией, аналоговыми артефактами мировой культуры и их электронными тенями в киберпространстве [10].

При нынешней небывало высокой скорости информационного обмена, с коммуникативной точки зрения, существующие здесь философские параметры, академические разделительные линии, строгие дефиниции, концептуальные цепочки логических связок, исторически оформившиеся определения и конкретные границы научных направлений представляются прозрачными, легко проницаемыми и активно взаимодополняемыми, хотя ихпонятийные рамки продолжают оставаться предметно методологически значимыми. Наличие описанной раздельной слитности позволяет отбросить архаическую манихейскую кос-

ность, закостенелую антиномию между наукой и религией, навязанную проектом Просвещения,увидеть ограниченность догматического противостояния атеизма и религиозности. Мир Духа, ждущий прикосновения к своим тайнам вопрошания непредвзятого человека, гораздо более многогранен, глубок и щедр, чем это представляется просветителям.В диалогической модели структурного устройства ментального опыта современнойличности становится нормой возможность непротиворечиво согласовывать образы живой веры и продвинутого знания, непосредственно обретаемые человекомна его жизненном пути. Другое дело, что все мы такжеявляемся сегодня свидетелями новейшего коммуникативного киберпротивостояния растущей культурной целостности человеческой личности. Круглосуточно функционирующая анонимная интерактивность свободной сетевой коммуникации, извращая форму диалогового общения, так же мгновенно, с помощью вездесущих ботов, троллинга и когнитивного харасментария, дает возможность назойливого, оскорбительного и безответственного опрокидывания в комментахлюбой подлинно новаторской высказанной мысли и сопровождающего ее искреннего поиска истины.

Попробуем теперь, если не инвентаризировать, то хотя бы предварительно представить гносеологические и аксиологические кванты смыслов в опубликованных межпоколенческих личностных рассуждениях отечественных философов до наступившего в этом тысячелетии раздвоения артефактов мировой культуры на аналоговую и цифровую сферы [15]. Феноменологию изменения нынешних интеллектуальных нарративов можно наглядно представить как стремление к переходу от интегральных претензий на полный охват всех философских явлений, например, в виде глобальной тезы И. Т. Фролова «философия это учение о мире и человеке» к более сдержанной дисциплинарной множественности многослойного спектра аспективных исследований во все более тесной привязке к актуальному эмпирическому материалу

Прослеживая вехи становления отечественной философии в диахронии второй половины XX века, можно видеть какинтерес молодыхфилософов 1950-х годов перенацелился на попыткиформирования целостнойтеории познания. Современем, важной темой интеллектуальных дискуссий стало вопрошание о том, предметом каких конкретных научных дисциплин и областей знания являются культура, общественные структуры, политика, разные группы людей, отдельная личность, ее мировосприятие, структура интересов, деятельность и психологические состояния человека. В ходе этих творческих дискурсовначали складываться различные предметные области исследований, которые сначала получали свою собственную сферу компетенции, а затем стали признаваться в нашей стране как особые смежные академические социогуманитарные сферы знания. Путь к их научному становлению открывался непросто, и начался он с отхода от безмыслия цитатного догматизма и девальвации философского капитала закоснелого официоза. Последний десятилетиями насаждался с искажением подлинной мысли классиков марксизма (что в 1975 г. наглядно продемонстрировал Н. А. Симония)[13]. Проявлялся этот поворот в смелом стремлении к самостоятельной философской мысли при сохранении лояльности учению

Маркса и в тогдашнем желании очистить ход российского философского парохода от налипшего на него словесного балласта, тормозящего движение мысли вперед.Здесь нужно обратить внимание на творческую логику тех философов, которых иногда огульно числят как эпигонов, будь то неотомисты или младогегельянцы. Русские неомарксисты (М. Лифшиц, Э. Ильенков, В. Яшкин) начинали с противополагания идей Маркса их ленинско-сталинским перетолкованиям, видя в этом должный императив высокой общественно значимой миссии. Затем, открывая эвристическую притягательность самых разных трудно постижимых конструктов, таких как, например: «предметные кажимости», «азиатский способ производства» или «Разум существовал всегда, только не всегда в разумной форме» [8], для дерзких умов открывалось мощное поле актуального философского творчества,возделанное столетним драматизмом переплавки и переломки теории в социальную практику. Видение и динамку этой миссии хорошо представил Э. Ю. Соловьев: «И марксист и неомарксист относятся к наследию Маркса как к живому, творческому учению. Различие между ними состоит в следующем. Марксист спрашивает себя как Маркс оценил бы события – общественные образования, общественные процессы, – которые мы наблюдаем сегодня? Неомарксист добавляет к этому другой вопрос: как Маркс изменил бы свои суждения и оценки, даже, возможно, всю свою теорию, если бы знал нашу современность и имел представление об обусловивших ее социальных процессах, в которых сам марксизм как доктринаработал и использовался? Неомарксист допускает, что Маркса, как и любого мыслителя прошлого, можно понять лучше, чем он сам себя понимал. И как раз поэтому неомарксист не связывает себя школьно-направленческой причастностью к Марксу, позволяя себе соединять концепцию Маркса с другими философиями и даже ставить ее на базис других философий» [15; с.312, 313].

Новое поколение философов предложило сделать предметом философии познания исследование объективного содержания мышления, логических категорий понимания,использование непротиворечивой техники анализа и построения доказательного изложения получаемых выводов. В московском университете неформальными лидерами этого противостояния «молодых исследователей догматически настроенной профессуре… [были студенты – боевые офицеры-фронтовики] два выдающихся мыслителя – Эвальд Ильенков и Александдр Зиновьев, задавшие своим творчеством спекулятивно-диалектическую и научно-аналитическую линии развития философских исследований» [4; с. 237]. Примером для очень многих философов стала их творческая независимость в становлении интеллекта как жизненного принципа организации и развития когнитивного ментального опыта. Отсюда у каждого поколения молодых философов проистекает интенсивное критическое внимание к «бремени чужих слов» в их клишированной привязке к устоявшимся постулатам и ментальным стереотипам сознания. Нагляднее всего это состояние определил М. К. Мамардашвили, утверждая, что философ имеет дело с чем-то, чего в принципе нельзя знать заранее[6; с.56]. «Ибо реальность входит в мир трансцедентально, иначе мы вообще не могли бы понимать то, что до нас и на нас завершается» [7; с.291]. То-

гда посреди обыденной действительности, воспринимаемой философом в виде коротко живущих квантов смысла, возникает шанс переключиться в волновую трансцедентальную горнюю реальность и заново пересоздать свое супервентное мышление.

В парадигме познавательного поиска и разработки универсально применимых принципов практической и аналитической деятельности большим авторитетом и сегодня пользуется Московский методологический кружок (ММК) как школа методологов Г. П. Щедровицкого, построенная на регулярных малтилогах-тренингах в серии организационно-деятельностных игр, где разрабатывалась и тестировалась авторская инженерия эффективного мышления и управления коллективами. Здесь главным магнитом было приобщение к высокой культуре мышления, как и в добром десятке других неформальных дискуссионных кружков (таких, которые, например, функционировали на вторниках Д. И. Блохинцева в Дубне, на методологических семинарах Э. В. Сайко в РАО или в Институте востоковедения АН, когда он располагался в особняке Лазаревского института в Армянском переулке). Везде шла интенсивная по своему накалуинтеллектуальная работа по творческому стимулированию таланта. Внешний побуд к творчеству в благоприятной культурной среде был тем катализатором, который замыкал единичное на общее и, в случае успеха, на всеобщее, потому что действительно оригинальная творческая работа обладает заразительным потенциалом, который привлекателен для всех. Огромную роль, опрокидывающую привычные представления о природе таланта, сыграла опубликованная в журнале Студенческий меридиан новаторская исследовательская работа «О мальчике, который умел летать, или путь к свободе» [1]. «Камни понимания», вброшенные точным попаданием в живую воду познания, расходились по ней все более широкими кругами,вызывая у многих активных людей изменение всего устоявшегося строя мышления.

В такойполнокровной динамичной и неформальной среде активно сменялся образ мысли, ценностные предпочтения и заново выверялись ключевые жизненные приоритеты. В это предперестроечное время стали быстро развиваться теория науки, философская антропология, социальная и политическая философия. Появился интерес к социальной памяти, важным элементом которой становится теория исторического сознания, трактующая структуру познания как неразрывную связь в понимании прошлого-настоящего-грядущего ради предметно сфокусированной ориентации поколения на предощущении своего будущего. М. К. Петров в своих исследованиях исторического возникновения личности провел ключевой для теории обучения водораздел между рутинной трансляцией утвержденного в учебных планах стандартного комплекта правил, определений, знаний и навыков и поколенческой трансмутацией наличного круга знания, каждый раз прирастающего от заинтересованного понимающего общения ученика и учителя. К этой знаниевой парадигме относится и концепция социальных эстафет М. А. Розова.

В начале XXI века стала формироваться отечественная парадигма аналитической философии, отказавшаяся от навешанных на нее ярлыков буржуазно-

го позитивизма. В ней, наряду с концептами философии здравого смысла Мура, обыденного языка Геллнера иэпистемологией позднего Витгенштейна, существенную роль играет дисциплинарное направление философии сознания представленнойв гносеологических открытиях Шпета, Рубинштейна и Мамардашвили, что позволяет доказательно использовать продвинутую методологию логико-лингвистического анализа [16; с. 566]. Здесь принципиально значимой оказывается трактовка ментального опыта каждый раз в виде заново продуманного высказывания, открывающего и дешифровывающего две сопряженные загадки, имеющие свой «исток и конец». Такое движение мысли свойственно диалогике В.С. Библера, где под углом философского прочтения проводился анализ ключевых проявлений разных стадий человеческой культурысопрягавшихся в концепциях диалогических рассуждений и культурных взаимоотношений. В его кружке по изучению логики, укорененной внутри самодостаточных культур, возвратно-поступательная линия связи между участниками называлась «двойчаткой». В этой метафоре зашифровывался сложный, ступенчатый человекообразующий переход от познания к пониманию. Но движение внутренней беседы сознающего ума с самим собой имеет внутри двойчатки некий нулевой момент непонимания. За ним следует начальный момент осведомленности при котором требуется готовность и способность раскрывать значение слов, вернее цепочек качественной сложности, состоящих из открытых М. К. Петровым «серии предложений», требующих когнитивного перевода – трансдукции или осознания. Перехода от осведомленности к осмыслению и переосмыслению найденного. В этойкаждый раз сиюминутной внутренней самокорректировке прошлое обретает будущее. Внутренний ход работы сознания попадает в диалог-резонанс с вышеупомянутой внешней теорией исторического сознания. В таком функционально-уровневом диалоге как в застежке-молнии две отдельные стороны молниеносно сливаются воедино. Загадка находит свое разрешение в акте открытия-понимания-озарения. Г. С. Батищев на этой основе, привлекая мысли С. Л. Рубинштейна о соучастии субъектов в потоке становления структур бытиякак главной идее онтологии, при их взаимовлиянии друг на друга [12; с. 80-81] разработал в своем научном кружке, ссылаясь на мысль об имманентной встроенности сознания в бытие, концепцию ключевой роли человеческого общения в процессе формирования личности субъекта. Он отказался сводить потребность в общении и переживании к частной разновидности человеческой деятельности, что имплицитно подразумевала теория деятельностного подхода в советской теоретической педагогике Л. С. Выготского, В. В. Давыдова, П. Я. Гальперина, А. Н. Леонтьева и Д. Б. Эльконина, решавшая вопросы формирования сознания через проблематику психического развития и выстраивания поведенческо-деятельностной нормы как основы отечественной модели образования.

В западной образовательной парадигме преобладает линейная однонаправленная форма обучения, обогащенная возможностью одновременного разнодисциплинарного выбора направлений, специализаций, профессоров, временных мест обучения и избрания научных кураторов. При этом целевая задача

формирования и аттестации молодого специалиста предполагает оценку того небольшого частного, но оформленного строго по действующим академическим правилам индивидуального нового вклада в науку, который отталкивается от знания уже достигнутого уровняв избранной профессиональной сфере. Именно признанная университетским сообществом новизна является пропуском в получение рабочего места, обеспечивающего карьерный рост и достойный жизненный уровень.

Классическая образовательная парадигма Востока воспринимает цели обучения иначе. В ней шире представлено циклическое мировосприятие и линейной гонке за новизной противостоит соразмерный путь постепенного приближения к раскрытию истины [11]. Этот путь не индивидуалистичен. Его принято проходить не в экзистенциальном одиночестве, а в «двойчатке» в духовном контакте с Учителем-Гуру. Язык не повернется называть своего наставника преподом. Еще одной особенностью незападной парадигмы приближения к истине является духовно очищенное стремление вникнуть во внутреннюю логику учения и проблемного вопрошания столпов просветленного миропонимания. Из тенет учения не принято отбирать именно то, что созвучно нынешнему собственному состоянию неофита и что позволяет по-своему поворачивать решение вечного вопроса в утверждении своей только что найденной новизны. Вектор познания направлен в сторону восприятия значимой инаковости Другого иочищенного от бытовизма внеэмоционального критерия неторопливого выверенного своим ритмом постижения правды.

В наших условиях потребность в общении, стремление увидеть себя в зеркале Другого, равно как и необходимость жизни как деятельности, включающей рефлексию и отстраненное созерцание внешних граней планетарного мирового пространства и есть тот модус сдержанного творческого пребывания в человеческом сообществе, который можно определить как один из ключевых смыслов философии на ее тернистом пути приближения к истине. Пребывание философа в жизненных ландшафтах планетарного промежуточного региона, расположенного между Крайним Севером и Глубоким Югом, между Евроатлантическим Западом и Дальнимфронтиром Востока заставляет нас серьезно воспринимать собственное многоукладное пространство, разделенное не только часовыми поясами, поселенческими и климатическими зонами, смешанными представлениями о центре и периферии, о провинциях и столицах, но также философской способностью внятно видеть важные особенности и специфику неравновесных слоевмультикультурных автохтонных, универсалистских, неотрадиционных, гибридных и инновационных когнитивных пространств. Осмыслить межеумочное аксиологическое состояние этих гетерогенных ментальных пространств, научиться преодолевать их доктринальную ангажированность и искусственные когнитивные барьеры – вот та сложная, но интересная и значимая задача, которая сегодня встает перед профессиональным философом.

Библиография.

1. Акимов И. О мальчике, который умел летать, или путь к свободе / И. Акимов, В. Клименко. – М. : Студенческий меридиан, 1990. – 204 с.

2. Ассман Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

3. Вихревая динамика развития науки и техники. Россия/СССР. Первая половина XX века: в 2 т. / Отв. ред. Ю. М. Батурин. – Саратов, ООО «Амирит», 2018. – Том II: Экстремальный режим развития науки и техники. – 721 с.

4. Гусейнов А. А. Философия шестидесятников как общественное явление / А. А. Гусейнов // Философские поколения. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с.

5. Лебедев Д. А. Философия перемен и общее дело России / Д. А. Лебедев. – М. : 2014. – 276 с.

6. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию / М. К. Мамардашвили. – М. : Прогресс, 1990. – 416 с.

7. Мамардашвили М. К. Стрела познания, набросок есественнонаучной гносеологии / М. К. Мамардашвили. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 304 с.

8. Маркс К. Письмо Маркса Арнольду Руге (сентябрь 1843 года) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: Т. 3. – М. : Госполитиздат, 1955. – 630 с.

9. Ришер Н. Взлет и падение аналитической философии / Н. Ришер // Аналитическая философия: становление и развитие. – М. : Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. – 528с.

10. Немчинов В. М. Воздействие цифровой экспансии на социально-гуманитарную сферу современного Востока и Незапада / В. М. Немчинов // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2023 года. – Воронеж : Истоки, 2023. – С. 108-112.

11. Немчинов В. М. Современные концепты обучения на Востоке и цифровые формы взаимодействия образовательных культур / В. М. Немчинов // Известия Российской академии образования. – 2022. – № 3 (59). – С. 33-20.

12. Сергей Леонидович Рубинштейн. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – 447 с.

13. Симония Н. А. Страны Востока: пути развития / Н. А. Симония. – М. : Наука, 1975. – 384 с.

14. Соколов А. В. Поколения русской интеллигенции / А. В. Соколов. – СПб. : Изд-во СПбГУПТ, 2009. – 664 с.

15. Философские поколения / Отв. ред. Ю. В. Синеокая. – 2-е изд. – М. : Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с.

16. Циммерлинг А. В. От интегрального к аспективному / А. В. Циммерлинг. – СПб. : Нестор-История, 2021. – 652 с.

УДК : 1 (091)

Сверхчеловек как трансгрессивный принцип в антропологии Ф. Ницше

А. А. Костюк, М. В. Голубенкова

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. Статья посвящена анализу концепта «сверхчеловек» в контексте антропологических воззрений Ф. Ницше. Посредством обращения к образам из ницшеанского «Так говорил Заратустра» исследуется траектория мысли, ведущая к сверхчеловеку, означенному как некий динамический принцип, характеризуемый непредзаданностью и экзистенциальной свободой. Раскрыть трансгрессивность такого перехода позволяет обращение к концепту воли к власти, который высвечивает границу между последним человеком и сверхчеловеком в аксиологическом пространстве.

Ключевые слова: сверхчеловек, последний человек, трансгрессия, воля к власти.

Summary. The article is devoted to the analysis of the concept “Superman” in the context of anthropological views by F. Nietzsche. By referring to images from Nietzsche's “Thus Spake Zarathustra”, it is explored the trajectory of thought leading to the superman, which is designated as a certain dynamic principle, characterized by unpredetermination and existential freedom. The transgressiveness of such a transition can be revealed by turning to the concept of the will to power, which highlights the border between the last man and the Superman in the axiological space.

Keywords and phrases: The Superman, the last man, transgression, will to *power*.

«Свободный от чего? Какое дело до этого Заратустре!
Но твой ясный взор должен поведать мне:
свободный *для чего?*»
Ф. Ницше

Учитывая внесистемный характер философствования Фридриха Ницше, воссоздать смысловое наполнение того или иного образа, встречающегося на страницах его произведений, проблематично в силу поливариантности возможных трактовок и метафоричности самих текстов. Однако, обращение к образу сверхчеловека сквозь призму принципа трансгрессии (понимаемой как переход непроходимой границы) задает определенный вектор, что существенно облегчает работу с источниками, позволяя наметить концептуальное поле для исследования.

Первым концептом, к которому стоит обратиться в данном контексте, является нигилизм. Конец девятнадцатого века в Германии ознаменован для Ф. Ницше распространением пассивного нигилизма. Карл Ясперс характеризует эту ситуацию так: «Этот пассивный нигилизм слабости, в котором все ценности ведут войну друг с другом, есть разложение…»[8; с. 651]. Если ранний нигилизм еще включал в себя некоторый созидательный элемент, то пассивный нигилизм, по мысли Ницше, являет собой чистое уничтожение. Подобно персонажу-нигилисту из произведения великого русского классика, пассивный нигилизм вырождается с перспективой тотальной пустоты после себя. Данное смысловое движение Ницше описывает на примере некоторых персонажей в произведении «Так говорил Заратустра», обозначенных как «высшие люди». Эти персонажи иллюстрируют собой пример человеческих ценностей,

«…представляют становление культуры, …, направленное на то, чтобы поставить человека на место Бога» [2; с. 63]. Ключевыми из них, на наш взгляд, являются Прорицатель, Последний человек и Человек, который хочет гибели.

Прорицатель, «провозвестник великой усталости» – персонаж, демонстрирующий пассивный нигилизм, смирение с неразрешимой аксиологической дилеммой человечества после смерти Бога: «Все одинаково, не стоит ничего делать, в мире нет смысла, знание душит» [5; с. 174]. Прорицатель некоторым образом логически подводит к образу Последнего человека – среднестатистического, «стадного» человека современности: он ищет успокоения, сводя действительность к доступным ему формам. Последний человек – научный оптимист, стазис всего знакомого и комфортного. Заратустра описывает его как «…самого презренного человека, который уже не может презирать самого себя» [5; с. 12]. Христианская любовь к ближнему последнего человека представляет собой некую консервацию ранее выработанных символических форм и нарраций.

Последний человек избегает сопротивления и усилия, им уже «найдено счастье»; в его повседневности отсутствует акт созидания, более того – он уже не способен создать нечто принципиально новое. Ярче всего Ницше иллюстрирует это положение сценой с канатоходцем: толпа оказывается «усыпленной» зрелищем без какой-либо деятельности; тогда как движение канатоходца может служить обратной метафорой – процессуальности творческого порождения, размыкающей мир сновидения, мир иллюзорности и статики. Последний человек в данном контексте олицетворяет тупик развития, абсолютный стазис. После него может быть лишь Человек, который хочет гибели – финальный жест самоотрицания, выводящий на новый концептуальный уровень, к Сверхчеловеку.

В более поздний период творчества Ницше фокусирует внимание на вопросах генеалогии морали и проблеме европейского нигилизма, представленного «человеком-канатом», т.е. человеком вырождения, подавляющим свою индивидуальность и интерпретативную способность вследствие «стадного инстинкта» и ресентимента. Таким образом, Ницше фиксирует некий логический тупик развития человека, его ценностную, творческую и экзистенциальную бесперспективность. Именно нигилистическое самоотрицание человека в конечном счете обеспечивает выход к сверхчеловеку. Отмечая нигилистический упадок человеческой культуры, следствием которого выступила невозможность дальнейшего развития человека в его исходном понимании, Ницше выдвигает концепцию сверхчеловека. Нам представляется последовательным рассмотреть предложенную концепцию в двух плоскостях: как оппозицию последнему человеку и как выход на качественно новый уровень индивидуальности и субъективности. Указанные плоскости тесно коррелируют, и общим основанием их корреляции выступает ницшеанская концепция воли к власти.

Волю к власти, исходя из Ницше, в первую очередь следует трактовать как жизнь. В подобной интерпретации воля к власти предстает как некоторый плюрализм природных сил, по отношению к которому сама воля является лишь ин-

струментом для установления соотношения. Сила находится в процессе интенсивного утверждения или отрицания, причем отрицание достигается посредством утверждения полярности, разграничения, в то время как утверждение всегда представляется непосредственным утверждением силы. Жиль Делез описывает этот механизм так: «…отрицание и утверждение являются двумя qualia воли к власти, как активность и реактивность – качествами сил» [2; с. 36]. Интереснатакже интуиция воли к власти как превосхождения, выводящая к той самой границе трансгрессивности и утверждающая процессуальность в качестве основополагающего принципа: «Воля к власти, по Хайдеггеру, предполагает двойной горизонт: сохранение достигнутой ступени и её превосхождение. Первый горизонт является лишь необходимой платформой для второго: воля к власти должна иметь то, что она будет преодолевать. <…>Смысл имеют не сами ступени, но именно преступание, переход, оставляющий всё созданное и фиксированное позади себя. Чтобы заместить его другим созданным и так же оставить, нивелировать» [7].

Одним из наиболее важных аспектов концепции воли к власти является ее корреляция с аксиологической проблематикой. Воля к власти, понимаемая как воля к завоеванию – это воля, уже подчиненная некой ценности господствования, однако это противоречит описанной выше свободной динамике природных сил. В связи с этим, воля к власти скорее представляет собой «пластический принцип всех наших ценностных суждений…» [2; с. 35], в котором единственным мерилом ценности выступает сама жизнь, ее сохранение и развитие. Необходимость в интерпретации для субъектакоренится в воле к власти как «воле к мыслимости всего сущего» [5; с. 81]. Таким образом, интерпретация представляет собой некоторый акт утверждения, вторичный по отношению к феномену. В этой вторичности самой по себе еще не заключена для Ницше тенденция к нигилизму. Скорее проблема заключается в нарушении синтеза субъективности и индивидуальности. В данном аспекте индивидуальность интерпретации обеспечивается привязкой к человеческим ценностям, в первую очередь – к морали как ключевой из них. Европейская культура базируется на христианской морали; ей свойственен ресентимент и культ надындивидуального. Решением Ницше становится «переоценка всех ценностей», которую не в состоянии произвести последний человек, находящийся в христианском нигилистическом смысловом поле. Именно здесь, в некоем противостоянии с последним человеком, возникает фигура сверхчеловека.

Сверхчеловек и последний человек представляют собой контрарности. Ярче всего их противоположность раскрывается на примере оппозиционных этических парадигм, которые Ницше указывает как присущие им. Этическая парадигма последнего человека – христианская любовь к ближнему. Ницше периодически косвенно цитирует высказывание Гераклита Эфесского о происхождении сущего из борьбы; в условиях жизни как воли к власти, т.е. жизни как интенсивного столкновения сил, любовь к ближнему является некой концептуальной консервацией, попыткой увернуться от любого столкновения вследствие слабости собственных сил. В то время как этическая парадигма сверхчело-

века – любовь к дальнему, т.е. стремление к непознанному, в котором жизнь предстает бесконечным творческим актом самоутверждения. Причем, как замечает А. И. Жеребин, «Любовь к дальнему… имеет … своим непременным условием разрыв с ближним» [4; с. 166]. Таким образом, сверхчеловек оказывается противопоставлен эгалитарным ценностям последнего человека, и вместе с тем он характеризуется некоторой аксиологической динамикой.

В связи с этим вспоминается концептуальный персонаж Странника, представляющий собой принцип динамики, освобождения и преодоления всякого стазиса мышления. Необходимо прояснить, что между Странником и сверхчеловеком у Ницше имеется существенное различие: Странник подразумевает динамику постоянного смыслового «освобождения» путем скепсиса; фактически, он лишен возможности утверждения. Кроме того, свободный ум, наравне с последним человеком, оказывается семантически замкнут в ситуации европейского нигилизма; он также нигилистичен в своей основе, так как для осуществления скептицизма Страннику необходимо бесконечно отрицать ценности.Сверхчеловек же, полноценно реализуя в себе принцип воли к власти, способен утверждать новые ценности. «Переоценка всех ценностей», заявленная Ницше, осуществляется в условиях ценностного кризиса, задающего некоторые «априорные» смысловые категории: нигилизм манифестируется как в условиях религиозности, так и в условиях «смерти Бога». Сверхчеловек выступает фигурой, способной выйти за рамки подобной бифокальной парадигмы. В этой связи очень точным является высказывание Делеза: «… сверхчеловек – ... нечто гораздо большее, чем изменение понятия: это пришествие новой формы, не Бога и не человека...»[3; с. 171]. Сверхчеловек представляет собой абсолютную непредзаданность.

Эта суверенность имеет и негативный, и позитивный аспекты. Негативный заключается в том, что в условиях непредзаданности оказывается проблематичным задать исчерпывающую дефиницию сверхчеловека. Ницше очерчивает условный круг концептуальных задач, которые сверхчеловек будет способен разрешить (в первую очередь – создание качественно новой морали); однако он не выражает сущность сверхчеловека предметно. Логически это связано с тем, что сверхчеловек должен будет определить свою сущность автономно, спрогнозировать ее – значит ограничить. Позитивный же аспект заключается в том, что сущностная непредзаданность сверхчеловека обеспечивает ему экзистенциальную свободу. Образом сверхчеловека в «Так говорил Заратустра» является дитя: этой метафорой Ницше, на наш взгляд, отсылает одновременно к творческой потенции гения и к своему более раннему концепту – «существованию в невинности». Это некая презумпция невиновности бытия, представляющая собой отказ от концепции первородного греха для человека. В контексте сверхчеловека невинность существования является не столько снятием греха, сколько априорным отказом от мышления в подобных категориях.

В связи с этим необходимо отметить, что сверхчеловек, судя по его характеристикам, не представляет собой некий новый онтологический тип в классическом понимании. Выход к сверхчеловеку, описанный Ницше, лежит сугубо в

аксиологической плоскости. Если сущностно новая, сверхчеловеческая моральная интерпретация с позиций воли к власти и является свидетельством новых онтологических оснований, тосубстанциально сверхчеловек, на наш взгляд, все же антропологичен. «Гибель» человека, провозглашенная Ницше, означает аксиологическое вырождение. Сверхчеловек же – человек, который становится «…господином над собой…» [6; с. 11], выводя антропологию на качественно новый уровень. Как отмечает Д. А. Беляев, сверхчеловека у Ницше первично можно определить через акт преодоления условного предела человеческих возможностей, что позволяет ему «оказаться в новом бытийном, ценностно-символическоми культуросозидательном дискурсивном пространстве, став «номадически-трансгрессивным человеком»[1; с.13]. Тем самым, сверхчеловек утверждается в качестве творческого начала, «выступает в роли «творческого пассионария», созидателя новых поведенческих матриц и структур культуры»[1; с. 13].

Подводя итог, можно заключить, что сверхчеловек у Ф. Ницше представляет собой некий динамический принцип, утверждающий посредством воли к власти индивидуальность и субъективность в аксиологической плоскости. Сверхчеловек противопоставлен последнему человеку, как противопоставлены друг другу принцип наследственности и принцип изменчивости. В то же время, сверхчеловек является человеком-сверх-самого-себя, осуществляющим творческий акт трансгрессии из предшествующей ему морально-аксиологической парадигмы. Таким образом, сверхчеловек наделяет себя тотальной экзистенциальной свободой самоопределения.

Библиография.

1. Беляев Д. А. Философское определение сверхчеловека / Д. А. Беляев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. – Т.14. – Вып.3, 2014. – С. 9-14.

2. Делез Ж. Ницше / Ж. Делез. – Санкт-Петербург: Аксиома, Кольна, 1997. – 186с.

3. Делез Ж. Фуко / Ж. Делез. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 1998. – 172 с.

4. Жеребин А. И. Загадка великого разрыва. К антропологии декаданса в книге Ницше «Человеческое, слишком человеческое» / А. И. Жеребин // Вопросы философии. – 2015. – № 2. – С. 162-168.

5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра / Ф. Ницше. – Москва: Издательство «Э», 2016. – 352 с.

6. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое / Ф. Ницше. – Москва: АСТ, 2021. – 384 с.

7. Фаритов В. Т. Трансгрессия и трансценденция как перспективы времени и бытия в философии М. Хайдеггера и Ф. Ницше / В. Т. Фаритов // Философская мысль. – № 8, 2014. – С. 1-24. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=13371.

8. Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования / К. Ясперс. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2004. – 632 с.

УДК : 140.8

О проблеме единства антропологической и нравственной сущности бытия человека в классической философии и богословии (по материалам сочинения еп. Антония (Простихина) и Д. В. Масленникова)

И. Н. Морозова

Челябинский государственный институт культуры (г. Челябинск, Россия)

Аннотация. Перспективы и возможные ракурсы, направления интерпретации богословия в контексте философии в работе еп. Антония (Простихина) и Д.В. Масленникова раскрываются в процессе аналитики проблемы единства антропологии и нравственности в классической философии и богословской мысли. Авторами подчеркивается наразрывная связь антропологического и нравственного измерений бытия человека.

Ключевые слова: богословие, философия, антропология, нравственность, еп Антоний (Простихин), Д. В. Масленников.

Summary. The article deals with the opportunities and directions of the interpretation of theology into the context of philosophy by Antonia (Prostikhin) and D.V. Maslennikov's writing as thanks to the process of the problems' analitics of the unity of the anthropology and morality into classical philosophy and theological thought. The authors emphasize the indivisible connection between the anthropological and moral dimensions of the human existence.

Keywords and phrases: theology, philosophy, anthropology, morality, Bishop Anthony (Prostikhin), D.V. Maslennikov.

Тема и проблематика соотношения философии и богословия – обширный, по сути, – неисчерпаемый предмет исследования. В российском социо-гуманитарном дискурсе последних десятилетий актуальность данного вопроса возрастает, в том числе, и в силу длительного периода, когда официально проводился курс на разобщенность, обособленность, отдельность светского и религиозного в культуре. В результате существенная (и значимая в духовно-нравственном, ценностном смыслах) составляющая образования, науки, культуры в значительной мере была утрачена. Последнее обстоятельство до сих пор проявляется и оказывает существенное влияние на затрудненность выстраивания диалогических отношений, в частности, представителей философского и богословского дискурсов[1]. В то же время, каждая из сторон (философия, богословие) проявляет внимание если не к полноценному диалогу, то к отнесенности, вовлеченности в обсуждение обозначенных выше проблем [см., например, 3]. В связи с этим особый интерес представляет изучение феноменологии такого рода когнитивной взаимности, в частности, со стороны богословов. Предмет рассуждения и анализа в данном случае – как раз и есть пример интереса к взаимности такого рода[2]. Остановимся далее лишь на некоторых из представ-

[1] Речь не идет об обязательности, например, принятия точки зрения религии, богословия; имеется ввиду прежде всего общегуманитарная компетенция знания, узнавания определенных общекультурных смыслов, связанных с духовным наследием традиционных религий, по – прежнему востребованных, например, искусством, литературой, кинематографом.

[2] Взаимности обоюдной: авторы книги – епископ Антоний (Простихин А. В.) и доктор философских наук, профессор Д. В. Масленников.

ленных в сочинении еп. Антония и Д. В. Масленникова идеях и положениях о философско-богословских смыслах антропологии[1].

Введение к книге открывается утверждением о неизменной гуманистической направленности православного богословия, сохранившийся и в современной теологии, выступающей «…в содружестве с классической философией, которая учит понимать человека как единое целое, в неразрывности его телесных, душевных и духовных свойств и способностей» [1; с. 3-4]. В философии именно классическим идеализмом была разработана теоретическая модель, в которой антропологическая сфера занимала особое место между природной и социальной [1; с. 4]. В философии идеализма понятие души стало «…концентрированным выражением идеи жизни» [1; с. 5]. Отсюда важно, полагают авторы, рассмотреть понятие жизни в антропологическо-телесном и нравственном измерениях [1; с. 6].

Как известно, в античной философии складывается проект постижения Абсолюта посредством разума, что привносит в понимание мира гармонию (не только Космоса, но и всего существа человека) [1; с.13]. Таким образом, «…единство человека во всех своих моментах, …опосредовано его отношением к Абсолюту» [1; с.13]. В истории античной философии авторы книги обращают внимание, в частности, на учение о понимании природы всеобщего у Аристотеля, как конкретного единства бытия и мышления, что способствовало обоснованию и построению более конкретного философского учения о душе [1; с. 28, с.34].

Далее подчеркивается связь трактовки антропологического начала как универсальной жизни (в сравнении с жизнью животного) с интерпретацией греческой религии у Гегеля. Человек в ограниченностях своего существования также проявляет духовность, как универсальное существо, обладающее и возможностью свободы [1; с. 39-40][2]. Авторами приводится высказывание об универсальности человека (как специфической формы действия мыслящего тела) Э. В. Ильенкова, исследовавшего философию Гегеля с позиций диалектического материализма и разработанной им концепцией идеального (что представляет собой еще один из многих примеров диалогических взаимоотношений богословского и философского дискурсов в книге) [1; с.41]. Таким образом, мышление есть акт всеобщности, свободы, соответственно – «…самоопределение в духовном пространстве Абсолютного Добра» [2; с. 174].

Проблема единства нравственной природы всеобщего единства мира и человека рассматривается, соответственно, в христианском богословии [1; с. 45–66]. В христианстве «… исторически оправдывается мысль Сократа о том, что сущность бытия человека в его нравственной истине совпадает с сущностью всеобщего бытия» [1; с.47]. Конкретным нравственным идеалом в христианстве, благодаря Боговоплощению, становится Богочеловек. «…Бог является в мир в Человеке. Причем в совершенном Человеке. Но совершенство это – не совер-

[1] Опуская подробное изложение историко-философского исследования, истории основных этапов философии в данном контексте.

[2] Добавим, духовное, которое может быть разным по своему статусу и уровню.

шенство природного существа, как, к примеру, в античном «боге» – Геракле. Это совершенство духовного нравственного Человека, Человека без греха, сочетающего в себе во всей полноте и человеческую, и божественную природу» [1; с.48]. Однако новацией христианской мысли для философии становится и идея воплощения Святого Духа в общине (идея общества, как Церкви), что находит свои параллели с идеей Платона о том, «…что нравственный человек может быть лишь в нравственном обществе» [1; с.49].

Ключевой вопрос бытия человека – о добре и зле, как способе «...этической онтологической проблемы сущности и смысле бытия» [1; с. 50]. Полагаем, представляющим актуальный интерес становится обсуждение авторами полемики по вопросу о единстве и дуализма бытия и небытия, дуализма добра и зла, единого и многого в дискурсе поздней античности (одной из сторон в котором уже было христианство). Скрытой апологетикой зла и идеологическим оправданием «…того, что Л. Н. Гумилев называл «антисистемой», т.е. институционализированной практикой разрушения всех форм культуры, общества и человека, вплоть до откровенных форм сатанизма», был гностицизм, с его онтологическим плюрализмом и, как следствие, антигуманизмом, в своем предельном результате, – отрицанием смысла и фактической бытийности человека, самоубийстве [1; с. 53–54, с.55, с. 61]. Параллели гностическому отрицанию бытийности, на наш взгляд, усматриваются в идейных настроениях философствующей, творческой интеллигенции в России со второй половины XIX в. (меонизме Н. М. Минского: «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (1890 г.); «Мелком бесе» Ф. К. Сологуба; «Санине» М. П. Арцыбашева и др.).

В дальнейшем развитии рационализма (равно как и эмпиризма, начиная с Бэкона) в классической философии (например, у Лейбница) действительная всеобщность уступает постулированию абстрактного единства [1; с.82, с.86]. «Решающий поворот к исследованию внутренней определенности субъекта, к конкретизации теоретического оформления знания о его содержании связан с деятельностью великого немецкого философа И. Канта», восстановления «…спекулятивного понимания души, отношения души и тела, антропологической природы человека» (преградой которому становится признание опыта единственным источником познания всеобщего)[1; с.88, с.92].

Гегелю во многом удается «…восстановить христианское миропонимание в философии…» [1; с.95], рассматривая религию «…как своего рода социальную форму воплощения человеческого мышления в том предельно широком смысле этого слова…», зафиксированном в понятии «духа» [1; с. 99–100]; пониманием религии, в котором важна этимология religio как связи, отношения [1; с.102]. «Историческое развитие религии для Гегеля в значительной мере состоит в поэтапном утверждении приоритета духа над природой, в освобождении зависимости духа от природы, в утверждении его свободы и самосознания» [1; с. 135]. Авторы приходят к выводу, что, выступая против смешения понятий абсолюта и Бога, необходимо признать, «…что логика истории отношения человека и Бога, смыслы «внутренней истории» триединого Бога и смыслы явленности этой «внутренней истории» в жизни человека, подлежащие преиму-

щественно богословскому истолкованию, не могут быть сколько -нибудь резко противопоставлены философской логике всеобщего» [1; с.140–141].

Еще одна актуальность постановки и раскрытия основной проблемы книги (в особенности, в контексте современных религиоведческих исследований) [см., например, 3] – взаимосвязь религии, как одного из существенных проявлений всеобщности – в утверждении Гегеля, с государственностью (в данном случае, у классика немецкой философии речь шла о религии Китая) [1; с.145–146]. В отличие же от последней, формы религии, отличающиеся односторонностью и разъединенностью, противопоставляющие абстрактной субстанциональности абстрактную субъективность, оказываются (без возвращения к самим себе) лишенными духовности (имеется ввиду, в соответствии с классическим европоцентризмом, как апология пустоты, буддизм) [1; с. 150]. Актуально звучит оценка Гегель и зороастризма (в особенности, если припомнить современную популярность данной религии, по сути, состоявшийся ее выход за пределы территориальной локализации)[1; с.151][1]. Возможно, немаловажную роль для человека современной культуры играет как раз нравственная сущность Ормузда в качестве Высшего Добра (как отражение неизменно существующего «запроса» на нравственность и сегодня). Однако (и Гегель также об этом пишет)[1; с.152], зороастрийской божественности присуще та же гностическая раздвоенность, о которой уже говорилось выше. Выскажем предположение, что данное обтстоятельство также, вероятно, может играть свою роль для современной «переимчивости» зороастризма (помимо ореола мистичности и столь востребованной сейчас таинственности), поскольку такого рода раздвоенность, вероятнее всего, оказывается ближе обыденнному сознанию (поддерживаемому различными проявлениями реальности). «Итак, перед нами два принципа, составляющие восточный дуализм: царство добра и царство зла – эта великая противоположность достигает здесь своей всеобщей абстракции» [1; с.152]. Обратим внимание, – авторы книги полагают, что не нужно искать аналогий с гностицизмом (в силу преодоленности дуализма зороастризма иудаизмом и христианством, к моменту формирования гностицизма; отсутствием в зороастризме абсолютного, в сравнении с гностицизмом, характера противоположности Добра и Зла; влияния реформы Кирдэра в III в. н.э. на утверждение монотеизма)[2] [1; с.153]. В оценке зороастризма Гегелем, важно состявшееся совпадение нравственного начала всебщей духовной субстанции и «…адекватной ей формы антропологической сущности бытия человека» [1; с. 155-156].

Оставляя далее следование логике книги, приведем лишь следующий этап в развитии религии, определявшийся Гегелем как возникшие «религии индивидуальности» (иудаизм, религии Древней Греции и Древнего Рима) [1; с. 156]. В христианстве же «…историческое уже не просто составляет объект культа, как это было в религии зороастризма, иудаизма, в религии греков и римлян. Здесь сама Священная История Христа входит в объект и субъект ре-

[1] Достаточно сказать, что Первый Всемирный Зороастрийский конгресс в 2000 г. проводился в г. Санкт-Петербурге.

[2] В зороастризме.

лигиозного отношения, составляет действительную основу нравственного **преображения** всемирной истории» (выделено нами)[1; с.162]. В христианстве происходит преображение как антропологической сущности, так и нравственной природы человека[1; с. 164]. Таким образом, как пишут в заключении авторы книги, опыт «…христианской теологии и классической философии учит нас, что судьба старой дилеммы тела и души человека решается **в плоскости нравственного измерения бытия человека**» (выделено нами) [1; с. 167]. И, далее: «Антропологическая природа человека, **даже его чисто телесная природа** (выделено нами), может быть соразмерна нравственному измерению личности» [1; с. 176].

Полагаем, сочинение «Проблема единства антропологической и нравственной сущности бытия человека в классической философии религии и теологии» – актуально и необходимо для современного состояния философско-богословского дискурса. Авторы предметно и доказательно показывают ценность, и, что, на наш взгляд, самое главное, востребованность идейного наследия классической философии, возможности концептуального диалога последней с богословием в современности. Особую значимость, на наш взгляд, представляет (в выстраивании ракурса такого рода диалога), акцентирование понятия «жизнь», что образует возможность обсуждения и дальнейшего развертывания проблемы единства антропологии и нрастственного начала в ракурсе бытийности человека в обществе и культуре.

Библиография.

1. Антоний (Простихин А.В.) еп. Проблема единства антропологической и нравственной сущности бытия человека в классической философии религии и теологии / еп. Антоний (Простихин А. В.), Д. В. Масленников. –СПб.: Изд-во РХГА, 2022. –192 с.

2. Захарцев С. И. Становление логоса права в античной философии / С. И. Захарцев, Д. В.Масленников, В. П. Сальников // Мир политики и социологии. – 2018. – №3-4. – С.164-176.

3. Философия и богословие в XXI в. Круглый стол // Идеи и идеалы. – 2015. – Т.1. – №2(24). – С. 159-182.

4. Штырков С. А. Религия, или Узы благочестия / С. А. Штырков. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021. – 172с.

УДК : 29.398.91

Межкультурная коммуникация в науке как средство нивелирования геополитических угроз

А. Л. Панищев

Курский институт менеджмента, экономики и бизнеса (г. Курск, Россия)

Аннотация. Данная статья посвящена теме межкультурного диалога в ракурсе научного взаимодействия. Подчёркивается, что в современном мире существует высокая вероятность крупных вооружённых конфликтов и распада крупных государств. Причём гибель империй обычно сопровождается большими человеческими жертвами. Для того чтобы нивелировать такие риски полезно научное взаимодействие. Предлагается организовать научно-исследовательскую экспедицию в страны Средней Азии и Кавказа для изучения следов культуры зороастризма. Данная экспедиция может охватить большое количество специалистов разных гуманитарных дисциплин, объединить их общими научными интересами и духовными ценностями. По сути, речь идёт не только об изучении зороастризма, но и о развитие международных отношений в том направлении, которое предрасположит страны региона к добрососедским отношениям.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, религия, наука, экспедиция, духовные ценности.

Abstract. This article is devoted to the topic of intercultural dialogue from the perspective of scientific interaction. It is emphasized that in the modern world there is a high probability of major armed conflicts and the collapse of large states. Moreover, the death of empires is usually accompanied by large human casualties. In order to mitigate such risks, scientific interaction is useful. It is proposed to organize a research expedition to the countries of Central Asia and the Caucasus to study the traces of the culture of Zoroastrianism. This expedition can cover a large number of specialists from different humanities disciplines, unite them with common scientific interests and spiritual values. In fact, we are talking not only about the study of Zoroastrianism, but also about the development of international relations in a direction that will predispose the countries of the region to good-neighborly relations.

Key words: intercultural communication, religion, science, expedition, spiritual values.

Блаженны миротворцы, ибо они
будут наречены сынами Божиими
(Евангелие от Матфея. 5:9).

Развитие межкультурной коммуникации в государстве, объединяющее множество народов различных религиозных традиций, является вопросом национальной безопасности. С одной стороны, такое поликультурное государство даёт своим гражданам мощную базу для интеллектуального роста. Понятия в языковом пространстве поликультурного государства разнообразны, питаю мышление, обеспечивая ему высокий и динамичный уровень развития. Диалог культур, в котором востребованы лучшие качества народов, даёт плоды в виде мощной духовной культуры, где понятия доброты, заботы о ближнем становятся нормативными. Тем не менее, есть и другая сторона: такое государство имеет уязвимости, прежде всего, в виде высокого риска распада при кризисе центральной власти и кризисе нравственного сознания. При этом распад поликультурного государства проходит настолько трагично, что чреват гибелью не толь-

ко отдельно взятых родов, но и целых народов. Примечательно, что в начале первого века население города Рим превышало миллион человек, а в начале пятого столетия, примерно через пятьдесят лет после падения Западной Римской империи, в городе насчитывалось не более сорока тысяч жителей. Этот печальный факт напоминает нам о том, что какими бы незыблемыми не казались великие государства, но их существование может быть завершённым за сравнительно короткий промежуток времени, причём, с учётом «стрелы времени» в XXI веке процессы, занимавшие в античном мире столетия, могут пройти за несколько месяцев. Даже сравнительно небольшая Югославия, распавшаяся в 1991 году, превратилась в арену тяжёлых войн, наполненных массовыми военными преступлениями. Нельзя сказать, что эта трагедия прошла сама по себе – её спровоцировали извне, – однако в здоровом государстве работают механизмы, нивелирующие внешнее деструктивное вмешательство. Если Чехословакия, будучи изначально образованной лишь двумя народами, распалась без тяжёлых драм, то Югославию постигла трагедия, которая продолжается поныне. Отдельно подчеркнём, что серия войн в странах Югославии есть прямое следствие криминального уничтожения Советского Союза. Вообще складывается впечатление, что ликвидация СССР есть часть сатанинского замысла, символом которого стал вход Горбачёва и сектанта Муна в Успенский собор Кремля, где Мун совершил ритуал посвящения храма самому себе. Остаётся задаться вопросом: почему священноначалие Русской Православной Церкви и мусульманской уммы не осудило советского лидера за этот откровенно богохульный акт? Вскоре после этого уже на постсоветском пространстве произошло множество локальных войн, которые нынче по количеству жертв возглавляет продолжающаяся специальная военная операция на Украине.

Исходя из геополитических реалий на начало 2020-х годов, зададимся вопросом о путях межкультурной коммуникации на постсоветском пространстве, которые вполне возможно реализовать в русле духовного благочестия и интеллектуального роста народов, участвующих в обозначенном процессе.

Для достижения нормального порядка интеграции народов и решении потенциально конфликтных вопросов уместно обратиться к «мягкой силе». Это понятие впервые использовано в 1990 году, когда вышла в свет работа американского учёного Джозефа Найта «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power». Разумеется, тот факт, что обозначенное понятие применено недавно, не означает того. Что мягкие невоенные приёмы не использовались ранее. Культура, система образования, религия всегда составляли важные части в международных отношениях. Более того, к мягкой силе уместно отнести и идеологию государства. В данной работе мы обратим внимание на науку как часть «мягкой силы» и постараемся обозначить её применение в межкультурной коммуникации для обеспечения геополитического мира в современных реалиях.

После уничтожения СССР образовалось множество государств, которые формируют политику под влиянием различных геополитических лидеров, прежде всего США и КНР. Региональные игроки также стремятся усилить своё

влияние в этих странах. «Только за первые три года после провозглашения независимости в центрально-азиатские республики с турецкой стороны было совершено 1170 официальных визитов, подписано более 140 партнерских соглашений» [4; с. 60]. При этом одним из средств усиления влияния является грантовая система. Вообще идея грантов лишь внешне выглядит позитивной для развития науки, в действительности не всегда можно уверенно сказать, где грант есть часть научного конкурса, где речь о завуалированной взятке, а где грант есть средство в геополитических играх. Более того, система грантов изначально ставит в выигрышное положение те государства, которые задают тенденции в международной экономике, валюта которых самая популярная. Здесь финансовый ресурс начинает превалировать над интеллектуальным и этическим. На начало XXI века таким экономически доминирующим государством являются США. Причём правительство США проявляет большой интерес к странам Средней Азии, стимулируя те силы, которые потенциально опасные для России. Для США, расположенных на другом континенте, конфликт в Средней Азии есть лишь возможность обогатить свою экономику за счёт очередных военных поставок. Однако для народов России и Средней Азии почти любой конфликт может легко обернуться полноценной войной с миллионами жертв. В случае начала кровопролитного конфликта концепция «мягкой силы», способной принести пользу в мирных условиях, потеряет смысл и упоминание о ней станет выглядеть лишь иронией. Поэтому необходимо уже сейчас (лучше это уже лет как двадцать было бы сделано) запустить научно-образовательные проекты, в ходе которых могли бы объединиться учёные нескольких стран. Беря во внимание то, что за последние десятилетия наиболее интенсивно наука развивается в поле междисциплинарных исследований, будет полезным такой проект, в котором смогут применить свои профессиональные качества учёные из различных наук, в данном случае: культурологи, религиоведения, картографии, истории, археологии, филологии, лингвистики.

В рамках данных дисциплин предлагается провести исследование сохранившихся до нашего времени следов культуры зороастризма. Для этого полезно организовать международную научно-исследовательскую экспедицию. Эта экспедиция будет работать в среднеазиатском и кавказском регионах. Для удобства восприятия мы, условно говоря, в рамках первой экспедиции будем вести речь о странах Средней Азии, но с учётом того, что одинаково можно подразумевать и страны Кавказа. Возможно, данная экспедиция будет неоднородной и развиваться в нескольких направлениях, где отдельные группы смогут действовать самостоятельно, но координироваться из общего центра. Думается, что это тот случай, когда большое количество участников настолько важно, что переход на качественный уровень не только научного, но и международного общения станет закономерным явлением.

Возникает вопрос: почему речь идёт о зороастризме? Эта религия ныне не представляет силы, которая соотносилась бы с мощью христианства или ислама, стало быть, представители мировых религий современного мира могут объединить свои силы на основе научной объективности, при этом с учётом собст-

венного опыта духовной жизни. Более того, ряд учёных находят аргументы в пользу того, что зороастризм уместно отнести к авраамическим религиям, по крайней мере, имеет много общего с ними [1; с. 27]. Это обстоятельство облегчит осмысление феноменов зороастризма в рамках сознания людей, выросших в среде христианских и исламских норм.

На постсоветском пространстве зороастризм охватывал страны Средней Азии и Кавказа. Ряд исследований подчеркивают, что священные книги зороастризма оказали заметное влияние на местную литературу и отразились в языках народов исследуемого региона [2; с. 3].

Разумеется, очень сложно надеяться на большие успехи в этом направлении, так как от Авесты сохранились лишь фрагменты, в бытовой культуре многие феномены зороастрийской религии смешались с суевериями и небылицами, города подверглись сильному изменению, а такие как Самарканд после разорения в средние века отстраивались заново. Между тем планировка города также может рассматриваться как след религиозной культуры, так как в древних цивилизациях город строился сообразно представлениям о божественном мире. Все эти обстоятельства составляют трудность предлагаемого проекта. Однако культура зороастризма была масштабной, в поздней античности она охватывала миллионы людей, представляющих десятки разных народов и культур. Наверняка следы зороастризма в речевых оборотах людей, в сказках, в архитектурных памятниках, в барельефах, в традициях сохранились. Более того, ещё есть и зороастрийские общины в Иране и индийском штате Гуджарат, что позволяет надеяться на развитие данного проекта за пределами постсоветского пространства.

Подчеркнём, что в Иране правительство осознаёт важность сохранения культурного наследия зороастризма. Так, город Йезд является памятником, охраняемым ЮНЕСКО. Специфика этого города состоит не только в том, что в нём находится действующий зорастрийский храм, но и в том, что сам город являет собой феномен зороастрийской культуры. Тем не менее возникает вопрос: насколько в России культура зороастризма актуальна. Страны Средней Азии не просто входят в постсоветское пространство, но также являются стратегическими партнёрами для России, причём отвечающими за те рубежи, которые принято называть «мягким подбрюшьем России». Развитие конструктивных отношений с этими странами предполагает взаимную пользу, которая в данном проекте очевидна. С одной стороны, Россия инициирует международный научный проект, связанный с изучением истории и культуры страна Средней Азии, с другой стороны, предложит учёным постсоветского пространства поле для реализации своих лучших качеств. В таком проекте должны проводиться не только кабинетные, библиотечные исследования, но и полевые, то есть с выездом в населённые пункты, с изучением местного фольклора, религиозных традиций, бытовых суеверий. В ходе обозначенного проекта будут реализован диалог культур, в рамках которого все его участники сумеют реализовать свои самые лучшие духовные и интеллектуальные качества.

В команду экспедиции необходимо включить надёжных людей, в составе которых полезны специалист по языкам данного региона (английский язык там мало, кто знает, да и русским языком владеют далеко не все), картограф, религиовед, культуролог, историк, специализирующийся на странах Средней Азии. Общее количество участников экспедиции – 10-20 человек. Возраст от 20 до 50 лет. Такой возрастной диапазон позволит привлечь людей широкого социального диапазона: как из числа студентов, так и из состоявшихся учёных с профессорским званием.

Цель проекта. Обнаружение и исследование следов культуры зороастризма.

Основные задачи проекта. 1. Изучить следы зороастризма и степень его отражения в быту жителей стран Средней Азии. 2. Изучить социальные тенденции, воззрения, преобладающие настроения разных стран Средней Азии (в контексте современной геополитической ситуации).

Актуальность. Традиционно в России уделялось большое внимание культуре народов различных регионов как нашего Отечества, так и сопредельных территорий. В силу этого было организовано множество экспедиций с целью изучения быта, религиозных верований, традиций разных народов. На фоне напряжённой международной обстановки особенно важно изучить актуальное состояние региона и его историю.

Социальная значимость. Данная экспедиция значительно расширит понимание социальных реалий и тенденций в странах Средней Азии. Более того, экспедиция станет своеобразным временным представительством России в данном регионе, средством установления социальных связей на основе духовных и интеллектуальных ценностей. Также в контексте ясно обозначившихся геополитических тенденций важно как можно быстрее и добротно изучить Среднюю Азию, понять её не по административной отчётности, а на основе научной, человеческой честности и объективности.

Содержание работ по проекту. Изучение речевой культуры населения стран Средней Азии с целью обнаружения в речевых оборотах символов или иных феноменов зороастрийской культуры. С этой целью экспедиция должна посетить не только крупные города, но и небольшие населённые пункты, общаться с местными жителями, включая записи рассказов, в которых содержатся сказки, предания... В этих рассказах также могут быть элементы зороастризма. Изучение традиций народов Средней Азии (свадебные, похоронные и др. обряды) с целью обнаружения в них элементов зороастризма. Изучение планировки городов в контексте представления об устройстве мира в зороастризме. При этом должны быть посещены крупные города (Хива, Бухара, Самарканд, Ташкент...), изучена планировка городов, особенности архитектуры согласно зороастрийским традициям.

Аннотация проекта. В ходе изучения следов культуры зороастризма предполагается исследование не только исторического прошлого, но и существующей действительности, то, как народы сохраняют своё наследие, что свидетельствует об их потенциале, уровне развития в целом.

Предполагаемый результат проекта. В результате работы данной экспедиции предполагается подготовка коллективной монографии, а также комплекса научных и научно-популярных статей. Желательно, подготовить документальный фильм. В этом случае в составе экспедиции должен быть оператор с видеокамерой, но таковая может вызвать у некоторых местных людей недоверие, а также спровоцировать конфликтную ситуацию, поэтому данный аспект нуждается в коллективном обсуждении. Одним из результатов экспедиции также станет проведение научно-практической конференции.

В ходе экспедиции станет возможным обнаружение в нематериальной культуре народов Средней Азии сказок, легенд, которые уместно научно описать (в виде статей), литературно обработать и издать книгу в том числе для детей. Полезно и художественное описание экспедиции в духе научных приключений.

Для популяризации проекта и вовлечения в его функционирование общественности будет целесообразным организовать в социальных сетях тематические группы, журналистам дать интервью для освещения работы экспедиции как в России, так и в странах Средней Азии. Информационное сопровождение проекта предполагает вовлечение в его реализацию граждан как России, так и государств Средней Азии.

Таким образом, научный проект в виде экспедиции способен содействовать конструктивной интеграции народов обширного региона. Есть силы, которые в нём могут искусственно организовать тяжёлые конфликты. Россия же, совместно с государствами Средней Азии и Кавказа, за счёт научного взаимодействия способна нивелировать комплекс рисков и обеспечить сотням людей возможность реализации своих духовных и интеллектуальных качеств.

Библиография.

1. Андрущенко И. В. Зороастризм и авраамические религии /АИ. В. Индрущенко // Труды Таврической духовной семинарии: Сборник трудов. – 2020. – Выпуск 1. – С. 24-35.

2. Мухиддинова Т. Х. Некоторые особенности лексики, выражающие мифологические образы в таджикском языке / Т. Х. Мухитдинова // Вестник Филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова в городе Душанбе. – 2021. – № 4(20). – С. 98-108.

3. Шарифова Л. Ч. К вопросу о зороастризме и его исследовании в Азербайджане / Л. Ч. Шарифова // Язык, общество, личность и творчество Низами Гянджеви : Международная научная конференция, Сумгаитский государственный университет, Сумгаит, 28–29 октября 2021 года. – Том 6. – С. 31-34.

4. Шлыков П. В. Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции / П. В. Шлыков // Сравнительная политика. – 2017. – Т. 8, № 1. – С. 58-76.

УДК : 7.01

Антропометрический канон античности и его роль в развитии европейской культуры

Е. Ю. Удалых

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается античная модель мира, которая основывается на ценностно-смысловой трактовке человеческой телесности. Философия и наука Нового времени реализовала античное доверие к чувственному восприятию человека и его последующему рациональному объяснению.

Ключевые слова: античность, искусство, соматическая рефлексия.

Summary. The article examines the ancient model of the world, which is based on the value-semantic interpretation of human physicality. The philosophy and science of Modern times has realized the ancient trust in human sensory perception and its subsequent rational explanation.

Keywords and phrases: antiquity, art, somatic reflection.

В истории культуры наиболее важным в процессе сложения образа мышления эпохи и стиля искусства всегда оказывается тип визуально-перцептивной рефлексии (т.е. принципы видения и чувства формы), который присущ тем или иным этнокультурным или историко-культурным сообществам. Специфика мировидения и восприятия формы реальных объектов, в том числе и формы человеческого тела, тесно связана с идеальной объяснительной моделью мира, возникающей внутри отдельной культуры. Восприятие реальности и последующее ее воспроизведение в мышлении и искусстве всякий раз демонстрирует характер саморефлексии этой культуры.

Роль человеческой телесности в формировании культурной саморефлексии является недостаточно исследованной проблемой в сфере гуманитарного знания. Тем не менее, человеческое тело – не просто некий объективный природный феномен, сосуществующий в жизни человека наряду с другими природными структурами. Его значимость определяется тем, что становление личности, развитие эмоционально-психологической, интеллектуальной сферы происходит через осознание изначальной человеческой телесности. Осознаваемая или бессознательная рефлексия по отношению к ней во многом определяет жизненную линию поведения человека [3; с. 167].

Но, в то же время, духовные ориентации общества, культуры в целом также связаны с ценностно-смысловой трактовкой человеческой телесности. Представления людей о своей телесной организации, тектоническое их самочувствие в ту или иную эпоху, как правило, находились во взаимосвязи с различными подсистемами культуры. Они нашли свое отражение в образах мифологии и религии, в философских абстракциях и научных понятиях, в произведениях искусства. Наиболее показательным в данном отношении является процесс возникновения и развития классического европейского изобразительного искусства, с одной стороны, и, с другой, науки и философии Нового времени.

Бесспорно, что обоснование процесса первичной «кристаллизации» европейского классического искусства необходимо искать в Древней Греции, колыбели европейской культуры, в особенностях менталитета античных греков. Изучение генезиса европейского искусства необходимым образом обнаруживает важнейшую закономерность его возникновения, ясно осознаваемую самими греками и определяемую ими как принцип мимесиса. Данный принцип утверждал, что искусство появляется у людей из их стремления «подражать природе». Следовательно, онтологической предпосылкой рождения любого произведения искусства является принцип удвоения реально сущего в мире.

Мир реальных объектов в изобразительном искусстве превращается в мир знаков, которые образуют его «материю», явленную восприятию. Образ вещи, изъятый из естественных связей, включается в связи и представления человеческого сознания, которое стремится создать идеальную модель реальности и презентовать ее в тех или иных формах духовной культуры. Специфика восприятия реальности и последующее ее воспроизведение в формах культуры всякий раз демонстрирует тип саморефлексии этой культуры [1; с. 152].

Уникальная специфика мышления древних греков отразилась, прежде всего, в их антропоморфных представлениях. Ощущение родовой связи с гармонической природой Эллады и неразвитость личностного начала заставляла античного человека при идеальном моделировании мира прибегать как к аналогии к своей природной телесной организации, т.к. она была ему наиболее близка и понятна. Доверие и опора на свою физическую конституцию позволяли ему выстраивать линии взаимоподобия между человеческим телом и природой, космосом в целом. Природа и ее объекты, человек и его тело как природная вещь определялись едиными с космосом законами и математическими пропорциями. Данный принцип художественного изображения, основанный на воспроизведении визуального миропонимания – «соматизм» (А. Ф. Лосев, от греч. soma – тело) лежит в основе внутреннего морфологического родства античной мифологии, философии, науки и искусства.

Античное произведение искусства, как вещь, претендующая на обладание прекрасной формой, должно вступать в соответствие с законами космоса, которые устанавливаются при помощи рассмотрения форм живого. Абсолютизация, канонизация органических телесных форм говорила об убежденности древнегреческого человека в том, что он воспроизводит единичную вещь средствами искусства, обнажает ее идеальную космическую сущность. Она становится зримой, ясной при ее созерцании и познании.

Центром конструирования формы прекрасного в искусстве становится телесная организация человека и определяемые ею границы восприятия. Соматическая рефлексия античности была реализована вовне посредством греческой скульптуры, которая была статичным органическим телом, явленным как гармоническое пластическое целое, то есть как статуя.

В итоге, изображение телесной формы, и шире – формы жизнеподобной, при помощи принципов соразмерности, пропорциональности и симметрии становится основной характеристикой при определении стиля традиционного

классического искусства. Оно, после античности и инакового ей средневековья, вновь набирает силу в эпоху Возрождения и доминирует в европейской культуре вплоть до II-ой половины XIX в. В целом, европейскую классическую форму в искусстве следует определять как воспроизведение реальных структур бытия и оптического пространства через призму человеческой телесной природы.

Другим следствием соматизма античности становится развитие рациональных схем мышления, которые истолковывали бытие в целом, полагаясь на достоверность чувственно-наглядного опыта восприятия мира человеком. Возникает такой феномен европейской культуры как визуальная метафора, которая выполняет особые функции в познании, языке, науке, философии, делая неявное явным.

Традиция нахождения аналогий между организацией чувственных предметов и идеальным объяснением структур мира нашла свое наиболее яркое продолжение в философии и науке Нового времени. В европейском рационализме классическое искусство генетически определилось как специфическая форма мышления, в которой мысли всегда сопутствовал чувственный образ. Идеальная модель мира становилась чувственно-образной, визуальной картиной мира. Как итог, в XVII в. возникает новый тип научной деятельности и новая картина мира, основные положения которых до сих пор определяют фундаментальные основания современной европейской культуры и цивилизации.

Сущностью происходящего становится кардинальное изменение в понимании содержания научного знания: впервые объектом исследования становится не представление о предмете, не его абстрактная идея, кем-то, возможно, весьма авторитетным, высказанная на основе логики и затем взятая на веру его последователями. Теперь на первый план выдвигается сам предмет как таковой, не зависящий ни от чего другого, в том числе и от субъективных высказываний о нем. Как же теперь можно узнать истину о предмете? Только имея дело не со словом о предмете, а с ним самим, воздействуя на него с целью выяснения его характеристик при различных условиях его существования. Такой способ визуально-практического взаимодействия с предметом, в ходе которого фиксируются его реальные свойства, и есть эксперимент. Фундаментом науки становится рационально-понятийное объяснение мира, его природных, социальных и антропологических аспектов за счет выявления их закономерностей при помощи опыта, эксперимента, анализа практики, основанных на визуальном контакте с объектом исследования.

Родоначальником эмпирического метода познания стал философ Френсис Бэкон (1561-1626). Он исключительно высоко оценивал познавательное значение визуально-чувственного опыта. Реализация идей Бэкона о науке нового типа предполагала решение практических задач ради расширения сферы жизнедеятельности людей, роста их благополучия.

Сторонники эмпиризма обосновывают решающее значение наблюдений, позволяющее точно фиксировать и правильно описывать факты, проводить математические измерения, разлагать предметы на составные части, переходить

от следствий к причинам, устанавливать путем анализа причин необходимые вытекающие из них последствия.

Опытно-экспериментальное постижение сущности объектов в итоге позволяет сформулировать их закономерности и на уровне рационального представления построить их образные и физико-математические модели, а затем реализовывать их в технических конструктах. Следовательно, новая теория познания вырастает как результат исследований, в которых объективная истина постигается путем рациональной обработки визуально-чувственного опыта и математического анализа при опоре на практику. Новый научный метод, выдвинутый классической теорией познания, стал главной движущей силой прогресса в сфере развития науки и техники вплоть до конца XIX века [2; с. 189].

На сегодняшний день классический инструментарий научного исследования, многократно подтвердивший свою объективную достоверность, сохраняется как актуальный во многих научных направлениях. Неизменно ценным остается поиск истины при опоре на опытный материал изучаемой реальности и обоснование полученного научного содержания при помощи математического аппарата, что, в свою очередь, унифицирует процесс передачи информации от исследователя к исследователю и последующим поколениям. Таким образом, форма европейского классического искусства есть не только результат, но и фактор сложения самой европейской культуры, ее рационалистической ментальности. Она эстетическими средствами отражает интегрированный опыт данной культуры, в том числе и ее соматическую рефлексию.

Библиография.

1. Боннар. А. Греческая цивилизация. В 3 т. / А. Боннар. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1994. – Т. 1. Кн. 1. От Илиады до Парфенона. Кн. 2. От Антигоны до Сократа. – 443 с.

2. Микешина Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования : учеб. Пособие / Л. А. Микешина. – М. : Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005, – 464 с.

3. Татаркевич В. Античная эстетика / В. Татаркевич. – М. : Искусство, 1977. – 327 с.

УДК : 8.881

Передача национальной специфики художественного перевода

Ф. К. Хабибуллаева

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В статье обобщены результаты изучения перевода художественного произведения в аспекте качества передачи национальной специфики. Доказано значение герменевтического подхода в процессе перевода.

Ключевые слова: перевод, национальное своеобразие, герменевтический подход.

Annotation. The article summarizes the results of the study of the translation of a work of fiction in the aspect of the quality of conveying national specifics. The importance of the hermeneutical approach in the translation process has been proved.

Key words: translation, national originality, hermeneutical approach.

Прежде, чем начать разговор о специфике передачи национального своеобразия художественного текста при переводе произведений с узбекского на русский язык, дадим определение национальной картины мира.

Национальная картина мира вбирает в себя такие понятия, как уклад народа общественной, хозяйственной, семейной и иной жизни, которые сложились под воздействием многих факторов, среди которых ученые выделяют среду и условия обитания (Г. Д. Гачев, Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачев), культурно-историческое развитие, психологические особенности национального характера, влияние религиозных систем миропонимания и многое другое. Отсюда и показ человека национального, его духовного мира, его взаимодействия с окружающей ему средой. Следовательно, «национальное своеобразие оригинала находит своё отражение в тематике, идее, передаче образных выражений, эмоционально-оценочных выражениях. Национальная особенность выражается, во-первых, в национальной форме. Во-вторых, чем произведение национальнее, тем труднее оно поддается переводу.

Перевод – это сложный и многогранный вид человеческой деятельности. Хотя обычно говорят о переводе «с одного языка на другой», но, в действительности, в процессе перевода происходит не просто замена одного языка другим. В процессе перевода сталкиваются различные культуры, разные личности, разные склады мышления, разные литературы, разные эпохи, разные уровни развития, разные традиции и установки [4; с. 22].

Переводчик является посредником, способным одновременно принимать информацию на одном языке и воспроизводить на другом. Следовательно, передача средствами другого языка своей мысли - это важное языковое посредничество, способное осуществляться различными методами, где перевод значит многое.

В данной работе воспользуемся определением теоретика перевода И. Кашкина, который подчеркивал: «Национальная форма передается не искажением языка, на который переводится данное произведение, не прилаживанием этого языка к чужим грамматическим нормам, не гримировкой, костюмери-

ей и бутафорией «под местный колорит». Национальная форма передается глубоким проникновением в самую суть национального и социального своеобразия народа, убедительным раскрытием того, как в литературе это выражениепсихической общности нации осложняется индивидуальным своеобразием стиля автора и изображаемых персонажей»[2; с. 57]. Кроме этого, в художественном переводе важное значение имеет адекватное понимание переводчиком текста оригинала и тем самым обеспечивает правильный подбор реалий переводимой культуры.

На наш взгляд, при анализе качества перевода художественного произведения необходимо руководствоваться герменевтическим подходом, который активно разрабатывается в современной науке о переводе [5]. Он опирается на адекватное понимание переводчиком текста оригинала и обеспечивает целостное воссоздание национального своеобразия, где отражается национальнаякартина мира оригинала.

Добиться результата задача сложная, тем более, если переводчик ограничен слишком узкими рамками, мотивированными субъективным пониманием национальной специфики. Тонкости, к примеру, восточного характера, переводчик обязан знать и учитывать в процессе своей работы, иначе невозможно воссоздать национальный характер этого народа.

Художественный перевод кардинально отличается от другихпереводов, так как, разбирая текст оригинальный, переводчик парирует, используя свой потенциал, свое чутье, воспринимать переводимый текст через призму.

Таким образом, если переводчик учтет эти требования в процессе работы с текстом оригинала, то сможет максимально сократить неизбежные потери.

Библиография.

1. Камилова С. Э. Особенности воссоздания национальной картины мира при переводе современной узбекской прозы на русский язык / С. Э. Камилова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 695. – С. 59-63.

2. Кашкин И. А. Ложный принцип и неприемлемые результаты / И. А. Кашкин // Иностранные языки в школе. – 1952. – № 2. – С. 283

3. Комиссаров В. Н. Перевод и интерпретация / В. Н. Комиссаров // Тетради переводчика. – М. : Высш. шк., 1982. – Вып. 19. – С. 1-19.

4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2014. – 414 с.

5. Кудрявцева Н. С. Герменевтика в искусстве перевода / Н. С. Кудрявцева // Новітня філологія. – 2009. – № 11 (31). – С. 237-244.

6. Қуронов Д.Х. Назарий қайдлар / Д. Х Куронов. – Тошкент : Академнашр, 2018. – С. 64-80.

7. Қуронов Д. Чингиз Айтматов асарлари таржимасига доир / Kuranov D. – Карабук, 2019. – С. 52-59

УДК : 165.232.3:14.01

Человеческая природа: методология познания

А. В. Максименко

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Россия)

Аннотация. Данная статья исследует вопросы, связанные с методологией познания человеческой природы. В ней рассматриваются различные подходы к изучению человеческой сущности, акцентируя внимание на двух принципах – принципе историзма и антропологическом принципе. В основе антропологического принципа лежит убеждение, что природа человека остается неизменной и все его проявления в обществе и культуре объясняются внутренней природой. Принцип историзма утверждает, что человек является продуктом исторического развития, его природа и проявления зависят от конкретного социокультурного контекста, который сложился благодаря развитию труда как формы связи индивидов между собой.

Ключевые слова: природа человека, антропологический принцип, принцип историзма, проблема человека

Summary. This article explores issues related to the methodology of studying human nature. It examines various approaches to the study, focusing on two principles –historicism and the anthropological principle. The anthropological principle is based on the belief that human nature remains unchanged and all its manifestations in society and culture are explained by inner nature. The principle of historicism asserts that a person is a product of historical development, his nature and manifestations depend on the specific socio-cultural context that has developed due to the development of labor as a form of communication between individuals.

Keywords and phrases: human nature, anthropological principle, historicism, human problem

Исследование человеческой природы остается одним из наиболее актуальных и дискуссионных направлений философии. Стремление постигнуть сущность человека, его поведение, мотивацию и характер взаимодействия с окружающим миром привело, в свою очередь, к поиску таких методологических подходов, которые бы позволили найти ответы на искомые вопросы о человеческом существовании.

На современном этапе развития науки мы накопили такой объем дробных и дифференцированных знаний, что представление о человеке как целостной структуре растворилось в бесчисленных частных моментах и сторонах: «Почти две с половиной тысячи лет наука изучает человека с разных сторон, каждая из которых получила свое специфическое описание и теоретическое объяснение. При этом человек распался на тысячу частей, сторон, проекций, исчез как нечто целое» [12; с. 80]. При этом философы находятся в постоянном поиске такого методологического подхода, который бы в перспективе ответил на извечный вопрос: а что же есть, собственно, человек?

В отечественной литературе последних лет мы находим немало попыток поиска основополагающих принципов познания человеческой природы, навеянных стремительным информационно-технологическим прогрессом (к примеру, информационный подход К. Колина [2]). Однако генезис познания и его состояние на современном этапе развития науки позволяет нам понять, что далеко

не каждая методология с ее системой принципов способна обеспечить успешное разрешение теоретических и практических задач исследования, и, более того, может привести ученого к безуспешным попыткам прийти к какому-то результату, сподвигая иногда на поиски в иных философских системах, как, например, в восточной философии, фокусируясь исключительно на пути познания и занимаясь «нахождением себя внутри себя своим внутреннем самоисследованием» [13].

В целом, как писали П. С. Гуревич и И. Т. Фролов, феномен человека в истории философии осмыслялся двумя способами: «извне», т.е. посредством сопоставления с другими сущностями или явлениями, а именно осмыслением отношений с природой (космосом), обществом, богом, самим собой; либо «изнутри», т.е. с помощью раскрытия собственной уникальной природы, постижения телесного, эмоционального, нравственного, духовного и социального бытия [16; с. 4]. К слову, эти две позиции не всегда существовали в идеальном выражении, а иногда и дополняли друг друга.

В истории западной философии мы видим существование различных установок, именуемых «-центризмами»: космоцентризм, теоцентризм, антропоцентризм, социоцентризм и пр. [4]. Многочисленные философские доктрины изучали вопрос о происхождении, сущности и роли человека в обществе посвоему. Это вполне естественно, ведь люди, по сути, являются социально-историческими и культурными созданиями, стремящимися в каждом новом историческом контексте к более глубокому пониманию и осознанию своей человеческой сущности. Дискуссии о природе человека так или иначе вращаются вокруг вопроса о постоянном и изменчивом характере человеческой природы, о связи последней с обществом. И один из важных дискуссионных моментов в этой области заключается в противопоставлении антропологического принципа и принципа историзма.

Исследования в научном поле антропологии демонстрируют, что биологический вид человека остается неизменным со времен кроманьонцев вот уже несколько сотен тысяч лет, т.е. биологическая эволюция человечества завершена. Однако ошибочно полагать, что между нашими предками и цивилизованным человеком последних четырех тысяч лет нет никакой разницы. Т.е. человек все же изменяется, сохраняя некое ядро устойчивых признаков [16; с. 6]. Правомерно ли понимать под человеческой природой некую субстанцию, сводящуюся только к его естественным свойствам и задаткам биологического или психического толка?

Как познавательная установка, антропологический принцип утверждает наличие человеческого измерения применительно к любому знанию о природе, обществе или о самом познании, подчеркивает самостоятельность индивида, которому присуща свобода выбора, его деятельность, в которой усматривается приоритет интересов индивида перед интересами общества.

Антропология, лежащая в основе антропологического принципа, возникает в позднеантичную эпоху как учение о человеке, а точнее о целостности человеческой природы во Христе. А по мере того, как теология уступала место евро-

пейскому рационализму, философская мысль стремилась к сохранению целостности и уникальности человека, отстаивая независимость от религиозной идеологии, однако все же определяя человека всего лишь как элемент мира. С середины XIX века внимание ученых стало фокусироваться непосредственно на человеке, трактуя его деятельность, образ жизни, происхождение как что-то уникальное и специфическое. Возникают множество различных антропологий: биологическая, культурная, историческая, политическая, психологическая, социальная и пр. [14]. На рубеже XIX-XX веков мир, который прежде мыслился независимым от человека, стал миром, который человек творит сам согласно своим собственным представлениям о своем месте и предназначении. Неудовлетворенные социально-экономическими и политическими процессами, философы прошлого столетия начинают строить субъективистские концепции человека как существа, автономного и независимого от объективных закономерностей развития общества и природы, познавая человека, исходя из субъективного «Я» – через глубинные сферы внутренней индивидуальной жизни.

К таким концепциям, в которых прослеживается бытие индивидуальности, путь человека к внешнему миру и обществу, можно отнести теорию человека как animal symbolicum Э. Кассирера; наделенное духом животное у М. Шеллера; обладающего эксцентричной позиционностью человека у Х. Плеснера; биологически несовершенное существо, стремящееся компенсировать свою неполноценность при помощи общества и культуры (А. Гелен); человека как сумму поступков у Ж. П. Сартра и пр. [6].

С легкой философской руки пульт управления собственной жизнью перешел исключительно в руки самих людей, ведь исходным пунктом так называемой философской антропологии является убеждение, что человеке – творец собственной истории (судьбы), независимый от каких-либо трансцендентных сил.

Если человек – творец своей судьбы, то всё, что он совершает, происходит исключительно по его собственной воле. Однако даже на элементарном уровне мы понимаем, что каждый человек помещен в рамки государства, образования, культуры, религии и т.п., т.е. в рамки общества и отношений в нем. При этом, безусловно, бросается в глаза тот факт, что человек, как отдельный индивид, рождается и умирает, а жизнь общества, т.е. культурно-исторический процесс, не останавливается в своем развитии, подчиняясь закономерным процессам.

Антропологическая мерка, к слову, все же дает свои благотворные плоды, поскольку рассмотрение индивидуального бытия человека позволяет выявить его потенциальные возможности в установлении связи с другими индивидами, рассмотреть механизмы подключения человека к всемирной «человеческой сети» общественно-исторического культурного процесса[1]. Вне связи с другими людьми, как бы не нам не хотелось, мы не сможем добраться к истинности понятия человек. Поэтому принцип историзма является методологической уста-

[1] Механизмом подключения индивида к культурно-историческому процессу является процесс взаимного перехода действующей способности субъекта в форму предметности и обратно, выраженное в категориях «опредмечивания» и «распредмечивания» [5; с. 46].

новкой, способной описать природу человека, поскольку индивид, как универсальное и свободное существо, все-таки «отражает в себе прошлое, настоящее и будущее, то есть он не только воссоздает в собственной практике опыт прошлого, но и меняет, развивает себя» [16; с. 6].

Принцип историзма, по сути, представляет собой такой подход к предмету исследования, при котором объект рассматривается как изменяющийся и развивающийся во времени. В широком смысле термин «историзм» используется для описания идей французских материалистов-просветителей (Дж. Вико, Вольтера, Ж. Ж. Руссо и пр.), благодаря которым философская мысль пришла к осознанию идеи социального прогресса, который подразумевает под собой поступательное развитие человечества от низших ступеней к высшим.

Примечательно, что Маркс в одном из своих писем немецкому философу, юристу и экономисту Ф. Лассалю советует ознакомится с сочинением Дж. Вико, в котором усматривает «немало блесток гениальности» [8; с. 550.]. И действительно, изречение о том, к примеру, что «природа людей обладает той основной особенностью, что они общественны», является поистине знаковой, нашедшей свое дальнейшее развитии именно в марксизме [1; с. 13.].

Так, в XIX веке благодаря работам Карла Маркса, историзм получил новый толчок в формате исторического материализма. В отличии от Гегеля, применявшего данный метод при анализе духовных образований, историзм Маркса получил общеметодологический характер, позволивший применить его при анализе уже материальных сфер природы и общества. Однако, несмотря на кажущуюся противоположность систем этих двух философов, их взгляды относительно сущности истории как реального процесса развития общества были схожи.

Сравнительный анализ философско-исторических взглядов Гегеля и Маркса, совершенный Т. Э. Рагозиной, позволяет нам убедиться, что для объективного идеализма Гегеля и исторического материализма Маркса характерны два основных аспекта понимания сущности истории: «1) наличие в общественной истории людей *безличных социальных сил*, которые, будучи вызваны к жизни собственными деяниями людей, при этом господствуют над ними в качестве некоей необходимости, обнаруживающей себя в виде негативной динамики возвратного действия, оказываемого на человека известной совокупностью общественных отношений; 2) признание этих безличных социальных сил в качестве разумных форм, в которых осуществляется человеческая история» [11; с. 18].

Получается, что в истории общества существуют объективные законы, не зависящие от воли отдельных субъектов, но которым вынуждены подчиняться люди. Эти законы находят свое выражение в форме объективной целесообразности, т.е. они возникают не по собственной воле отдельных индивидов, а являются результатом совместного существования и взаимодействия всех людей, результатом, не входивших в первоначальные намерения и желания [9, с. 24]. Целесообразность выступает как специфическая форма взаимодействия, кото-

рое обусловлено конечным результатом, предстающим перед нами в качестве цели, пусть и не сознательной.

Умело сочетав диалектический метод Гегеля и исторические знания, историзм как принцип познания позволил Марксу сопоставить развитие материальных производительных общественных сил и поступательное движение истории вперед. Таким образом, объективный и всесторонний характер научного исследования может быть обеспечен, по справедливому утверждению Маркса, только путем рассмотрения предмета именно в его историческом контексте, т.е. в его самодвижении и развитии при диалектической связи с другими явлениями [15; с. 175].

Маркс определял человека как «совокупность общественных отношений», при этом совокупность не означает сумму одинаковых людей, а, напротив, она представлена в ансамбле, в единой взаимосвязи многообразных отношений. Сущность человека, таким образом, заключается в системе взаимодействующих между собой индивидов, связь между которыми возникает благодаря труду как некой форме этой связи. В этой системе связей выражается принадлежность человека к «роду» человеческому, однако эта принадлежность не является биологически заданной, а формируется и развивается *исторически*. Действительной универсальной основой, субстанцией-субъектом становления человека, и в равной степени становления общества и культуры является труд как процесс, производящий саму форму связи индивида друг с другом, как деятельность, социально обуславливающая становление человека разумного [10].

Поскольку одной из характеристик труда является его преобразующий характер, то «изменение природных, предметных, социальных и идеальных объектов, отношений, структур, а также и самих субъектов приводит к созданию новых условий бытия-в-мире» [3; с. 38]. Сформировавшиеся в результате деятельности одного поколения социальные отношения с необходимостью преобразуются и отражаются в деятельности последующего поколения, т.е. обладают таким свойством как историчность: «люди сами делают историю, но они не делают ее так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого» [7; с. 119].

Таким образом, антропологический принцип и принцип историзма предлагают нам рассматривать человека исходя из противоположных позиций: антропологизм сосредоточен на человеке как базисной категории, лежащей в основе представлений о природе, бытии и обществе; принцип историзма же рассматривает человека в социуме в контексте общественно-исторического развития человечества. Природа человека и ее проявления зависят от конкретного социокультурного контекста, который сложился благодаря развитию труда как формы связи индивидов между собой, отношений, которые воплощены в форме труда.

Библиография.

1. Вико Дж. Основания Новой науки / Дж. Вико. – М. – К. : REFL-book - ИСА, 1994. – 656 с

2. Колин К. Информационная антропология: Новая концепция познания природы человека / К. Колин // Researcher. European Journal of Humanities & Social Sciences. – 2019. – №3(2). – С. 85-115.

3. Кондрашов П. Н. Карл Маркс о родовой сущности человека / П. Н. Кондрашов // Антиномии. – 2020. – Т.20. – Вып. 3. – С. 22-48.,

4. Макуха Г. В. Основные культурные парадигмы и философские дискурсы о проблеме существования человека / Г. В. Макуха // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. – 2015. – Том 1 (67), №2. – С. 94-102.

5. Максименко А. В. К вопросу о субъекте общественно-исторических изменений / А. В. Максименко // Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции 27-28 апреля 2023 года / Отв. редактор д. филос. наук, доц. Сулимов С. И. – Воронеж : ИСТОКИ, 2023. – С. 43-49.,

6. Максименко А. В. Проблема человека в современной западной философии: основные подходы и решения / А. В. Максименко // Культура и цивилизация (Донецк). Научный журнал. – 2022. – № 2(16). – С. 56-64

7. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. 2-е изд. – М. : Политиздат, 1957. – Т. 8. – С. 115-217.

8. Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1963. – Т. 30. – 756 с.

9. Рагозина Т. Э. Объективный субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории» Часть I / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 1 (17). – С. 16-26.

10. Рагозина Т. Э. Проблема субъекта истории как системообразующий принцип философской рефлексии / Т. Э. Рагозина // Субъективное и объективное в историческом процессе. Материалы международной научной конференции 21 апреля 2017 года / Отв. редактор к. филос. наук, доц. Рагозина Т. Э. – Донецк, ГОУВПО «ДОННТУ», 2017. – С. 40-55.

11. Рагозина Т. Э. Субъект истории, или что значит «стоять на пороге материалистического понимания истории». Часть II. Проблема «начала» исторического материализма / Т. Э. Рагозина // Культура и цивилизация (Донецк). – Донецк, 2023. – Выпуск № 2 (18). – С. 18-28.

12. Розин В. М. Проблема целостного изучения человека / В. М. Розин // О человеческом в человеке / Под общ.ред. И. Т. Фролова. – М. : Политиздат, 1991. – С. 80-99.

13. Савинков М. Л. Природа человека и методология ее изучения / М. Л. Савинков // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 10. – С. 128-135.

14. Сергейчик Е. М. Философские основания антропологического подхода в постклассической науке / Е. М. Сергейчик // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2018. – № 3. – С. 70-82.

15. Смирнова Н. М. Историзм / Н. М. Смирнова // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Инситут философии РАН, Нац. общ.-науч. фонд. – М. : Мысль, 2010. – С.175

16. Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир – эпоха Просвещения / Редкол.: И. Т. Фролов и др.; Сост. П. С. Гуревич. – М. : Политиздат, 1991. – 463 с.

УДК : 130.2

Образ нации в философских трудах Монтескьё и Вольтера

С. Г. Ретинский

Донецкий национальный технический университет

(г. Донецк, Россия)

Аннотация. Анализ взаимосвязи современного понятия нации с его истоками в философии французского Просвещения является основной темой данной статьи. Автор предпринимает попытку раскрыть основные характеристики нации, представленные Монтескьё и Вольтером, и сравнить их с современными ключевыми характеристиками данного понятия. В результате проведённого исследования делается вывод о том, что Просвещение внесло существенный вклад в формирование нынешнего понимания нации.

Ключевые слова: Просвещение, общество, нация, климат, законы,материалистическое понимание истории.

Annotation. The analysis of the relationship between the modern concept of a nation and its origins in the philosophy of the French Enlightenment is the main topic of this article. The author attempts to reveal the main characteristics of the nation, presented by Montesquieu and Voltaire, and compare them with the modern key characteristics of this concept. As a result of the conducted research, it is concluded that the Enlightenment has made a significant contribution to the formation of the current understanding of the nation.

Keywords: Enlightenment, society, nation, climate, laws, materialistic understanding of history.

Переход от Средневековья к Новому времени ознаменовался формированием первых национальных государств. В этот период европейским мыслителям необходимо было ответить на следующий вопрос: как объяснить многообразие народов с их внешними особенностями, языками, религиями, традициями, характерами, законами и формами управления? Ряд плодотворных идей предложили философы французского Просвещения, в трудах которых, помимо прочего, получили свое рассмотрение понятия нации и национального государства.

В XVII-XVIII вв. пользовались популярностью теории, согласно которым имеющиеся различия между странами в первую очередь зависели от географических условий. Так, Ш. Монтескьё утверждал, что климат оказывает прямое воздействие на поведение людей, определяя тем самым форму управления и социально-политическую систему той или иной страны [11; с. 350]. Он выделял такие элементы, как климат, рельеф и почва. Холодный климат «придает уму и телу известную силу, которая делает людей способными к действиям продолжительным, трудным, великим и отважным», а жаркий климат «подрывает силы и бодрость людей» [11; с. 387]. В связи с этим народы Востока не способны на подвиг, а индийцы вообще лишены мужества, свойственного европейскому климату. Им противопоставлялось население Северной Европы, которое смогло бросить вызов Римской империи и в конечном счёте уничтожить её, «благодаря одному лишь здравому рассудку, связанному с грубыми волокнами тела жителей этих климатов» [11; с. 353].

Кроме климата на «образ правления», к которым Ш. Монтескьё причислял республику, монархию и деспотию [11; с. 169], оказывает существенное влияние рельеф. В Азии, разделённой горами и морями на большие территории, могли существовать только крупные империи с деспотической властью. В противном случае они были бы разделены на сравнительно небольшие государства. В Европе, напротив, в силу естественных причин сформировались государства средних размеров [11; с. 391]. Для обеспечения их прочности достаточно республиканской или монархической формы правления. В дополнение к этому Ш. Монтескьё отмечал, что на островах жители более расположены к свободе, чем на континенте. Дело в том, что острова небольшие по величине, они отрезаны от империй морем и там сложнее использовать одних для угнетения других [11; с. 395].

Неплодородная почва также пробуждает в людях мужество и боеспособность, потому что им необходимо самостоятельно доставать «то, в чём им отказывает почва». При этом в странах с плодородной почвой утверждается дух зависимости, т.к. плодородие приводит к нежеланию подвергать свою жизнь опасности. Если в деревне достаточно всевозможных благ, то жители опасаются её разграбления. Крестьяне чрезмерно загружены работой и не слишком обеспокоены собственной свободой. Ш. Монтескьё обращал внимание на то, что войска, собранные в таких зажиточных регионах Германии, как Саксония, уступают остальным в боевой готовности, в связи с чем он предлагал вводить соответствующие военные законы для поддержания дисциплины [11; с. 392-394].

Однако географическими факторами вопрос не исчерпывался. Согласно Ш. Монтескьё, они безраздельно властвуют только над дикарями. Кроме этих факторов народами управляют также законы, нравы, обычаи, религия, примеры прошлого и принципы правления, которые в совокупности образуют так называемый дух народа [11; с. 412].

По мере усиления влияния одной причины ослабляется действие другой. Так, над Спартой доминировали нравы, над Римом – принципы правления, над Китаем – обычаи, над Японией – законы. В связи с тем, что японский народ обладал «свирепым характером», законодатели и правители не доверяли ему и говорили о «судьях, угрозах и наказаниях». Но если японец и шагу не мог ступить «без полицейского надзора», то индиец – «кроток, нежен и сострадателен». В Индии законодатели выражали собственному народу большее доверие, поэтому назначили ему сравнительно мягкие наказания. Особый климат, считал Ш. Монтескьё, порождает «чистые нравы» и «кроткие законы» [11; с. 361].

В XVIII в. учение Ш. Монтескьё стало важным шагом на пути разработки материалистического понимания истории. Его главный недостаток состоял в стремлении объяснить особенности тех или иных наций с помощью географических факторов. И тем не менее называть концепцию Ш. Монтескьё природным детерминизмом не совсем точно, т.к. он пытался найти и другие причины, влияющие на процесс общественного развития. При этом

дальнейший ход социально-философской мысли должен был вести к выявлению экономических связей, которые, собственно говоря, и образуют нации.

Одним из первых критиков концепции Ш. Монтескьё стал Вольтер. Он отмечал, что если во многих странах мира климат за последние несколько тысячелетий изменился незначительно, то за тот же период сменилось несколько социально-политических режимов и значительно трансформировался дух народов. В качестве примеров Вольтер приводил Грецию и Италию: «Почему в Афинах нет более ни анакреонов, ни аристотелей, ни зевксисов? Как объяснить, что в Риме место цицеронов, катонов и титовливиев заняли граждане, не смеющие выражать свои мнения, и глупая чернь, для которой высшее блаженство состоит в том, чтобы достать по дешёвке масло и глазеть на проходящие процессии?» [3; с. 184].

Когда Вольтер критиковал Монтескьё и его предшественников, это вовсе не означало, что сам он полностью отрицал воздействие географических факторов. Напротив, «некоторой грубоватостью» народов, проживающих в странах с северным климатом, он объяснил отсутствие у них живописцев, трагиков и комиков, которые «пользовались бы признанием цивилизованных наций». В таких странах живут вполне состоятельные люди, располагающие досугом, но не обладающие чуткостью, необходимой для того, чтобы разбираться в зрелищах. Но если среди них всё-таки появляются те, кто обладает хорошим вкусом, то они предпочитают приобретать итальянские картины и обращаются к итальянской музыке. Полностью лишены вкуса, отмечал Вольтер, народы Азии, поэтому там отсутствуют «живопись и многоголосная музыка, красота в скульптуре и правильность в архитектуре» [5; с. 617].

Вольтер доказывал не отсутствие влияния климата на национальный характер народов, а его относительно меньшую роль по сравнению с влиянием системы законов, воплощённой в образе правления. В. Н. Кузнецов обращал внимание на то, что если Ш. Монтескьё объяснял влиянием климата особенности нации и соответствующий им образ правления, то Вольтер настаивал на необходимости формировать с помощью системы законов новых черт национального характера. Ввиду этого законодатель обязан не приспосабливать систему законов к определённому климатом психическому складу нации, а утверждать законами гражданскую свободу, даже несмотря на нравы и обычаи народов, длительное время находящихся под гнётом деспотизма [10; с. 189-191].

Положительные изменения в этом направлении происходили во Франции уже при жизни Вольтера: «храм разума»постепенно овладевал страной, просвещаласьпровинция, а судьи приобретали «возвышенный образ мыслей»[7; с. 315]. Но приобретать «человеческий образ» французская нация начала тогда, когда министерские посты стали занимать философы. Вольтер называл их «первой поддержкой королевской власти»[6; с. 310] и надеялся, что «философия, которая сейчас окружает трон, скоро будет на троне»[1; с. 496].

Другими словами, он выступал за установление во Франции просвещённого абсолютизма.

К. Н. Беркова объясняла такую позицию тем, что буржуазия, интересы которой отстаивал Вольтер, ещё не окрепла для выдвижения собственных требований и тем самым пыталась найти поддержку в королевской власти. Ввиду этого Вольтер, который сам занимал промежуточное социальное положение между дворянами и капиталистами, возлагал определённые надежды на просвещённых монархов. К таковым он относил Екатерину II и Фридриха II, а одном из достижений просветительной философии считал уничтожение пыток в России и Пруссии [1; с. 496].

Вольтер придавал большое значение определявшей судьбу целой нации воле великих людей, в особенности монархов. Во всех странах, считал он, рано или поздно появится государь, который избавит людей от рабства, как это произошло в Англии, Голландии, Швейцарии, Швеции и др. По Вольтеру, говорить о свободе можно только находясь в зависимости от законов [4; с. 546]. Он поддерживал борьбу Ш. Монтескьё против всех видов рабства с помощью разума и выступал за возвращение рабам свободы как их природного права. Соответствующее обращениебыло подготовленоим к французскому королю [8; с. 549-550].

«Настоящей историей»Вольтер называл ту историю, которая описывает полезную государству деятельность царя [2; с. 557].Одновременно с этим, как считал Е.А. Косминский, он заложил основы истории культуры. «Теперь хотят знать, – указывал Вольтер в письме к И.И. Шувалову, – как росла нация, каково было ее народонаселение в начале эпохи, о которой идет речь и в настоящее время; как выросла с тех пор численность войск, которые она (нация) содержала и содержит; какова была ее торговля и как она расширилась, какие искусства возникли в самой стране и какие были заимствованы ею извне и затем усовершенствованы; каковы были приблизительно государственные доходы в прошлом и в настоящем, как возникли и развивались морские силы; каково было численное соотношение между дворянами, духовенством и монахами и между ними и земледельцами и т.д.» [9; с. 185]. Следовательно, он одним из первых обратил внимание на социально-экономическую сторону развития общества.

Вольтер стремился обобщить историю и свести её к основным направлениям. Но когда он пытался представить внутреннюю связь всех сторон исторического процесса, то здесь наблюдались шатания между разными точками зрения, считал Е. А. Косминский [9; с. 194-195]. Ю. И. Семёнов прямо называет Вольтера эклектиком. Он рассматривает его в качестве родоначальника многофакторного подхода к истории, пользующегося широкой популярностью и в настоящее время [12; с. 280-281]. В то же время В. Н. Кузнецов обращал особое внимание на выдвинутое Вольтером положение «мнение правит миром» и считал его сутью не только собственно вольтеровского, но и общепросветительского понимания истории [10; с. 192].

С одной стороны, утверждение «мнение правит миром» стало основой для идеалистического понимания истории, даже несмотря на признание того, что идеи определяются социальным окружением. Дело в том, что последнее само формируется под воздействием идей законодателей, а значит, одни идеи создаются другими. С другой– вольтеровское положение подтолкнуло просветителей к осмыслению того, что люди сами творят историю. В последующем осознание влияния идей на общественные процессы способствовало революционному преобразованию Франции [10; с. 193-194].

Французское Просвещение придавало большое значение анализу социальной практики своего времени и внесло огромный вклад в понимание объективных законов общественного развития. Перед просветительской мыслью стояла задача найти в материальном мире факторы, определяющие поведение людей, объясняющие возникновение и развитие наций и национальных государств, раскрывающие суть проблемы субъекта исторического процесса. Буржуазная революция во Франции, открывшая путь к развитию капиталистического общества во всём мире, стала практической версией философии французского Просвещения.

Библиография.

1. Беркова К. Н. Вольтер / К. Н. Беркова // Вольтер: pro et contra, антология. – СПб. : РХГА, 2013. – С. 492-509.
2. Вольтер. Из «Истории Российской империи при Петре Великом» / Вольтер. Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 554-578.
3. Вольтер. Из «Философского словаря» / Вольтер // Бог и люди. – М. : Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 74-250.
4. Вольтер. Мысли о государственном управлении / Вольтер. Избранные произведения. – Гослитиздат, 1947. – С. 546-548.
5. Вольтер. Письма графу И. И. Шувалову / Вольтер . Избранные произведения. – М. : Гослитиздат, 1947. – С. 603-617.
6. Вольтер. Письмо Даламберу от 16 октября 1765 г. / Вольтер // Бог и люди. – М. : Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 309-310.
7. Вольтер. Письмо Даламберу от 26 июня 1766 г. / Вольтер // Бог и люди. – М. : Академия наук СССР, 1961. – Т. 2. – С. 315-316.
8. Вольтер. Рабство / Вольтер. Избранные произведения. – М. : Гослитиздат, 1947. – С. 549-551.
9. Косминский Е. А. Историография средних веков / Е. А. Косминский. – М. : Издательство Московского университета, 1963. – 430 с.
10. Кузнецов В. Н. Франсуа Мари Вольтер / В. Н. Кузнецов. – М. : Мысль, 1978. – 223 с.
11. Монтескьё Ш. О духе законов / Ш. Монтескьё. Избранные произведения. – М. : Госполитиздат, 1955. – С. 159-733.
12. Семёнов Ю. И. Философия истории. (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней) / Ю. И. Семёнов. – М. : Современные тетради, 2003. – 776 с.

УДК : 130. 2

Экономика впечатлений как проект постиндустриального общества

И. С. Шаповалов.

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В данной статье исследуется концепция экономики впечатлений Гилмора и Пайна, которая отражает самые главные особенности бытия человека в постиндустриальном обществе. Их идеи строятся на том, что в современном мире продаются не только сырье, товары и услуги, но и различные человеческие переживания, эмоции и впечатления.По нашему мнению, это может привести к ситуации антропологической катастрофы, в которой все существующее и даже внутренний человеческий мир будет сведено к акту потребления. Автор обращает внимание на причины формирования и развития экономики впечатлений. Кроме того, анализируютсясамыесильные стороны экономики переживаний и открываются её связи с культурой метамодерна.

Ключевые слова: экономика впечатлений, постиндустриальное общество, метамодерн

Annotation. This article explores Gilmore and Pine's concept of impression economics, which reflects the most important features of human existence in a post-industrial society. Their ideas are based on the fact that in the modern world not only raw materials, goods and services are sold, but also various human experiences, emotions and impressions. In our opinion, this can lead to a situation of anthropological catastrophe in which everything that exists and even the inner human world will be reduced to an act of consumption. The author draws attention to the reasons for the formation and development of the impression economy. In addition, all the strengths of the experience economy are analyzed and its connections with the metamodern culture are revealed.

Keywords and phrases: the economy of impressions, post-industrial society, metamodern

Современный глобальный мир двадцатого и двадцать первого века можно представить в качестве огромной плюралистической вселенной, состоящей из бесконечного множества дискурсов. В этой сфере научных и культурных идей, сегодня на первый план выходят концепции постиндустриального общества и экономики впечатлений, анализу которых и посвящается данная статья.

Постиндустриальное общество возникает во второй половине двадцатого столетия в развитом европейском мире в результате развития информационных технологий и сферы услуг. Основные причины возникновения и развития этого типа социума включают в себя: снижение роли промышленного производства в экономике из - за автоматизации и роботизации производственных процессов; увеличение спроса на услуги, образование, культуру, инновации и другие виды деятельности, связанные с обработкой информации; появление новых форм организации труда, таких как удаленная работа, фриланс и очень гибкий график труда. В постиндустриальном обществе на первый план выходит информация как главный источник личностного и социального развития и преобразования в коммуникационной сфере – возникновение глобальной сети, которая связала весь мир в единую и большую деревню (интернет, мобильная и спутниковая связь). Анализируя духовные основания нового мира, философы полагают, что «вся концепция постиндустриального общества основывается на признании в качестве основополагающего фактора общественных трансформаций быстрое технологическое развитие, основанное на превращении науки в самую главную

и непосредственную производственную силу. Помимо этого самыми базовыми характеристиками новой цивилизации являются снижение роли материального производства, выразившееся, в частности, в уменьшении его доли в совокупном общественном продукте, развитие сектора услуг и информации, изменение мотивов и характера всей человеческой деятельности, появление нового типа вовлекаемых в производство ресурсов и, что самое важное, существенную – модификацию всей социальной структуры» [5; с. 33].

Таким образом, к самым основным характеристикам постиндустриальной цивилизации можно отнести следующие черты:

1. Основная сфера производства – сфера услуг, производство информации;

2. Основной тип экономики – рыночная система, собственность в руках частных крупных компаний;

3. Главный социальный слой – владельцы и производители информации;

4. Основные особенности культуры – глобальная мобильность, постоянная социальная изменчивость. Ценность инновационного развития науки. Критерий прогресса – возрастание скорости внедрения инноваций, увеличение объема и скорости всей коммуникации, рост объема всей информации и ускорение ее обработки за единицу времени, автоматизация управления.

Постиндустриальное общество проектирует и постоянно улучшает новую виртуальную реальность, которая захватывает всю жизнь человека и изменяет его сознание. Цифровая революция постоянно увеличивает скорость обработки информации, но сознание от этого становится фрагментарным и скользящим по поверхности. Человек не вникает глубоко в суть информации, у него образуется клиповое мышление.

Когнитивные изменения в психике человека также вызываются во многом за счет базовой структуры виртуального пространства, которая построена как единая глобальная сеть, в которой одна страница отсылает к другим интернет - страницам, что дает нам особую возможность «скользить» до бесконечности по гипертексту. Это комбинирует информацию в виде мозаики. При этом каждый информационный блок стремится к бесконечной избыточности, подвергается интерпретациям, дублированию, копированию, сжатию, разрастанию, а также комментированию, при полном отсутствии четкой структурированности и даже иерархичности всего содержания. Это препятствует сосредоточению сознания на чем – то одном и способствует его рассеиванию – отсюда и возникает фрагментированное сознание современного человека.

Бесконечные объемы информации требуют быстрого освоения. Поэтому цифровой человек имеет «быстрое сознание». Негативным последствием этого становится отсутствие глубины и самостоятельности суждений. Возможность мгновенного высказывания делает очень утомительным вынашивание глубоких мыслей. Каждый может публиковать себя в блогах, и социальные сети полны глупых мыслей, невежественных высказываний. Понятие истины оказывается размытым и неактуальным и все размывается вядовитой субъективности: каждый прав в своей изолированной реальности. Таким образом, солипсизм (философская концепция, согласно которой, подлинной реальностью обладает лишь

сознание и личный, внутренний мир человека) становится главной идеей современного мира, которая приводит нас к нарциссизму, анестезии эмпатии и распаду социальных связей.

Также тотальная информатизация общества формирует предпосылки для создания цифрового концлагеря: это возможная модель для развития мира, в котором государства и различные корпорации полностью контролируют все человечество благодаря сильному искусственному интеллекту и развитому виртуальному пространству. С помощью новых технологий (социальные сети, системы видео- и аудио-наблюдения) уже сегодня можно сделать всю жизнь человека полностью прозрачной и управляемой. Как отмечает американский социолог и критик Говард Рейнгольд: «Каждый телефонный звонок, действие с кредитной карточкой, щелчок мышью, послание по электронной почте, плата за проезд по мосту с турникетом, видеокамера в местах торговли и электронный ключ гостиничного номера собирают и затем передают все личные сведения, которые во все большей степени собираются, сравниваются, сортируются и затем тайно хранятся неизвестным и, вероятно неузнаваемым подразделением государственной службы безопасности и теми, кто хочет что - то продать»[7; с. 262]. Поэтому взрывное развитие информационного пространства требует от индивида повышения культуры оперирования информацией, более глубокого погружения в общий информационный поток для выявления фактического состояния дел. Это и формирует мощный социальный запрос на развитие у человека цифровой грамотности, развитие его навыков управления цифровыми технологиями.

Таким образом, постиндустриальное общество продуцирует следующие мировоззренческие принципы, которые влияют и на современного человека: духовный плюрализм: самые различные мировоззрения, системы ценностей, жизненные позиции, социальные сценарии, модели поведения сосуществуют на равных и не имеют ценностной иерархии; отсутствие трансцендентного начала и глубинной структуры, которое приводит к доминированию иррационального и абсурдистскому восприятию реальности. Создание бесконечности миров в постиндустриальном обществе привело к тому, что жизненное пространство очень многих людей раздробилось и теперь «вместо однородного культурного пространства каждый человек попадает в плоскость множества ценностных систем, составляющих основу демассифицированной информационной среды, в силу своей плюральности, предоставляющей индивиду множество моделей для существования. Влияние новых информационных и телекоммуникационных технологий, дробящих все общество на множество малых групп, заключается в том, что благодаря им человек может находиться в том особом фрагменте информационного пространства, который ему наиболее интересен»[9; с. 80].

Первой экономической системой постиндустриального мира стала модель общества потребления, проанализированная французским философом Жаном Бодрийяром. По его мнению, в этом новом социальном режиме все строится на изобилии товаров и услуг. Как пишет об этом сам Жан Бодрийяр: «Самой поражающей чертой современного города является, конечно, нагромождение,

изобилие предметов. Большие магазины с их богатством одежды и различных продовольственных товаров составляют как бы первичный пейзаж и особое место изобилия [2; с. 11].

Изобилие принимает статус адекватности, а не перепроизводительности, нивелируются также и все негативные последствия, которые оно неизбежно за собой влечет. Жан Бодрийяр обращает внимание на недолговечность товаров. Потребитель, согласно философу, больше ценит те виды товаров, в которых заложено более быстрое изнашивание. Таким образом, мы с вами приходим к достаточно печальному и очень парадоксальному выводу. Человек нуждается в продуктах, способных удовлетворить его базовые, насущные потребности, но подсознательно он стремится также увидеть, как можно скорое их разрушение. Чем обосновывается жажда наблюдения за процессом разрушения, принятие непосредственного участия в этом действии? Дело заключается в том, что только в разрушении, вещи могут показать свое существование в виде избытка. Именно в своем исчезновении они и свидетельствуют о богатстве. Возникает порочная диалектика постоянного разрушения старого и создания нечто нового, которое также в свою очередь обречено на аннигиляцию и забвение. То - есть яркое изобилие товаров и услуг общества потребления основывается на вечном цикле постоянного разрушения и обесценивания старого наполнения мира. Так и начинается гонка за гламуром, популярным, которая ведет нас в пустоту. И людям очень нравится все новое: новые вещи, новые впечатления от вещей – это дофаминовая игла (за счет которой и работает Tik – Tok), которая приносит временную эйфорию, но это в итоге ни к чему не приводит и оставляет пустым.

Мифом общества потребления, по мнению Жана Бодрийяра, является идея всеобщего социального равенства, которое должно сделать абсолютно всех людей счастливыми. Но, то экономическое равенство, на которое обращает наше внимание Бодрийяр, не делает людей равными друг перед другом. Старая социальная иерархия как работала, так и продолжает функционировать в эпоху общества потребления. Но люди действительно стали равными, хоть и не перед друг другом, а перед объектами потребления. Потребление уравнивает нас всех. Как на это указывает Энди Уорхол: «Америка положила начало традиции, по которой самые богатые потребители покупают в принципе то же самое, что и бедные. Ты смотришь телевизор и видишь кока-колу, и ты знаешь, что наш Президент пьет кока – колу, Лиз Тейлор пьет кока-колу и только подумай – ты тоже можешь пить кока-колу. Кока-кола есть кока-кола, и ни за какие деньги ты не купишь кока-колы лучше, чем та, что пьет бродяга на углу. Все кока-колы одинаковы, и все они хороши. Лиз Тейлор это знает, Президент это знает, и ты это знаешь» [11; с. 93]. И так – как, экономика производит сверх нормы, возникает изобилие, которое рано или поздно нам необходимо исключить из рынка. Поэтому цены на некоторые товары падают, затем происходит уценка, благодаря которой данный товар может приобрести любой субъект рынка с минимальной оплатой труда. За этим же уцененным товаром может прийти достаточно обеспеченный потребитель, так как, например, ему нравится марка или качество данного производителя. Но из этого следует, что товару все равно, кто его в

конечном итоге приобретет. Для него главное – быть реализованным. А социальное и вместе с ним экономическое неравенство как было между двумя покупателями, так оно и останется.

Общество потребления трансформирует духовные установки в сознании человека и культуре. Ориентация общества модерна на производительную и творческую активность, заменяется на стремление к бесконечному поглощению мира в биологическом и духовном его аспектах. Миром завладевает великая воля к потреблению. С одной стороны, данное общество и дало возможность каждому человеку создать свой комфортный и безопасный мирок, где любая жизнь становится интересным приключением, приносящим ему удовольствие. Но, с другой стороны, такая форма существования превратила человека в раба своих же желаний. Происходит ликвидация экзистенции и трансформация всех живых существ в машины по производству желаний.

Действительно ли человек нуждается в избытке потребления? Бодрийяр пытается ответить на этот вопрос, исходя из прямых тенденций непрерывного технологического развития и массовой коммуникации. Он отмечает очень важную и актуальную для современности проблему. Ускоренный ритм жизни вынуждает человека жертвовать некоторым содержательным знанием, которое требует много упорства и времени. Но это не основная причина пренебрежения к аналитическому и содержательному отбору всей информации. В ситуации искусственного уравнивания людей, необходимым становится создание такой культурной среды, которая могла бы синтезировать минимальный шаблонный порог, к которому мог бы быть затем приобщен абсолютно каждый индивид. Бодрийяр называет ее НОК (наименьшая общая культура). Ее существование необходимо, так как она призвана прославлять ритуализированные знаки – культурализации, в ситуации пренебрежения старой живой культурой. Какие последствия, исходя из таких тенденций, накладываются на мировое общество потребления? Постоянная мобильность, вечная переподготовка, повышение квалификации вынуждает нас жертвовать своим временем, а, следовательно, и существенным содержанием знания. На первый план для оценки нашего знания выступают тесты как «вопрос-ответ». Есть только два ответа: правильный или неправильный. Никакая аналитика неактуальна в выборе критерия истины, даже бессмысленна. Человеку посылают вызов, и ценным будет являться то, как скоро он сам на этот вызов отреагирует. Тоже происходит и с культурой потребления: на рынок поступает товар, упакованный в актуализированную культурную этикетку. От потребителя требуется как можно скоро на этот товар среагировать, не задумываясь о его истинной ценности, последствиях и т. д. Здесь все сводится к бесконечной бездумной активности, а созерцательный или рефлексивный компонент постепенно удаляется из жизненного мира людей.

Интересен процесс сакрализации тела, которое мы наблюдаем в эпоху общества потребления. Если раньше телом и его состоянием пренебрегали в угоду душевным и психическим составляющим человека, то сейчас картина радикально меняется. Бодрийяр отмечает два основных смысла, через которые общество потребления формирует свое отношение к телу. Это, прежде всего, эко-

номический (капитал) и психический (фетиш). Эпоха, в которой человек порабощен идеей потребления, вынуждает видеть себя в качестве объекта, имеющего свою меновую стоимость. Но как внушить потребителю, что он как носитель тела вынужден не только его эксплуатировать, но и добровольно сам обязан делать это соответствующим образом? Для этого необходимо пытаться переориентировать человека с сакрализации души на сакрализацию его тела. Следует отметить важное обстоятельство. Речь не идет о гармонизации души и тела. Тело не обретает действительный статус, который бы смог раскрыть все его подлинные интенции. Напротив, из одной зависимости (духовной) тело приходит к другой авторитарной силе – мифологизации телесности как объекта материального мира. И это происходит не просто так.

Общество потребления, как считает Жан Бодрийяр, погружено в знаковую реальность. Знак, если мы обратимся к его определению, является объектом, материальным объектом, несущем в себе неприродное значение. Тело человека материально. Так какое же значение оно обретает в современном Бодрийяру мире? Тело ценно постольку, поскольку оно является объектом инвестиций. Нам больше не обязательно быть красивым душой (это все пройденные этапы Средневековья и протестантизма), а необходимо любить и боготворить свое тело, научиться чувствовать себя в нем комфортно. Потребителю внушают, что ему некомфортно в собственном теле, так как он недостаточно вкладывает в него инвестиций. Люди подходят к проблеме своей телесности как к объекту, который можно использовать в меркантильных целях. Я могу эксплуатировать свое тело для, например, обозначения соответствующего социального статуса. Эпоха потребления насильно вторгается во внутренний мир человека, чтобы изнутри нарциссически вложиться в его собственное тело. Затем происходит идеализация всех внешних данных, гигиенических процедур, изматывающего спорта для достижения материального результата. Наступает культ тела. Но чем он чреват? В первую очередь, тело становится особым товаром, лишенным чувствительности, сексуальности, нежности. На первый план здесь выступают эротизм и красота, которые принимают форму религиозного и абсолютного императива. Но зачем это необходимо? Выступая в качестве достижимого и видимого всем идеала, который мотивирует к постоянному совершенствованию своей телесности, зримая красота и асексуальный эротизм представляют собой одну из форм капитала. Таким образом, тело в эпоху общества потребления не вступает в свои законные права на подлинное и законное существование. Напротив, оно становится объектом, отчужденным от своей личности, которая бессознательно, но намеренно терроризирует его, производит над ним всякого рода насильственные практики. Тело не обретает эмансипацию посредством пренебрежения души, а становится самым успешным и прекрасным объектом потребления.

Если человек чувствует себя объектом среди объектов, то, что помешает в эпоху общества потребления чувствовать себя знаком среди прочих знаков? Верно, ничего. Общество отрекается от трансцендентной сферы. Она перестает быть для него существенно необходимой, так как теперь каждый член данного

общества, хочет он этого или нет, вынужден быть поглощен системой знаков, где необходимо производить их непрерывный и последовательный подсчет.

Таким образом, человек отрекается, причем добровольно, от всей своей субъективности. Своими же руками он обрекает самого себя на тотальную имманентность, где он ничем, кроме как меновой стоимостью, не отличается от других объектов. Единственное, что делает меня «значимым» в этом наличном мире – это моя роль, которую я выполняю для поддержания и более глубокого погружения в знаковую реальность.

Общество потребления вызывает эпоху усталости, пассивности, отказа от высших ценностей, трансценденции и лишает человека каких-либо смыслов и целей своего существования. Постмодерн, чтобы человек не самоубил себя с такой тоски, предлагает индивиду игру с условностями, знаковыми значениями. Но человек отныне не субъект, а лишь «система знаков». Из этого следует, что человек окончательно лишается свободы выбора, свободы самоутверждения. И чтобы преодолеть все эти негативные черты постиндустриальное общество и начинает создавать вторую модель экономических и социальных интеракций, под названием экономика впечатлений. Эта новая концепция была разработана в знаменитом научном исследовании «Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие» Джозефа Пайна и Джеймса Гилмора, в котором предлагается театрализованный подход к коммерческой деятельности. По мнению Пайна и Гилмора, нам необходимо пересмотреть классическую экономическую триаду, лежащую в основе процесса потребления: то, что нами ранее рассматривалось как предприниматель – товар / услуга – клиент, в рамках дискурса экономики впечатлений может быть воплощено как производитель впечатлений – впечатление – гость.

Чем же отличается экономика впечатлений от экономических моделей прошлого? По мнению Пайна и Гилмора всего существует пять основных типов экономических предложений: сырье, товары, услуги, впечатления и особые трансформации. И сегодня мы с вами наблюдаем процесс преобразования всех впечатлений и переживаний в коммерческий продукт. Как пишут об этом сами Пайн и Гилмор: «Впечатления – это четвертое экономическое предложение, которое также разительно отличается от услуг, как услуги от товаров, просто до недавнего времени ему уделяли незаслуженно мало внимания. Когда человек покупает услугу, он покупает некий ряд действий, которые выполняются от его имени. Но когда он покупает впечатление, он платит за незабываемые минуты своей жизни, подготовленные компанией как в театрализованной постановке, т. е. за собственные чувства и ощущения» [6; с. 45].

Факторы зарождения и развития экономики впечатлений заключаются в следующем: новые технологии, которые делают возможным наше погружение в океан новых переживаний и эмоций; развитая рыночная конкуренция, которая заставляет компании искать новые и креативные пути привлечения клиентов; эволюция самой потребительской ценности: от сырья к товарам, от товаров к услугам и, наконец, к впечатлениям; рост материального благосостояния.

Экономика впечатлений приходит на смену экономике, ориентированной на производство материальных товаров и услуг. Иными словами, экономика впечатлений делает акцент на эмоциональную, духовную сторону потребления. Преимущество ориентации на впечатления состоит в том, что в современном мире невозможно эффективно реализовывать какой – то уникальный товар или уникальную услугу, поскольку на каждое экономическое предложение сразу же найдется множество аналогов. И только впечатление, сопутствующее покупке, оказывается неповторимым. Здесь мы можем привести пример из нашей с вами повседневной жизни. В центре любого крупного города мира имеется большое множество кофеен и прочих заведений, предлагающих кофе. Каковы в таких условиях жесткой конкуренции варианты стратегий для привлечения клиентов? Как сделать так, чтобы клиент выбрал именно вашу кофейню? Здесь возможны разные бизнес модели: установить заниженные цены, что может привести к банкротству; вложиться в маркетинг: масштабная рекламная компания, которая создаст позитивную систему образов вокруг товара или услуги; или же продажа уникальных переживаний и эмоций (на этом варианте и останавливается сейчас экономика впечатлений): создание особой атмосферы кофейни, превращающее кафе в важное место встречи друзей, романтических посиделок, тематическое заведение с очень особым подходом к внешнему виду персонала и т. д. Таким образом, добавленная стоимость на стаканчик кофе, будет связана в данном случае с полученным впечатлением. Осознавая преимущества данной бизнес – схемы и учитывая условия жёсткой конкуренции, многие компании сегодня трансформируются в режиссёров впечатлений, которые предлагают всем своим клиентам уже не просто товары и услуги, а различные и уникальные, связанные с ними впечатления, которые вызывают огромный поток увлекательных эмоций и переживаний. И если все предыдущие экономические предложения (товары или услуги) оказывали на покупателя внешнее воздействие, то новая экономика впечатлений проникает во внутренний мир своего клиента и часто требует его активного участия. Главная задача, которую ставят перед собой агенты новой рыночной системы, заключается в том, чтобы эмоционально взбудоражить потребителя, вывести его из зоны психологического комфорта и позволить ему почувствовать себя живым и активным. И даже виртуальное пространство во многом сегодня – это переход в особую зону экономики впечатлений: люди погружаются во всемирную сеть именно за новыми впечатлениями. Ценность Интернета сегодня как раз и связывается с самим процессомвхода в сеть, коммуникацией с целым миром и формированием виртуальных сообществ.

Но, что же такое впечатление и как возможно преобразовать его в продукт для потребления? Под впечатлением понимается ментальный образ, который сохраняется во внутреннем мире и сознании субъекта в результате прожитого опыта. То - есть впечатление – это синтез переживания и мышления, который целиком и полностью захватывает человека. Для трансформации впечатления в успешный коммерческий продукт, необходимо совместить в нем четыре особые области: развлечение, обучение, уход от реальности и эстетику. Развлечение несет в себе пассивное наблюдение с помощью органов чувств и здесь нужно

задействовать весь сенсорный аппарат человека для создания мощных эмоций и переживаний. Обучение подразумевает очень активное вовлечение сознания в процесс освоения новых знаний, умений и навыков. Уход от реальности или эскапизм подразумевает полное погружение в воображаемый мир и активное участие в нем. Эстетика подразумевает под собой погружение в событие, но без активного участия – здесь важно просто быть, и чистое созерцание. Таким образом, Пайн и Гилмор всю формулу успеха сводят к следующему: «Для того, чтобы создать сильное впечатление, не нужно выбирать только одну область. Эстетика – это то, что заставляет гостей прийти к вам и произвести с вами какое – то время. Эскапизм должен увлечь их, втянуть их в нужную вам особую деятельность. Обучающий аспект впечатления, как и эскапизм, по сути своей деятелен. Что ваши гости должны «выучить» в результате этого впечатления? Развлечения, как и эстетика, сами по себе бездеятельны. Когда ваши гости развлекаются, они вообще ничего не делают, просто реагируют на впечатление. Поставьте сцену для создания впечатления, исследовав значимость каждой области» [6, с. 109]. Для самой полной реализации всех областей впечатлений создаются тематические парки, казино, онлайн – игры. Прообразом развитой индустрии впечатлений стал парк Диснейленд, клиенты которого приобретают возможность развлекаться, учиться чему-то новому, а также уходить от своей повседневной реальности и наслаждаться эстетикой этого сказочного мира.

Практические советы Пайна и Гилмора для развития сильной экономики впечатлений заключатся в следующем. С эстетической стороны фирма должна развивать интерес, уют, удобство в зоне впечатлений. Для ухода от реальности необходимо создать проработанный воображаемый мир, который бы затянул в себя весь жизненный мир человека. Обучение должно предполагать наличие возможностей приобретения новых знаний и умений, которые можно освоить от посещения определенного места или использования какого-либо продукта. И важно также, чтобы места для впечатлений были наполнены развлекательным контентом и имели в себе приятные органичные вещи, и не было бы лишнего нагромождения. Также в индустрии впечатлений важна сильная и яркая тема, которая бы позволяла изменять восприятие реальности, изменять пространство, время и материю, которые должны быть вписаны в некое органическое целое. И тема должна дробить пространство на некие завершенные зоны и также она должна соответствовать характеру компании, быть лаконичной, но яркой.

Образом современной экономики впечатлений является театр, поскольку все ее субъекты наделены ролями и следуют особому сценарию, в котором все должно быть направлено на создание сильных запоминающихся переживаний и эмоций. Товар в данном случае представлен в виде декорации. И если мы с вами придем в кофейню, то естественно, кофе будет стоить копейки, но то, с каким уровнем нам его подадут, какое развлекательное шоу нам покажут и в каких декорациях мы будем сидеть, определит все. Поэтому покупателя часто и сравнивают с гостем, а впечатление с театром. Как ярко пишут об этом Пайн и Гилмор: «Когда театр служит моделью в работе, даже самые наши обыденные действия способны увлечь покупателей» [6; с. 221].

Таким образом, мы можем выделить основные характеристики экономики впечатлений, которая сегодня поглотила наш с вами жизненный мир:

1. Потребители все больше ценят не сами товары или услуги, а именно сам опыт и уникальные эмоции, связанные с их получением. Впечатление, эмоция и переживание переходят в сферу экономических отношений и культуру. Так, по мнению современного культуролога, профессора Дьяковой, «все традиционные институции культуры под влиянием запросов общества на эмоциональное переживание также стремятся трансформировать свою деятельность. Очень часто для достижения данных целей учреждения культуры и объединяются с бизнесом, чтобы максимально эффективно решить свои задачи по наполнению продуктов деятельности компонентом переживаний» [4; с. 11]. Таким образом, вся мировая культура становится инструментом для производства и передачи впечатлений, подчиняясь механизму эмоционального заражения. Как мы видим в нашей культурной реальности, сегодня доминирует именно эмоциональный, а не рациональный и смысловой компонент. Эмоции, переживания и впечатления – новый товар и экономическое предложение двадцать первого века.

2. Различные рыночные структуры и все культурные организации должны стремиться создавать уникальные и персонализированные впечатления для всех своих клиентов, чтобы выделиться на рынке и привлечь к себе внимание. Так, как современный мир наполнен переизбытком информации и многие люди уже имеют установку всевидящего глаза («мы все видели, мы все знаем»), поэтому становится важным использовать новые и сильные переживания и эмоции. В связи с этим процессом переориентации бизнеса на аффективные практики, сегодня «профессиональная деятельностьчеловека направляется не только на создание того или иного продукта, но, в – первую очередь, на формирование эмоционального контекста, вкотором и существует именно этот продукт, и на стимулирование чувств, которыепозволят наибольшему числу потребителей его приобрести» [10; с. 127]. Сверхзадача индустрии впечатлений – полное погружение человека в новый воображаемый мир, который захватил бы его целиком и образовал с ним длительную аффективную связь, которую и можно было бы продавать ему в качестве рыночного продукта.

3. Опыт становится ключевым элементом конкурентоспособности бренда, и компании должны инвестировать в развитие личных эмоций своих клиентов. Как пишет об этом аффективном повороте современный культуролог Генри Дженкинс: «Эмоции обеспечивают нам замечательную возможность постоянно оставаться в контакте с потребителями. Но лучше всего в эмоциях то, что они являются неисчерпаемым ресурсом. Эмоции постоянно ждут новых идей, а также новых вдохновляющих событий, нового опыта» [3; с. 121].

4. Экономика впечатлений подразумевает создание огромного количества мифов и историй вокруг своих продуктов или услуг, чтобы воздействовать на своего потребителя. Отсюда и проистекает феномен гламура. Так как старое религиозное содержание и идея аристократии крови исчезли из нашего мира, после падения модерна, то смогла образоваться лакуна, которая и заполнилась новой идеей гламура – как пустое стремление к популярности и имиджу. Чисто

онтологически гламур – это есть симулякр, аксиологическая этикетка, которая позволяет человеку себя лучше чувствовать через приобретение уникальных – экзотических предметов и статусов. Уникальность этих предметов и ролей условна. Однако эта условная система очень демократична – любой может стать известным или приобрести какую-то статусную вещь. Как показывает нам современный философ Алексей Цуркан в своей критичной аналитике гламура: «Феномен гламура – это всецело и полностью яркий примат симулякра над содержанием, поэтому совершенно неважно, какой контент содержит в себе та или иная индивидуальность, носящая лишь маску «иконы гламура». Никто и не ожидает от «иконы гламура» глубины, обстоятельности или концептуальности мышления. Главное – внешний эффект, постоянно воспроизводимый эпатаж и способность удивлять» [13; с. 196].

5. Ключевыми элементами создания самых мощных впечатлений являются персонализация, интерактивность, участие потребителя в процессе и создании эмоциональной привязанности к бренду. Как отмечает философ Бен Чхоль Хан: «сегодняшнее общество – это уже не дисциплинарное общество Фуко из старых богаделен, сумасшедших домов, тюрем, казарм и фабрик. Его место давно уже заняло совсем другое общество – новое общество из фитнес-студий, офисных высоток, банков, аэропортов, торговых центров и генетических лабораторий. Общество XXI века – это уже не старое дисциплинарное общество, а общество достижений» [12; с. 55]. И в этом новом мире человек мечтает реализовать весь свой творческий потенциал и для бизнеса и культурных учреждений поэтому очень важно оказывается вовлечь своих клиентов в активную деятельность, а не превращать потребителей в пассивных безучастных зрителей. Так происходит переориентация культуры с консюмеризма (бездумное потребление) на особый просьюмеризм (потребление того, что ты сам и произвел) в форме уникальных художественных объединений. Как утверждает культуролог Наталья Ресслер: «Художественные самоорганизации – основаны на неформальном общении зрителей и художника, которое порождает ситуацию открытости и диалога, когда каждый зритель может стать художником, каждый художник может стать зрителем. Рамки между тем, кто производит культурное содержание, и тем, кто его потребляет, стираются» [8; с. 54].

6. Экономика впечатлений в идеале строится на производстве собственной вселенной, вокруг определенных товаров и услуг, которая бы погрузила своих клиентов в океан уникальных и незабываемых переживаний (Вселенная Marvel, DC Comics).

Экономика впечатлений активно применяется в различных отраслях, таких как туризм, развлечения, розничная торговля, гостиничный бизнес и другие, где важно не только предоставить товар или услугу, но и создать незабываемый опыт для потребителя. Как об этом пишут Гилмор и Пайн: «Несмотря на то, что работа всех постановщиков впечатлений недолговечна, ценность полученного впечатления остается в памяти человека, который участвовал в действе хотя бы в качестве зрителя. Большинство родителей привозят своих детей в Диснейленд не только ради самой поездки; скорее они хотят, чтобы это событие стало

предметом обсуждения для всей семьи на месяцы или даже годы вперед»[6; с. 63].

В России развитие экономики впечатлений происходит в сфере услуг (различные тематические кафе и квест комнаты), в сфере туризма, культуры и искусства. Эффективными инструментами для данной экономики в России должны стать опора на истории, легенды, которые станут визитной карточкой и приглашением поехать в тот или иной регион страны. Ведь главной целью любой туристической поездки является получение впечатлений, а для этого нам нужно четко выявить потребности и вкусы потребителей, чтобы им захотелось вернуться в это место еще раз и поделиться эмоциями со своими друзьями, знакомыми или родственниками (эмоциональное заражение – это питательная почва для данной бизнес – схемы). Экономика впечатлений еще не полностью развилась в России из – за очень низкого уровня благосостояния, преобладания консервативности и неприятия современных форм духовной и материальной культуры. Однако и сегодня многие российские компании активно используют цифровые платформы, такие как социальные сети, для создания и широкого распространения впечатлений о своих продуктах и услугах среди потребителей, а торговые центры в России стремятся создавать свои собственные уникальные и очень запоминающиеся впечатления для покупателей через дизайн магазинов, акции, программы лояльности и другие зрелищные мероприятия.

Является ли концепция экономики впечатлений продуктом мировоззрения культуры постмодерна? Современный человек отходит от идей постмодерна в мир метамодерна, который и превращает переживание в рыночный продукт постиндустриальной экономики. И поэтому все, что нас окружает, может быть превращено в объект маркетинга или даже в мем. Таким образом, экономика впечатлений с ориентацией на внутренний мир является реакцией на культуру постмодерна. Однако в ней уже эмоции превращаются в объект потребления и в этом смысле, это все то же общество потребления, но только на новой стадии своего развития. Но так хотя бы люди что-то чувствуют и проявляют действие.

Что такое метамодерн? Это состояние культуры, для которого характерны следующие черты: колебание между логикой модерна с его стремлением к высшей истине, серьезным отношением к миру и логикой постмодерна, с его отказом от режима истин и токсичной иронией; новая искренность как желание испытать серьезное отношение к жизни и идеям; поиск абсолютной истины, новый романтизм; реконструкция; сюрреализм и возврат к общим концепциям и универсальным основаниям, истинам о бытии (транссентиментализм). Самое главное в метамодерне – это реальность сознания (как и в эстетике романтизма) и стремление к созданию воображаемого мира мечты, поиск своей внутренней свободы, открытость к трансцендентному и творческое преображение мира. Сам метамодерн, по мысли голландских философов Тимотеуса Вермюлена и Робина ван ден Акера, «колеблется между двумя полюсами, которые мы можем условно назвать – не сводя его ни к одному из них – постмодернистскими и до - модернистскими (а часто и модернистскими) пристрастиями: между иронией и

энтузиазмом, между сарказмом и искренностью, между эклектичностью и чистотой, между разрушением и созиданием и т. д.»[1; с. 62].

Экономика впечатлений и культура метамодерна связаны через феномен нового романтизма. Обновленная версия современного романтизма связана с идеей эскапизма, то – есть уход от социальной и природной действительности в миры фантазий и связанный с этим интерес к более ранним историческим эпохам. Экономика впечатлений эксплуатирует современные романтические интенции и поставляет своим клиентам возможность погрузиться в уникальные воображаемые миры через различные фильмы, сериалы, виртуальные игры и тематические парки. Эскапизм как новый романтизм – это главная идеология современной экономики впечатлений. Также впечатления вызывают к людской подлинности. Производителям важно получить воздействие на внутренний мир своих клиентов. Культурная продукция как метамодерна, так и всей индустрии впечатлений не должна быть просто условностью, которую можно выбрать или легко обойти стороной. Сегодня компаниям как постановщикам впечатлений важно внушить, что именно их продукт поможет вернуться их клиентам к своей подлинной основе, добиться аутентичности и поэтому он необходим им как глоток свежего воздуха. Здесь важно установить в первую очередь не простую материальную, а психологическую связь с потребителем и поэтому культура метамодерна с ее обращением к поиску истины и внутренних переживаний может выступить идеальным инструментом для манипуляций людьми.

Таким образом, новая искренность метамодерна позволяет создавать очень яркие переживания в современной экономике впечатлений. Но все же, с другой стороны, метамодерн предполагает отказ от постмодернистского релятивизма и возобновление некой нарративной твердости. Если коммерциализация эмоций и впечатлений связана с созданием гиперреальности, то наш метамодернисткий взгляд способен преодолеть ее.

Каковы основные преимущества экономики впечатления? Здесь возможно выделить тенденцию отхода от пассивного безучастия и поглощения общества потребления в сторону сознательной, креативной и творческой деятельности. Человек больше не хочет быть безучастным зрителем, он желает стать творцом и получить поток увлекательных и незабываемых впечатлений. Поэтому люди и используют продукты и услуги, чтобы выразить всю свою индивидуальность, статус или принадлежность к определенной группе. Экономика впечатлений помогает им создавать очень определенные образы жизни и идентичности через новое, духовное потребление, которое сочетало бы в себе эскапизм, эстетику, развлечение и обучение, способное трансформировать всю сущность человека.

Каковы негативные стороны экономики впечатлений? Во-первых, данная бизнес-модель пытается настойчиво проникнуть во внутренний, интимный мир своего потребителя и подсадить его на иглу переживаний. Создается мощная установка на постоянное получение новых и новых, все более сильных эмоций и впечатлений. Производители начинают активно анализировать психическое и эмоциональное состояние людей, чтобы выявить не столько все их сильные, а скорее слабые стороны. Для чего это необходимо? Данный анализ позволяет им

создать такое впечатление, которое будет способно к манипулированию своими потребителями. Из этого еще следует, чточеловек покупает не то, что ему по – настоящему нужно, а то, что ему внушили извне, производители. Также это приводит к трансформации рабочих мест, в которых делается акцент на то, чтобы сотрудники превращались в актеров, которые любой ценой должны дать своим клиентам счастье. И здесь Пайн и Гилмор предлагают применять в своей рабочей деятельности поставщикам впечатлений технику под названием «как будто», это форма позитивного мышления, которая создает образ счастливого человека: представьте себе, что вы как будто счастливы. Этот совет учит всех сотрудников экономики переживаний нагло врать своим клиентам и надевать маску доброты и радости, что только лишь усиливает состояние отчуждения и социальной атомизации в современном обществе: все начинают притворяться и изображать фальшивую улыбку. Здесь также необходимо выделить такой очень важный аспект экономики впечатлений как массовая персонализация, которая создает всеобщий экономический продукт (курорт, кафе, ресторан), но человек получает возможность почувствовать к себе особое и личностное отношение. Так как запросы многих людей совпадают, бизнес может поставить выполнение их желаний на поток и создавать иллюзию личностного подхода к каждому своему клиенту. Таким образом, за субъективным подходом многих компаний скрывается тотальная обезличенность. Персонализация оборачивается полной стандартизацией, что в свою очередь лишь усиливает процессы современной социальной и духовной атомизации. Именно поэтому Пелевин и полагает, что древнее выражение «Человек человеку волк» в современном обществе нужно перефразировать как «Вау Вау Вау». И также экономика впечатлений приводит к тому, что всеядная капиталистическая система быстро разрушает сакральное измерение мировой культуры, превращая любые религиозные практики, старые обряды и древние традиции в коммерческий продукт, призванный обеспечивать лишь позитивные эмоции и переживания. Бог, трансценденция, мистический опыт изгоняются из нашего нового дивного мира, в котором ценится только лишь набор сильных и желательно радостных впечатлений.

Таким образом, бесконечный поток переживаний и эмоций в экономике впечатлений вызывает множество негативных последствий, связанных с тем, что акцент в ней делается зачастую в сторону иррационального опыта без какой – либо рефлексии, что разрушает смысл всего прожитого опыта. Кроме того, экономика впечатлений, связанная с массовой персонализацией, полностью замыкает человека в своем уникальном, понятном только ему духовном мире, лишая его общих социальных связей с остальными людьми, так как каждый воспринимает мир по-своему и вообще не может быть до конца понят другим. И именно поэтому возникает потребность в так называемых кураторах, которые помогают людям понять самих себя, чего они хотят и как этого им достичь в жизни. Ими могут быть писатели, журналисты, психологи, блогеры, иными словами, все те, кто заявляет, что может помочь разобраться людям в своих эмоциях и желаниях. И так огромные массы людей попадают под влияние чужих нарративов, которые подчиняют всю их жизнь себе. Индустрия эмоций и

переживаний лишает человека свободы воли (внутренний мир превращается в коммерческий и манипулируемый продукт) и он становится рабом своих же собственных желаний, подсаживаясь на иглу новых впечатлений.

Библиография.

1. Аккер Р. ван ден. Метамодернизм. Историчность, Аффект и Глубина после постмодернизма / Р. ван ден Аккер. – М. : Рипол классик, 2019. – 494 с.

2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр. – М. : Республика: Культурная революция, 2006. – 269 с.

3. Дженкинс Г. Конвергентная культура. Столкновение старых и новых медиа / Г. Дженкинс. – М. : Рипол классик, 2019. – 384 с.

4. Дьякова Т. А. Культурные индустрии: учебное пособие / Т. А. Дьякова. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – 95 с.

5. Манакова И. Ю. Человек в постиндустриальном обществе / И. Ю. Манакова. – Саарбрюккен : LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 236 с.

6. Пайн Дж. Б. Экономика впечатлений: как превратить покупку в захватывающее действие / Б. Джозеф Пайн, Джеймс Х. Гилмор. – М. : Альпина Про, 2020. – 384 с.

7. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд. – М. : ФАИР – ПРЕСС, 2006. – 416 с.

8. Весслер Н. Е. Самоорганизация частных художественных пространств как проявление феномена просьюмеризма / Н. Е. Весслер // Вестник студенческой научной сессии факультета философии и психологии. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2021. – Выпуск 15. – С. 51 – 56.

9. Тихонова И. Ю. «Умные толпы» как феномен информационного общества / И. Ю. Тихонова. // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Философия. – 2020. – № 2. – С. 78 – 85.

10. Тихонова И. Ю. Эмоциональный капитализм как проект постсовременности / И. Ю. Тихонова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. – 2022. – № 2. – С. 124 – 130.

11.Уорхол Э. Философия Энди Уорхола. От А к Б и наоборот / Э. Уорхол. – М. : Ад Маргинем, 2022. – 268 с.

12. Хан Бен Чхоль. Общество усталости / Бен Чхоль Хан. – М. : АСТ, 2024. – 160 с.

13. Цуркан А. А.Феномен гламура: природа и сущность / А. А. Цуркан. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2015. – № 4. – С. 194-200.

УДК : 81.1

Факторы формирования компетентности социальной деятельности

М. К. Бакиева

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В статье описывается педагогическая значимость формирования гражданской компетентности социально активной личности. В частности, автор признает важность влияния и роли нашего общества в повышении активности личности, а также значение условий, создаваемых нашим государством. При этом он подчеркивал, что развитие понятия деятельности в сознании личности требует от педагогов высокого мастерства, отмечал необходимость установления гармоничного сотрудничества между учителем и учеником.

Ключевые слова и фразы: компетентностный подход, государственный образовательный стандарт, социальная активность, вековые ценности, традиции, категория, критерий совершенства.

Abstract. The article describes the pedagogical significance of the formation of civic competence of a socially active individual. In particular, the author recognizes the importance of the influence and role of our society in increasing individual activity, as well as the importance of the conditions created by our state. At the same time, he emphasized that the development of the concept of activity in the consciousness of the individual requires high skill from teachers, and noted the need to establish harmonious cooperation between teacher and student.

Key words and phrases: competency-based approach, state educational standard, social activity, age-old values, traditions, category, criterion of perfection.

Социально-активная гражданская компетентность, то есть способность чувствовать ответственность за события, явления и процессы, происходящие в обществе, и активно участвовать в них, знать свои гражданские обязанности и права, соблюдать их, иметь умение заниматься трудом и гражданские отношения и приобретают правовую культуру. Это, в свою очередь, является важным фундаментом для формирования и развития компетентности социально активной личности у молодежи нашего общества.

Человек не может развиваться вне общества, а социальные отношения между людьми определяются отношениями в их практической деятельности, в процессе общественного производства. Взаимодействуя с другими людьми, человек становится более осознанным, а его социальная жизнь приобретает определенный смысл. Высшим признаком человеческого разума является его самосознание, и самосознание человека также является важным признаком личности. Самосознание человека заключается в том, что по мере того, как человек развивается и работает в обществе, он выделяет свою индивидуальность, субъектность в окружающую среду. Самосознание человека выражается таким образом, что человек, отделяя себя от окружающего мира, осознает, что он целостно связан с этим миром, сознательно относится к себе, своей деятельности и своим задачам. Самосознание человека, ощущение того, что он есть «Я», всегда возникает с определенным смыслом. Самосознание, осознание себя как студента, учителя и т.д., понимание своего прошлого и будущего, понимание взаимоотношений с другими людьми, понимание своих

прав и обязанностей, понимание своих достоинств и недостатков, все это входит в самосознание. Благодаря самосознанию человек может наблюдать и познавать себя, понимать свой прошлый опыт и критически смотреть на свои действия.

Деятельность (понятие, происходящее от латинского «actus» – действие, «activus» – активный) – категория, объясняющая, как человек проявляет все свои действия в жизни. Оно объясняет все, что мы делаем: от простого действия, когда мы берем в руку карандаш и рисуем линию, до сложного акта мышления, который мы совершаем в момент творческого пробуждения. Социальная активность является критерием, указывающим на уровень осведомленности и совершенства человека в каждой области.

Роль наследственности и среды в развитии личности нельзя полностью отрицать. И то и другое в определенной степени имеет свою роль. Но главным фактором, определяющим развитие человека, считается образование.

На нащ взгляд, формирование личности используется в двух разных смыслах [1; с. 26].

Во-первых, формирование человека – это его развитие, понятие этого развития – это процесс и его результат. Понятие формирования личности в этом смысле является предметом психологических исследований. Его задача – определить, что существует и что может произойти в развивающемся человеке в условиях целенаправленного воспитательного воздействия. Это сугубо психологический подход к формированию личности.

Во-вторых, формирование личности как целенаправленное образование (по А. С. Макаренко «проектированием человека»). В частности, это педагогический подход к разграничению задач и методов формирования личности. Т.е. необходимо определить, из чего и как должен формироваться человек, чтобы он мог верно реагировать на социально необходимые требования общества. Нельзя смешивать психолого-педагогический подход с формированием личности. В противном случае мечта можно выдать за реальность. Документы о реформах акцентируют внимание учителей не на том, что уже развито у всех учащихся, а на том, что должно у них сформироваться, мобилизуют коллектив школы на проведение большой и ответственной работы с учащимися, не оставляя без внимания недостатки, которые необходимо устранить. В этом месте четко определяются задачи правильного педагогического подхода к процессу формирования личности молодежи, определяется, что должно формироваться в процессе воспитания.

Образование играет ведущую роль в формировании социально активной личности, целенаправленно воздействуя на него. Образование направляет и организует развитие человека в соответствии с целями, поставленными обществом. Это служит определению средств и путей всестороннего развития личности, формирования духовного сознания, сознательной дисциплины, воспитания патриотизма. Реализация этих высоких задач не только обеспечивает совершенствование личности, но и ее всестороннее развитие,

является основным фактором, обеспечивающим развитие общества, а также занимает ведущее место в ее активизации как личности.

На процесс личностной активации влияет ряд факторов:

- создание здоровой социальной среды в обществе;
- поднятие вопроса обеспечения нравственной зрелости граждан на уровень государственной политики;
- систематическое, непрерывное и последовательное проведение образовательной деятельности, исходя из конкретной цели;
- систематическая, непрерывная и последовательная реализация возможностей субъектов воспитательного воздействия на основе единой социальной цели;
- то, что индивидуальный фактор занимает ведущее положение в процессе общественных отношений и т. д.

Библиография.

1. Давлетшин М. Г. Умумий психология / М. Г. Давлетшин, С. М. Туйчиева. – Ташкент : ТДПУ, 2002. – 226 с.

3. Иванов П.И. Умумий психология / П. И. Иванов, М. Е. Зуфарова. – Ташкент : Ўзбекистон файласуфлари миллий жамияти, 2008. – 480 с.

3. Каримова В. М. Психология / В. М. Каримова. – Ташкент : Шарқ, 2000. – 256 с.

УДК : 103.2

Особенности взаимодействия культуры и религии

С. Л. Сухорукова

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается взаимосвязь между культурой и религией, подчеркивая их взаимное влияние. Религия рассматривается с точки зрения одной из подсистем культуры. Религия предлагает стабильность, наука динамична, а искусство отражает человеческие представления о мире. Взаимодействие культуры и религии проявляется в искусстве, где религиозные мотивы и символы становятся неотъемлемой частью произведений. Современное искусство продолжает обращаться к религиозным сюжетам, несмотря на сложность этого взаимодействия.

Ключевые слова: культура, религия, искусство.

Abstract. The article examines the relationship between culture and religion, emphasizing their mutual influence. Religion is considered as one of the culture's subsystems. Religion provides stability, science is dynamic, and art reflects human perceptions of the world. The interaction between culture and religion is evident in art, where religious motifs and symbols become an integral part of the works. Contemporary art continues to address religious themes, despite the complexity of this interaction.

Key words: culture, religion, art.

Взаимосвязь между культурой и религией - сложный и многоаспектный процесс, который имеет свои специфические черты и нюансы. Обе эти сферы глубоко взаимосвязаны, так как они взаимно влияют друг на друга и формируют мировоззрение людей. При анализе связи между религией и культурой ключевым вопросом становится изучение их взаимодействия и взаимозависимости. Религия выступает как форма культуры, а культура, в свою очередь, является результатом развития религии.

Английский историк, философ и культуролог Кристофер Генри Доусон подчеркивал двухсторонний характер отношений между религией и культурой и писал, что «какой бы универсальной и духовной ни была религия, она, если хочет оказывать влияние на жизнь и поведение людей, с необходимостью должна облечь себя в социальные институты и традиции, воплотиться в культуре»[2; с. 87-91, 96]. Культура, по мнению Доусона, представляет собой организованный образ жизни, основанный на общих традициях и обусловленный общим окружением. Этот образ жизни подразумевает общее мировоззрение, общие нормы поведения и общую систему ценностей. При этом утверждение о том, что религия и экономика обусловливают культуру, не противоречит утверждению о том, что культура формируется и изменяется под влиянием религии. Религия освящает традицию культуры и обеспечивает общую цель, объединяющую различные социальные элементы в культуре. Не поняв религию общества, невозможно понять его внутреннюю структуру.

Религиозная культура исторически развивалась вместе с обществом и является сложной системой, включающей в себя множество аспектов религии как подсистемы культуры. Она представляет собой совокупность методов и приемов, которые помогают человеку существовать и развиваться в обществе через религиозную деятельность. Все эти методы и приемы проявляются в социокультурной сфе-

ре и могут быть представлены в продуктах религиозной деятельности, которые несут в себе религиозные значения и смыслы.

Можно выделить два основных типа религиозной культуры. Первый тип включает в себя прямые проявления вероучения, такие как священные тексты, теологию, различные элементы культа и другие. Второй тип состоит из явлений из области философии, морали, искусства и других областей, которые исторически были включены в религиозно-духовную и ритуальную деятельность.

Духовный приоритет в общественной жизни принадлежит культуре, а не политике или экономике. По состоянию культуры можно судить о состоянии всего общества. Культура понимается как система отношений между человеком и миром, она является сложной самоорганизующейся системой, развитие которой обусловлено разнообразием видов человеческой деятельности. Культура состоит из материальных и духовных ценностей и включает несколько подсистем, генерирующих информацию из области религии, науки, искусства, а также каналы их распространения, которые стали сегодня вполне самостоятельными и влиятельными факторами культурного развития.

«Религия», «наука» и «искусство» – три подсистемы культуры, каждая из которых обладает своими уникальными характеристиками. Религия предлагает стабильность и ясность в ответах на фундаментальные вопросы жизни, в то время как наука динамична и постоянно развивается, предлагая новые теории и объяснения. Искусство же служит зеркалом человеческих представлений о мире и занимает центральное место в культуре. Хотя эти подсистемы взаимодействуют друг с другом, они также имеют свои отличительные черты, что делает каждую из них уникальной.

Религия занимает исключительное, уникальное положение в структуре современной культуры. Исследования многих ученых подтверждают, что религия продолжает играть значительную роль в жизни большого числа людей. Человеку свойственно стремление к познанию и поиску смысла жизни, что позволяет ему понять как самого себя, так и свое место в мире. В этом поиске одни обращаются к науке, другие к материальным благам, третьи к искусству, многие к религии. Религиозное чувство настолько присуще людям, что некоторые философы определяют человека как «homo religiosus».

Безусловно, религиозное сознание подвержено воздействию современной ему культуры, однако оно также значительно влияет на культурную динамику в обществе. Рассматривая религию как подсистему культуры, мы можем лучше понять процессы трансформации религии в современном мире. Этот подход не отрицает очевидного факта влияния религии на культуру и общество. Известно, что состояние системы может определяться поведением лишь одной ее подсистемы. Поэтому важно осознавать взаимоотношения и единство религии с другими культурными феноменами, составляющими систему культуры. Это поможет понять, как религия проявляется в той или иной культуре, какой вклад она вносит в культуру, как влияет на социокультурные процессы и, наоборот, какому влиянию подвергается религия со стороны культуры и общества. Для этого нужно определить функции и структурные элементы религии в системе культуры.

Религия включает в себя множество элементов. Например, религиозное сознание. Также важным элементом является практически духовное освоение мира, которое подразделяется на культовые и внекультовыедействия. Затем, идут религиозные отношения и институты.

Подобные элементы присутствуют в каждой подсистеме культуры, однако уникальность феномена религии не подлежит сомнению и определяется религиозным сознанием.

Религия вносит значительный вклад в культуру, выполняя свои функции на протяжении многих тысяч лет. Она является неотъемлемой частью любой культуры. Рассматривая религию как социокультурное явление, можно выделить две составляющие: исторически сложившуюся "сакральную" составляющую, которая остается неизменной, и "социокультурную" составляющую, которая адаптируется к изменениям в обществе и культуре. Взаимоотношения между этими составляющими не всегда стабильны, и в последнее время наблюдается тенденция к «секуляризации», то есть увеличению доли социокультурной составляющей. Это позволяет говорить о наличии в религии традиционалистских и модернистских течений. Традиционализм представляет собой статичный элемент религии, в то время как модернизм отражает необходимость ее изменения и развития, обновления духовной жизни.

Взаимодействие культуры и религии находит свое отражение в искусстве. Религиозные мотивы и символы часто становятся неотъемлемой частью произведений искусства, будь то живопись, скульптура, музыка или литература. Это позволяет донести духовные идеи и ценности до широкой аудитории, делая их понятными и доступными для восприятия. Таким образом, искусство служит своего рода мостом между религией и культурой, объединяя их в единое целое.

Современное искусство продолжает обращаться к религиозным сюжетам и образам, несмотря на сложность и дискуссионность этого взаимодействия. Тем не менее, в современном искусстве возможно соединение эстетического опыта с религиозным, что открывает новые горизонты для творческого самовыражения и осмысления глубоких философских вопросов. На данный момент есть множество примеров, которые иллюстрируют соединениесовременного искусства и религии. К их числу можно отнести инсталляции «Вечный сад» в церкви Вассеркирхе в Цюрихе, Швейцария, «Coversation» в церкви св. Антонио (Венеция, Италия). Также существует «Музей Луны» в Соборе Эли (Кэмбридшир, Англия). Что касается России, существует арт – пространство в катакомбах Кафедрального Собора св. апп. Петра и Павла (Санкт- Петербург), выставки в лютеранской церкви св. Анны (Санкт – Петербург).

Одной из заметных тенденций нашего времени является стирание границы между религиозной и светской культурой. Мы видим появление группы священников, которые одновременно являются писателями и поэтами или художниками, работающими в области светского изобразительного искусства или создающими произведения в жанрах светской литературы. Среди авторов, заслуживающих внимания, можно назвать Андрея Спиридонова, Игоря Экономцева, Гермогена Еремеева, Николая Агафонова, Александра Турика. Их

творчество охватывает разнообразные жанры и тематику: от патриотических стихотворений до фантастических романов.

Подводя итоги, взаимосвязь между культурой и религией является сложным и многогранным процессом, который имеет свои специфические черты и нюансы. Обе эти сферы глубоко взаимосвязаны, так как они взаимно влияют друг на друга и формируют мировоззрение людей. Религия предлагает стабильность и ясность в ответах на фундаментальные вопросы жизни, в то время как наука динамична и постоянно развивается, предлагая новые теории и объяснения. Искусство же служит зеркалом человеческих представлений о мире и занимает центральное место в культуре. Взаимодействие культуры и религии находит свое отражение в искусстве, где религиозные мотивы и символы становятся неотъемлемой частью произведений различных жанров. Современное искусство продолжает обращаться к религиозным сюжетам и образам, несмотря на сложность и дискуссионность этого взаимодействия.религия продолжает играть важную роль в культуре, оказывая влияние на общественную жизнь и подвергая свое сознание влиянию современной культуры. Она также оказывает значительное воздействие на культурную динамику в обществе. Все это позволяет сделать вывод, что религия является реальным и важным социокультурным феноменом. Вопрос о том, является ли религия автономной системой или социально и культурно обусловленной, остается открытым и требует дальнейшего исследования.

Библиография.

1. Аринин Е. И. Философия религии. Принципы сущностного анализа / Е. И. Аринин. – Архангельск : Изд-во Помор. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова, 1998. – 295 с.

2. Доусон К. Г. Религия и культура / К. Г. Доусон. – СПб. : Алетейя, 2000. – 280 с.

3. Системные исследования культуры / Под ред. В. С. Жидкова. – СПб. : Алетейя, 2006. – Вып. 1. – 396 с.

УДК : 1(091)

Герменевтика и учение И. Канта: рефлективная способность суждения в формировании смыслового горизонта мира человека

Б. Л. Губман, К. В. Ануфриева

Тверской государственный университет (г. Тверь, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается влияние учения И. Канта о рефлективной способности суждения на развиваемое ведущими теоретиками философской герменевтики видение формирования смыслового мира человека. Анализируются особенности рецепции категориального аппарата Кантовской философии и перевода его в онтологический регистр в формате герменевтики.

Ключевые слова: рассудок, разум, способность суждения, Dasein, мир, философия И. Канта, герменевтика.

Abstract. The article examines the influence of I. Kant's doctrine on the reflective ability of judgment on the vision of the formation of the meaningful world of man developed by leading theorists of philosophical hermeneutics. The reception strategy of the categorical apparatus of Kantian philosophy and its translation into the ontological register in the format of hermeneutics are analyzed.

Keywords: intellect, reason, the judgment faculty, Dasein, the world, philosophy of I. Kant, hermeneutics.

Развитие идей герменевтики, связанных с конституированием мира человека, во многом обусловлено переосмыслением идей И. Канта на базе основоположений фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. При этом в сочинениях Х.-Г. Гадамера, Р. Бубнера, Х. Арендт, П. Рикёра, Д. Ваттимо и других видных теоретиков этого направления отчетливо прослеживается попытка предложить собственное видение кантовского наследия, демонстрируя его значимость для понимания формирования мира человека. Хотя философия Канта в полной мере выражает дух классической мысли Нового времени, а герменевтика знаменует ее критическое преодоление, в современной историко-философскойлитературе прослеживается тенденция выявления в кантовскомучении, и, прежде всего, в теоретических обобщениях «Критики способности суждения» идейно-смысловой линии создания платформы «протогерменевтики». К такого рода заключению пришел первым Р. А. Макрил [8; p.151-166]. Однако наиболее полно этот тезис получил развитие в недавно опубликованной книге Х. Рутрофа, который пишет об имплицитно присутствующей в кантовских построениях платформе «протогерменевтики» [10; p.63-68]. Попытаемся проанализировать влияние кантовской трактовки рефлективной способности суждения на формирование герменевтического видения конституирования мира человека.

В контексте «Критики чистого разума» Кант анализирует способность суждения не только как инструмент обобщения опыта на основе категорий и уже

сложившихся рассудочных понятий. Он обсуждает ее в связи с рассмотрением ресурсов продуктивного воображения и схематизма рассудка, на базе которых может пополняться арсенал новых эмпирических понятий, который позволяет нетривиально судить о данных опыта [2; с. 173]. При этом, способность суждения анализируется Кантом в этом произведении по преимуществу в ракурсе ее значимости для научного постижения природных феноменов и интерпретируется обособленно от смыслосозидающей деятельности разума.

«Критика способности суждения» отличается стремлением Канта выстроить синтетическое видение взаимосвязи теоретически и практически ориентированной мысли, выявляя неразрывную взаимосвязь способности суждения и разума [4; с. 110]. В этом труде онподчеркивает лидирующую роль рефлективной способности суждения, которая сфокусирована на осмыслении опытно запечатлеваемого особенного в свете вновь созданных общих рассудочных понятий, по отношению к определяющейразновидности этой способности, на долю которой выпадает простое подведение эмпирически данного под готовые концептуальные клише. В подобной рефлексивной перспективе ткань опыта обретает оформление как сопричастная, с одной стороны, конкретике чувственно созерцаемого, подлежащего включению в спектр рассудочных понятий, а, с другой, как сопряженная с перспективой целеполагания, предполагающей открытость осмысления феноменов, встречаемых нами в разделяемом с другими людьми мире, запечатлеваемую разумом [3; с. 279]. Явленная в мире индивидуальная предметность понятийно характеризуется, по Канту, в акте рефлективного суждения, которое одновременно наделяет таковую смыслом в горизонте прорыва к «сверхчувственному», открытой целостности мира. Тем самым, «траектория» движения его мысли оказывается близкой тематическому полю, обсуждаемому философами, принадлежащими к герменевтической традиции. При этом, однако, Кант, как верно подметил В. Дильтей, был принципиально безучастен к историческому измерению жизни разума. Сопричастность разума ткани языка также не вызывала у него значительного исследовательского интереса.

Раскрывая истоки своего герменевтического учения, Хайдеггер писал в работе «Кант и проблема метафизики», что исходным пунктом создания им собственного варианта метафизики конечности послужила аналитика продуктивного воображения, развитая в «Критике чистого разума». Рефлексивное осмысление феномена продуктивного воображения привело его к центральному тезису собственного учения о невещности человеческого бытия, свободно проектирующего себя в горизонте времени [7; p. 170]. Для учеников и последователей Хайдеггера дальнейшее развитие герменевтики представлялось связанным с подробной проработкой тематического поля «Критики способности суждения».

Констатируя открытость мира для способности суждения, Кант оставался в пределах классического способа понимания рефлексии: он отнюдь не видел ее исторически релятивного характера, диалогизма и полицентризма. Отмечая это расхождение Канта с герменевтической традицией, Гадамер подчеркивал, что она принципиально исключает наличие единственно верной рефлексивной

стратегии, поскольку возможен плюрально открытый спектр таковых как порождения конкретных культурно-исторических ситуаций. Эта перспективасопряжена с утверждением потенциального диалога с самыми различными традициями, являющимися неповторимыми по своему характеру и выражающими экзистенциальную диспозицию их создателей. Историчность Dasein, явленная в понимании, как считает Гадамер, логически предполагает отношение «к целостности своего опыта мира – тогда все традиции принадлежат ему» [5; p. 96]. Являясь сторонником имплицитно присутствующей в его построениях европоцентристской установки, Кант, естественным образом, не мог выражать подобную стратегию культурного полилога.

Теоретики герменевтики полагают, что одним из кардинальных достоинств кантовской мысли стало осознание ограниченности упорядочивающего опыт рассудочного мышления. Рефлексивна мощь устремленного в бесконечность разума предстала, по их мнению, в «Критике способности суждения» в качестве,стимулирующей деятельность продуктивного воображения и схематизма рассудка, обеспечивающих успех способности суждения, которая ориентирована на постоянное расширение смыслового горизонта мира культуры. В способности суждения Гадамер одновременно видел и гарант обеспечения автономии человеческого субъекта от любых форм социально-политического и научно-технического властного манипулирования и контроля [6; с. 150]. В несколько иной редакции подобные воззрения характерны и для построений Арендт и Рикёра.

Кантом глубоко анализируется проблема интерсубъективной значимости рефлективной способности суждения [3; с. 243-244]. Гадамер обоснованно полагает, что Канту удалось выявить релевантность категории «общее чувство» не только эстетическому слою опыта, но и ее общефилософское значение. Она предстает, в его интерпретации, в качестве основания, на которое опирается рефлексивная способность субъекта судить об особенном в границах интерсубъективно разделяемой сообществом картины мира [1; с. 76]. Гадамером и другими представителями герменевтики мировидение, интерсубъективно принимаемое в границах сообщества,трактуется как заданное языковым горизонтом, непрестанно меняющим свое смысловое наполнение на базе рефлективной способности суждения.

Рефлективная способность суждения мыслится Кантом как опирающаяся на взаимосвязь опыта и рассудочной деятельности, характеризуемой как имеющей игровой характер [3; с. 219]. Представители постхайдеггеровской герменевтики обстоятельно обсуждают это предметное поле. Гадамер предлагает в данной связисвою трактовку смыслопорождения в активности «действенно-исторического» сознания, обосновывая единство игровой деятельности Dasein во взаимосвязи с верой и пониманием. Вера при этом связывается им с вовлеченностью экзистенциального субъекта в поток транслируемой во времени культурно-исторической традиции. Полемизируя с наследием Просвещения, он позитивно оценивает фактор доверия людей к «предпонятиям» и «предсуждениям», санкционируемым авторитетом традиции, что не исключает для него

значимости их конкретного критико-рефлексивного рассмотрения в интерсубъективном пространстве. Сопутствуя традиции, вера рисуется им как неотъемлемыйкомпонент формирования смыслового горизонта понимания мира, закрепленного в языке. Понимание неотрывно от рефлексивного осмысления явлений мира и различных диспозиций по отношению к ним, предполагаемым перспективой «истории действия». Круговой характер понимания представляется Гадамеру предполагающим диалог с традицией и игровое отношение к ней.

Обращаясь к феномену игры, Гадамер ассоциирует ее осуществление с вторжением в границы герменевтического горизонта понимания непредвиденного события, подлежащего рефлексивному осмыслению [5; p. 53]. Событие инициирует вопрошание и интерсубъективный диалог, непредвиденно вторгаясь в наличную ситуацию. Им стимулируется обращение к традиции и даже установление воображаемой коммуникации с жившими в прошлом людьми. В связи с обсуждением темы коммуникации Гадамер обращается к наследию М. Бубера и других представителей философии диалога. Раскрывая специфику диалога с минувшим, он говорит о продуктивности «логики вопроса и ответа», созданной в неогегельянстве Р. Дж. Коллингвуда, созданного им видения роли исторического воображения, которое сложилось под значительным воздействием кантовского учения. Игра представляется Гадамеру итогом синтетического единства воскрешаемой воображением традиции и ее рефлексивно-диалогического осмысления, на базе которого рассудок расширяет силой способности суждения горизонт человеческого мира. Следуя логике кантовской мысли, Гадамер рассматривает игру как производную в конечном итоге от устремленного в бесконечность смыслосозидающего порыва разума.

Положительно оценивая построения Гадамера, Рикёр подробно интерпретирует роль продуктивного воображения в творческом постижении мира, полагая, что оно «принимает форму семантической инновации» [9; p. 38]. Им акцентируется, что воображение работает на вербальном уровне, продуцируя новую конфигурацию значения путем расширения присущей естественным языкам полисемии. Рефлексивно осваивая семантическое поле рациональными средствами, оно обеспечивает создание сюжетной канвы художественной и исторической наррации [Ibid.; p. 38]. В перспективе глобального видения, кооперация исторического опыта, его рефлексивного постижения на базе способности суждения и активности разума представляется Рикёру ведущей к созданию новых смыслов на уровне социокультурной реальности.

Несмотря на то, что в целом мыслительная платформа Канта созвучна рефлексивному типу классической новоевропейской философии, она во многом предвосхитила появление в дальнейшем герменевтического теоретизирования, предложившего в собственном ключе переосмысление идей, которые были ярко сформулированы прежде всего в «Критике способности суждения». Для герменевтической стратегия понимания роли рефлективной способности суждения в постоянной трансформации мира человека свойственно обращение к корпусу категорий кантовской мысли и их перевод в онтологический регистр в стиле постклассического философствования. Отправляясь от предложенного

Хайдеггером истолкования опыта пребывания Dasein в потоке времени истории и говоря о его открытости в горизонте языка, представители различных вариантов герменевтики рассматривают способность суждения в качестве рефлексивного инструмента, который ориентирует игровую деятельность творца культуры. Он предстает внимающим наследию традиции и одновременно отвечающим на уникальный вызов события, вторгающегося в ситуацию настоящего и порождающего многообразие возможностей в смысловой перспективе грядущего.

Библиография.

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / Х.-Г. Гадамер. - М. : Прогресс, 1988. - 700 с.
2. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч. в шести томах. - М. : Мысль, 1964. - Т. 3. - С. 69-756.
3. Кант И. Критика способности суждения // Кант И. Соч. в шести томах. - М. : Мысль, 1966. - С. 161-527.
4. Кант И. Первое введение в критику способности суждения // Кант И. Соч. в шести томах. - М.: Мысль, 1966. - С. 99-160.
5. Gadamer H.-G. Philosophical Hermeneutics / H.-G. Gadamer. - Berkley; Los Angeles, London: University of California Press, 1977. - 243 p.
6. Gadamer H.-G. Reason in the Age o Science / H.-G. Gadamer. - Cambridge; L.: MIT Press, 1983. - 179 p.
7. Heidegger M. Kant and the Problem of Metaphysics / M. Heidegger. - Bloomington; Indianapolis: Indiana University Press, 1990. - 233 p.
8. Makkreel R. A. Gadamer and the Problem How to Relate Kant and Hegel to Hermeneutics / R. A. Makkreel // Laval theologique et philosophique. - Volume 53, Number 1, fevrier 1997. - Pp. 151-166.
9. Ricoeur P. Hermeneutics and the Human Sciences / P. Ricoeur. - Cambridge; L. ; Paris : MIT Press, Editions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1982. - 324 p.
10. Ruthrof H. The Roots of Hermeneutics in Kant's Reflective-Teleological Judgment / H. Ruthrof. - Cham, Switzerland: Springer, 2023. - 402 p.

УДК : 130.2

Архаизм как социально-философский подход к культуре (на примере славянофилов)

С. И. Сулимов, Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В данной работе анализируется архаизм, понимаемый как стремление реставрировать в политике и культуре обычаи, ценности и институты, имевшие место в далёком прошлом. На примере социально-философского течения славянофилов, имевшего место в русской мысли XIX в., авторы выявляют бесполезность архаизма для общественной и политической жизни. Ведь такие идеалы как «соборность» или «панславизм» казались славянофилам реальными, но по факту представляли собой лишь громкие лозунги.

Ключевые слова: архаизм, реставраторство, славянофилы, дружины Святого Креста и Зелёного Знамени.

Abstract. This work analyzes archaism, understood as the desire to restore customs, values and institutions in politics and culture that took place in the distant past. Using the example of the social and philosophical trend of the Slavophiles, which took place in the Russian thought of the XIX century, the authors reveal the uselessness of archaism for public and political life. After all, such ideals as «conciliarity» or «pan-Slavism» seemed real to Slavophiles, but in fact they were only loud slogans.

Key words and phrases: Archaism, restorationism, Slavophiles, squads of the Holy Cross and the Green Banner.

В истории любой развитой цивилизации однажды наступает момент, когда дальнейший исторический путь перестаёт быть очевидным. Прежние идеалы и ориентиры больше не кажутся единственными верными, и будущее предстаёт как хранилище различных вариантов индивидуального и коллективного выбора. В такие исторические моменты наряду с желающими приблизить тот или иной образец «прекрасного далёка» или сохранить существующий порядок без изменений нередко появляются и сторонники восстановления «старых добрых времён», которые полагают, что, начиная с какого-то момента, отечественная история отошла от сакральных образцов прошлого и что теперь необходимо вернуться к этим образцам. Британский историк А. Дж. Тойнби предложил для такого культурного течения удачное название «архаизм». В данной работе мы обратимся к истории отечественной культуры и проанализируем такое течение, имевшее место в XIX в. Речь пойдёт о славянофилах – мыслителях, которых одни исследователи считают русскими традиционалистами, а другие – фантазёрами-утопистами. Для современного читателя наша работа обладает актуальностью хотя бы потому, что в данный момент русское общество снова находится в состоянии выбора траектории исторического развития, а значит, испытывает духовно-нравственную неопределённость. Идеи славянофилов и их фактическая реализация могут послужить уроком для некоторых современных политиков и мыслителей, считающих себя традиционалистами и реставраторами русской духовности.

Размышляя об истоках и сущности архаизма, А. Дж. Тойнби полагал, что такой очарованный взгляд на прошлое всегда является следствием неопределённости в настоящем. Архаист всегда считает современное ему политическое, социальное и духовное состояние общества отклонением от мифологизированного образца, помещаемого архаистом в прошлое и поэтому реально не существующего. Такой образец, с одной стороны, можно всячески романтизировать, но, с другой стороны, невозможно применять в современности то, чего давно уже нет. И архаисту приходится либо устраниться от активного участия в реальной общественной жизни, всецело посвятив себя изучению старины, либо приняться за реставрацию не существующих порядков, разрушая и реформируя социальную эмпирию не менее радикально, чем иной революционер. А. Дж. Тойнби остроумно охарактеризовал поведение сторонников архаизма: «…либо он уходит в Прошлое, оставляя Настоящее, но тогда броня его убежища не выдерживает натиска Жизни, либо пытается возродить Прошлое через Настоящее, но тогда он скатывается на грань вандализма, ибо в Настоящем черты Прошлого искажены до неузнаваемости» [5; с. 440]. Архаизм может проявляться в любой сфере (и в религии, и в литературе, и в политике), но его источником всегда является недовольство текущим состоянием общества и неопределённостью будущего. В своём стремлении восстановить далёкое прошлое, нередко знакомое им лишь по книгам и преданиям, архаисты почти всегда обесценивают современный им социальный порядок и иногда даже готовы противостоять ему. В этом важное отличие архаизма от консерватизма: консерватор пытается сохранить имеющееся положение дел (например, политический режим или литературный стиль), а архаист собирается наличный порядок разрушить или реформировать, полагая, что, тем самым, удастся восстановить «старые добрые времена».

В качестве примера архаизма в русской истории мы выбрали славянофилов по двум причинам. Во-первых, творчество мыслителей данного течения приходится на эпоху, относительно недавнюю от современного исследователя и поэтому достаточно хорошо изученную. А, во-вторых, движение славянофилов зародилось в обстановке исторической неопределённости и имело шанс стать массовым, как это произошло с народничеством, однако славянофилы так и не обрели широкой популярности. Поэтому славянофильство является примером характерной для любого архаизма ошибки, не позволяющей такому взгляду на реальность привести к практическим результатам.

Впервые о славянофилах заговорили в начале XIX в. применительно к деятельности министра народного просвещения А. С. Шашкова, который настаивал на очищении русского языка от западных неологизмов и возвращении к старославянской лексике. Обратим внимание, что деятельность А. С. Шашкова на посту министра пришлась на 1820-1824 гг., а до этого он занимал должность в Государственном Совете. То есть это был переломный для мировоззрения русской элиты момент, когда наполеоновские войны наглядно продемонстрировали несостоятельность западных политических и культурных образцов. Если в XVIII в. Западная Европа воспринималась в качестве образца для подра-

жания без какой-либо критики, то после 1812 г. у многих представителей русского дворянства возникли закономерные сомнения в пользе этого эталона. Однако благодаря проводившейся более ста лет вестернизации среди петербургской и московской образованной публики уже невозможно было встретить людей, учившихся не по европейским учебным принципам и программам. Отвергая европеизацию, образованный дворянин, чиновник или публицист попросту не мог ей ничего противопоставить: в силу гимназического или кадетского образования и круга интересов, ограниченного западной литературой, русское дворянство не имело доступа к духовной и социальной культуре «непетровской» России. В свою очередь обширный пласт не затронутой прозападными реформами русской культуры оставался достоянием простонародья и не имел никаких форм литературно-художественного выражения. Поэтому сложилась трагикомическая ситуация: не желая подражать европейцам, русский министр мог выразить это лишь употреблением старинных слов, которые давно покинули разговорную речь. Разумеется, А. С. Шашков не подал современникам убедительного примера и даже стал объектом для шуток, одной из которых стало именование его «славянофилом».

Если министр А. С. Шашков воспринимался современниками как чудаковатый одиночка, то в 1830-е гг. правительство отчасти разделило его позицию. В частности, в 1835 г. в некоторых университетах были открыты кафедры истории и литературы славянских народов. В те годы о славянофилах заговорили уже без насмешек. Вот как характеризует репутацию славянофилов в 1830-е гг. отечественный исследователь Н. А. Цимбаев: «Среда, в которой возникло и первоначально бытовало вновь возродившееся слово, – литераторы, учёные, люди, так или иначе причастные к изучению славянских народов. Новое значение слова «славянофил» – человек, любящих славян, неравнодушный к их прошлому и настоящему, преданный их культурным и политическим интересам» [7; с. 23]. Именно в обстановке внимательного изучения средневековой истории славянских народов и их языков сформировалась плеяда мыслителей, которые и остались в истории в качестве лица славянофильства – А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, братья К. С. и И. С. Аксаковы и т.д. Для всех без исключения славянофилов было характерно представление об оригинальной специфике исторического пути славянских народов. Не отвергая учение о прогрессе полностью, они всё-таки считали, что русский народ имеет в мировой истории особые место и роль [1; с. 83]. О русском народе у славянофилов бытовали причудливые, далёкие от реальности представления. Например. К. С. Аксаков в статье «Голос из Москвы» настаивал на «негосударственном» мышлении русских и полагал, что главными чертами русского простонародья являются религиозность и безоглядная верность монархии (якобы потому, что собственных представлений о государстве русский народ не имеет). Подлинному народу мыслитель-славянофил противопоставлял «публику», получившую европейское образование и поэтому духовно далёкую от России [7; с. 208-209]. Отвергая западные политические теории, многие славянофилы противопоставляли им некие «народные» и «православные» начала, якобы существовавшие в Древней

Руси, но при этом ни один славянофил не смог описать эти начала в терминах современной ему социальной философии.

Наиболее последовательный и разносторонний представитель славянофильства, А. С. Хомяков, попытался выявить алгоритм исторического процесса, рассматривая историю как борьбу противоположных духовных начал. Религиозная вера, особенно в её народном варианте, казалась А. С. Хомякову основой мироощущения того или иного общества, а следовательно, и его деятельности в истории. По мнению мыслителя, христианство, являясь важнейшим историческим фактором, претерпело в Западной Европе ряд деформаций, которые не только отделили его от первоначального апостольского образца, но и сделали католицизм неприемлемым для православных народов. То есть единого христианского мира не существует, а есть по меньшей мере две конфессии, различным образом организованные и функционирующие в социальной эмпирии неодинаково. В частности, А. С. Хомяков метко подчеркнул разницу между католицизмом и православием после разделения Церквей: «На востоке слово Соборов было свидетельством, на западе приговором» [6; с. 707]. Православное христианство, требующее от верующих не столько внешней дисциплины, сколько единодушия, по мысли исследователя, идеально прижилось в славянском обществе, для которого, как считал А. С. Хомяков, характерна «соборность», то есть стремление к добровольному единству. Россию мыслитель считал будущим освободителем и флагманом славянского мира, который в дальнейшем ходе истории отберёт у западной цивилизации роль мирового гегемона. Таким образом, А. С. Хомяков исповедовал панславизм, полагая, что все славянские народы представляют собой единую культурную общность, лишь из-за ряда случайностей разделённую между несколькими государствами (Германией, Австро-Венгрией, Россией и Османской империей).

В середине XIX в. славянофилы были известны, но, невзирая на это, их взгляды не оказали никакого влияния на ход реформ императора Александра II Освободителя. В частности, отмена крепостного права или судебная реформа подвергались некоторыми современниками критике как излишне либеральные, но никто не считал, будто царь-реформатор очарован славянской древностью. Во второй половине столетия стала очевидна и бездоказательность проповедуемого А. С. Хомяковым панславизма. В частности, известный представитель русского консерватизма, К. Н. Леонтьев, проведший долгое время в дипломатических поездках по Балканам, отмечал, что славянские народы не имеют между собой никакого родства, кроме этнического. Так, существуют славяне-мусульмане (боснийцы), славяне-католики (поляки, чехи, хорваты), славяне-православные (болгары, русские, сербы), и эти религиозные различия ничем не компенсируются. Будучи этническими славянами, поляки и хорваты видят себя частью западноевропейского общества, а боснийцы находятся в прекрасных отношениях с мусульманами-турками. Точно так же нет и единых принципов организации славянами своего общества: чехи, по мысли К. Н. Леонтьева, в домашней жизни больше похожи на немцев, чем на болгар. Получается, что славяне существуют и даже представляют собой довольно многочисленную общ-

ность, но никакого «славизма», понимаемого как объединяющее их духовное начало, и в помине нет: «Я только заявляю данные, чтобы подтвердить ими ту общую мысль мою, что есть славянство, но что славизма, как культурного здания, или нет уже, или ещё нет; или славизм погиб навсегда, растаял, вследствие первобытной простоты и слабости совей, под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т.п., или, напротив того, славизм не сказал ещё своего слова и таится, как огонь под пеплом, скрыт незримо в аморфической массе племенного славянства, как зародыш архитектуры живого организма в сплошном желтке, и не доступен ещё простому глазу. Быть может, всё быть может! Но кто угадает теперь особую форму этого организованного, проникнутого общими идеями, своими мировыми идеями славянства? До сих пор мы этих общих и своих всемирно-оригинальных идей, которыми славяне бы отличались резко от других наций и культурных миров, не видим» [3; с. 46]. Точно так же консервативный автор не мог выделить никаких специфических черт русского простонародья, которые принципиально отличали бы его от других народов. По мнению консерватора, все русские народные особенности являются производными от российской государственной системы, то есть от абсолютной монархии византийского (то есть заимствованного) образца.

Разумеется, славянофилы не соглашались с мнением К. Н. Леонтьева, но если попробовать оценить их влияние на русскую общественную жизнь второй половины XIX в., то картина получится безрадостная. Так, в годы Александровских реформ идеи славянофилов были известны приблизительно так же, как и идеи народников. И оба течения казались русской публике экзотическими. Однако после цареубийства 1881 г. и «хождения в народ» революционеры-радикалы значительно расширили свой знакомство с российскими реалиями, и это позволило им принимать деятельное участие в народной жизни, зарабатывая этим себе репутацию в глазах крестьян, вникая в реальные общественные проблемы и учась спекулировать на них. Славянофилы же оставались в своей прежней социальной и маркетинговой нише социально-философской публицистики. К концу XIX в. они не были многочисленны, а их произведения интересовали только любителей философии и истории. Если приговор народников порой становился для того или иного лица смертным, а консерватор К. П. Победоносцев занимал должность обер-прокурора Синода, то мнение славянофилов мало кого волновало, ни на что не влияло и не основывалось на жизненных реалиях. Славянофилам хотелось возврата к «славянской древности», которую они не могли даже внятно описать, но реальные крестьяне нуждались в земельном переделе, а рабочие – в кодексе законов о труде. Поэтому вряд ли славянофилы могли понять современный им народ, а народ, скорее всего, даже не догадывался о существовании этих персонажей.

Критерием истины является практика, поэтому было бы нелишне спросить, пробовал ли кто-нибудь из русских политических деятелей опираться на взгляды славянофилов в своей работе? Революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война (1917-1922) подарили целый букет возможностей реали-

зовать свои политические идеалы всем, у кого они имелись. Помимо социалистов (большевиков и эсеров) и консерваторов (белогвардейцев) в братоубийственной войне участвовали также анархисты и всевозможные националисты, каждая из группировок формировала собственные вооруженные силы и контролировала какие-то территории, подчиняя их жизнь своим идеалам. Не обошлось и без участия в войне иностранных войск, самым экзотическим из которых был Чехословацкий корпус. Дело в том, что территории современных Чехии и Словакии входили в состав Австро-Венгерской империи, и российское командование охотно формировало из чешских и словацких военнопленных Первой мировой войны коллаборационистские части, руководствуясь при этом панславистскими представлениями о братстве всех славянских народов. Со своей стороны чешские и словацкие солдаты, меняя службу немецкой династии Габсбургов на службу русской династии Романовых, справедливо полагали, что, уничтожив Австро-Венгрию, Россия предоставит Чехословакии независимость. Когда же русская монархия в марте 1917 г. пала, опередив австрийскую на полтора года, Чехословацкий корпус принял участие в российской гражданской войне, подчиняясь французскому экспедиционному командованию и оказывая содействие белогвардейцам.

Теперь зададимся вопросом, какая группировка или партия во всём этом пышном соцветии руководствовалась идеями славянофилов? Ответ печален и закономерен: никакая. Даже такие утописты и фантазёры, как анархисты, контролировали в Сибири и на Украине целые уезды, но на всём российском пространстве за пять лет братоубийственного лихолетья лишь единожды была предпринята вялая попытка опереться на славянофильское учение. Речь идёт о формировании в Сибири дружин Святого Креста, предпринятая летом 1919 г. главой колчаковской пресс-службы профессором Д. В. Болдыревым. Что характерно, инициатива эта находилась под благожелательным патронажем генерала М. К. Дитерихса, состоявшего при А. В. Колчаке офицером для особых поручений. То есть дружины были исключительно штабным проектом, не имевшем ни территориальной, ни национальной, ни партийной основы. Если же попробовать суммировать доктрину, вдохновлявшую профессора Д. В. Болдырева, то это будет учение философии А. С. Хомякова о том, что в основе политической и социальной организации любого народа лежит религиозная вера. Следовательно, отступничество от веры и секуляризация общества рассматривались Д. В. Болдыревым как тяжкое преступление. Вот что он сам говорил об этом: «Мы привыкли думать, что вера есть какое-то случайное качество души, а неверие – нечто вроде «неспособности в языках». На самом же деле вера есть верность, то есть определённое устремление воли человеческой, идущее из самой глубины его существа, а неверие есть неверность, измена, то есть самый тяжкий из грехов, по сравнению с которым все остальные грехи – только дисциплинарные проступки» [2; с. 338]. Исходя из того, что большевики проводили радикальную антирелигиозную политику и нередко допускали акты вандализма по отношению к храмам, профессор Болдырев предложил объявить против них крестовый поход, для участия в котором и формировались дружины «крестоносцев» или,

как их ещё называли, «крестовиков». Последовал ли какой-нибудь отклик на этот призыв? Желающие возложить на себя крест в Сибири нашлись, в том числе и среди старообрядцев, но численность добровольцев оказалась ничтожной. Например, за три месяца в Новониколаевске (ныне – Новосибирск) удалось набрать лишь 700 желающих. Из-за нехватки людей было решено допустить в ряды «крестоносцев»… мусульман, которые могли бы составить отдельные дружины Зелёного Знамени [2; с. 329]. И всё равно даже к ноябрю 1919 г., когда белые армии покинули центральную Сибирь, профессору Д. В. Болдыреву и генералу М. К. Дитерихсу удалось собрать под «крестовыми» знамёнами не более 6000 бойцов. Большое ли это число? Если учесть, что восточносибирские красные партизаны задействовали даже в такой рядовой акции, как нападение на станцию Тайшет 8 мая 1919 г., около 1000 бойцов [4; с. 163], то дружины Святого Креста и Зелёного Знамени можно считать грандиозным мобилизационным и пропагандистским провалом. Для самого профессора-славянофила это было серьёзное разочарование, которое он, впрочем, не слишком долго переживал: в конце ноября 1919 г. Чехословацкий корпус бросил фронт и отправился по железной дороге в Приморье, а оттуда – на свою получившую независимость родину. Предательство «братьев-славян» привело к молниеносному краху Белого движения в Сибири, пленению Д. В. Болдырева вместе с адмиралом А. В. Колчаком, а затем и скорой смерти «последнего славянофила» в иркутской тюрьме.

Любопытно, что генерал М. К. Дитерихс пытался использовать древнерусские декорации до самого конца гражданской войны. Например, в августе 1922 г. по его инициативе прошёл Приамурский Земский Собор, на котором белогвардейские формирования Дальнего Востока были переименованы в Земскую рать, а генерал стал именоваться «воеводой» [2; с. 411]. Излишне говорить, что это мероприятие не имело ни малейшего практического значения, а в конце октября 1922 г. дальневосточные белогвардейцы были окончательно выбиты из страны.

Итак, в данной работе мы кратко рассмотрели славянофильское движение, как пример архаизма в культуре. Славянофилы, начиная с самого первого упоминания о них (с начала XIX в.), представляли собой поклонников мифологизированной старины, которой не было места в настоящем так же, как не было его и фантастическим идеалам анархистов и социалистов-утопистов. Между созданным славянофилами образом русского народа как «негосударственной» общности, испытывающей инстинктивный пиетет перед Церковью и монархией, и представлениями анархистов и социалистов о народе как о стихийном революционере, нет разницы в том смысле, что оба образа никак не соотносились с реальностью. Те духовные и социальные традиции, которые славянофилам хотелось реанимировать, либо исчезли задолго до начала XIX в., либо не существовали никогда вообще. Поэтому славянофилы от А. С. Шашкова до Д. В. Болдырева представляли собой небольшую прослойку оторванных от жизни интеллектуалов, не умевших отличить свои фантазии от исторических фактов и современных тенденций. Именно поэтому среди общественных деяте-

лей славянофилы всегда оказывались в меньшинстве и не оказывали серьёзного влияния на политические и исторические процессы. В этом отношении народники, изначально будучи радикалами-утопистами, смогли преодолеть эту ограниченность, совершив «хождение в народ». Знакомство с социальной эмпирией открыло им реальные политические и экономические противоречия русского общества и дало возможность спекулировать на этих противоречиях. Славянофилы же остались верны своим сказочным идеалам, которые, кроме них, никто не разделял, и которыми никто, кроме профессиональных историков, не желал интересоваться.

Однако славянофильство является лишь одним из примеров архаического подхода к истории, культуре и политике. Вполне возможно, что время славянофилов безвозвратно прошло, но это не значит, что архаические движения не существуют сейчас и не станут иметь места в будущем.

Библиография.

1. Воробьёва С. А. Философия истории А. С. Хомякова / С. А. Воробьёва. – СПб. : Наука, 2019. – 215 с.

2. Генерал Дитерихс / Под ред. В. Ж. Цветкова. – М. : Посев, 2004. – 634 с.

3. Леонтьев К. Н. Византизм и славянство / К. Н. Леонтьев. – М. : Академический проект, 2017. – 503 с.

4. Новиков П. А. Гражданская война в Восточной Сибири / П. А. Новиков. – М. : Центрполиграф, 2005. – 415 с.

5. Тойнби А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2010. – 640 с.

6. Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Часть 2. Обзор всемирной истории / А. С. Хомяков. Полное собрание сочинений [в 4-х т.]. – М. : Типография Бахметьева, 1873. – Т. IV. – 1018 с.

7. Цимбаев Н. И. Славянофильство: из истории русской общественно-политической мысли XIX в. / Н. И. Цимбаев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Репроникс, 2013. – 447 с.

УДК : 272+7.046.3

Икона святого как репрезентация ключевых идей раннехристианской литературы (на примере икон священномученика Игнатия Богоносца)

О. Н. Дьяченко, Л. Н. Каменева

Курский государственный университет (г. Курск, Россия)

Аннотация. Авторы обращаются к анализу знаково-символических компонентов и сюжетов фресок и икон священномученика Игнатия Богоносца, которые сохранились в Греции, Македонии, Черногории, выявляют и раскрывают их связь с ключевыми идеями, присущими апостольскому периоду в истории христианства. В работе показано, что христоцентричность, мышление в эсхатологической перспективе, понимание человека как земного странника является прямым и непосредственным отражением тех религиозных смыслов, которые глубоко и всесторонне раскрываются в раннехристианской литературе.

Ключевые слова: икона, Игнатий Богоносец, апостольский век, раннехристианская литература.

Abstract. The authors turn to the analysis of the iconic and symbolic components and plots of the frescoes and icons of the Hieromartyr Ignatius the God-Bearer, which have been preserved in Greece, Macedonia, and Montenegro, identify and reveal their connection with the key ideas inherent in the Apostolic period in the history of Christianity. The work shows that Christocentricity, thinking in an eschatological perspective, understanding of man as an earthly wanderer is a direct and immediate reflection of those religious meanings that are deeply and comprehensively revealed in early Christian literature.

Keywords: icon, Ignatius the God-Bearer, apostolic age, early Christian literature.

Христианскую иконографию принято рассматривать как самостоятельный, многосмысленный и многозначный пласт христианской культуры. Композиционные, содержательные и смысловые элементы иконографического образа подчинены требованию соблюдения канона, что предполагает наличие на каждой иконе неизменяемых деталей, присущих тому или иному типу иконографического изображения, которые учитывает каждый иконописец. Благодаря оценке элементов и деталей икон одного и того же типа на примере разных эпох мы можем увидеть и осмыслить, почему изображениях появляются новые особенности, не существовавшие прежде и чем вызваны эти изменения.

Сюжеты икон святых в христианской культуре, как правило, подчинены главной цели: передать значимые события жизни подвижника, факты, с которыми связано его имя в истории христианства, отразить особенности его прославления или традиции почитания. Однако в каждой поместной православной церкви сформировались специфические черты, отражающие особенности христианского миропонимания, запечатленные иконописцами в ликах христианских подвижников. Так, например, выделяя сущностные особенности русских икон святых, Е. Трубецкой пишет: «Наиболее интересными в иконописных изображениях святых являются именно те черты, которые проводят резкую грань между ними и человекообразными языческими богами» [4; с. 222].

Поскольку все компоненты иконы святого призваны раскрыть важную для понимания христианского вероучения идею, возникает вопрос: может ли знаково-символическая структура иконысвятогобыть источником осмыслениясего богословских идей, а также сущностных особенностей, характеризующихобщий настрой богословской мысли и условийжизни Церкви в конкретныйисторический период?

Мы обратились к анализу икон священномученика, ученика апостола Иоанна Богослова, свидетеля жизни первых христиан и епископа Антиохийской Церкви – Игнатия Богоносца, за которым в церковной традиции существует предание о том, что именно он был тем самым ребенком, которого держал на руках Иисус Христос, обращаясь к ученикам: «…призвав дитя, поставил его посреди них, и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18, 1-4). И хотя этот факт опровергается Иоанном Златоустом, священномученик Игнатий Антиохийский оставил работы, представляющие важное значение для понимания ключевых в миропонимании идей и образа жизни христиан доникейского периода. Произведения Игнатия Богоносца представляют собой послания, адресованные общинам Рима, Ефеса, Смирны, а также Магнесийцам, Траллийцам, Филадельфийцам.

Конец I - начало II веков, когда жил священномученик Игнатий Богоносец, период жизни Церкви в условиях жесточайших гонений. Пристанищем адептов нового учения становятся катакомбы, где и возникают первые образцы христианского искусства. Сюжеты фресок были посвящены в большинстве своем событиям Священного Писания. Значительная часть изображений были отражены в знаково-символической форме, что объясняется христоцентричностью миропонимания христиан апостольского века, стремлением всеми и доступными средствами представить главную цель и смысл Откровения – Личность Богочеловека Иисуса Христа. Как отмечает ученый Н. П. Кондаков, в первые три века Сына Божьего «представляли юным Отроком, тогда как исторические Его изображения, в образе взрослого Мужа, являются единичными случаями. Юношеский идеальный тип Христа преобладал в росписи катакомб, в изображении чудес, проповеди Спасителя, Доброго Пастыря, в аллегорическом образе певца Орфея»[3; с. 4].

Довольно распространенными как в литературе, так и в раннехристианском искусстве были символическиеизображения Иисуса Христа, среди которых Агнец, рыбка (ἰχθύς) или две рыбки, а между ними якорь. Еще один распространенный вариант символической композиции – это две рыбки как бы образующие круг. Рыбки являются частью еще одного сюжета в катакомбах, в центре которой корзина с хлебами, а они держат ее на своих спинах. Этот символ имеет также прямое отношение к Иисусу Христу, поскольку указывает на Его искупительную жертву, а значит и на таинство Евхаристии. Если говорить об изображениях святых в катакомбном искусстве, то они практически отсутствуют. Обращает на себя внимание и тот факт, что мы не найдем и сцен мученичества, несмотря на продолжительный по времени период гонений, несмотря на то, что бережное хранение останков казненных христиан существовало уже на

рубеже I-II веков, о чем свидетельствует наличие специальных помещений в катакомбах (крипт). Этот парадокс можно объяснить не с точки зрения анализа культурных артефактов, но лишь, проникнув в суть самой жизни первых последователей Христа, а также тех идей, которые отражены в памятниках раннехристианской литературы. И здесь мы имеем в виду главным образом послание апостола Варнавы, труды Климента Римского, Поликарпа Смирнского, Папия Иерапольского, а также памятники «Дидахе» и «Пастырь Ерм».

Анализ работ авторов апостольского периода позволяют сделать вывод об эсхатологическом мироощущении адептов нового учения, поскольку чаяния христиан были сосредоточены на главной цели: разорвать привязанность к житейскому попечению, выйти за границы дольнего мира, чтобы в полной мере ощутить себя земным странником, осмыслив себя жителем иного Небесного Града. Возможность доказать свои убеждения смертью воспринималось как естественное продолжение и выражение личной веры. Именно об этом говорит Игнатий Антиохийский в своем обращении к христианам Рима: «Желаю, чтобы вы подтвердили делом, что преподаете в своих наставлениях. Только просите для меня у Бога внутренней и внешней силы, чтобы я не говорил только, но и желал, чтобы не назывался только христианином, но и был в самом деле» [2; с. 405].

Поэтому «мученичество за веру во Христа в первые века воспринималось как единственно верный путь к осуществлению личностного совершенства, реальным воплощением цели жизни, уходящей за пределы земного бытия, а образ мученика становится зримым воплощением этого идеала»[1; с.27].

Жизнь святого завершилась в Риме, где он принял мученическую смерть в период гонений Траяна. Игнатий Антиохийский был растерзан львами. Именно этот момент из жизни святого является центральным в сюжете иконы священномученика Игнатия Богоносца.

В настоящее время ответить на вопрос, когда же появляются первые образцы икон святого Игнатия Богоносца. Но одним из ранних можно считать тот, что мы находим в *миниатюре, датированной 985 годом, которая располагается в Минологии Василия II*. Книга эта, написанная в Константинополе, в настоящее время находится в библиотеке Ватикана. Миниатюра, по-видимому, копия изображения, которое было деталью фрески. Очевидно, что икона в Минологии Василия II является копией более ранних изображений святого Игнатия Антиохийского. Несмотря на то, что фигура святого оказывается в центре, внимание привлекают именно фигуры львов вишнево-винного цвета, у которых человеческие лица и глаза, когтистые птичьи лапы. Животные как бы олицетворяют все земное, мир, который приговорен в силу того, что он «во зле лежит».

Следовательно, он не мыслится как место, где можно найти фундаментальное основание чего-либо, поскольку все, что мир вмещает и все, что его населяет временно. Земная жизнь в миропонимании христиан апостольского века не заслуживает подлинного внимания, а значит, взгляд не должен быть обращен ко внешнему, преходящему, но сосредоточен на поддержании внутренней

настроенности и переживании будущего. Иконописцы подчеркивали эту мысль отсутствием пропорций, как например, на *иконе священномученика Игнатия Богоносца, написанной на Кипре, в настоящее время находящейся в Музей икон Аутенрид. Ихенхаузен*, *иконе священномученика Игнатия Богоносца (XVII — XVIII вв.), находящейсяв государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (г. Москва)*. Львы изображены в полный рост, но фигура святого оказывается намного выше. Животные олицетворяют земные страдания, которые ничтожно малы по сравнению с вечностью, уготовленной святому.

Поэтому и на других изображенияхмученика *Игнатия Антиохийского, например, на фрескев монастыре Панагия Сумела, Понт, Турция «Мученичество святого Игнатия Богоносца»*, иконографических образах, распространенных в Черногории, мы видим фигуру прочно стоящей на ногах, невзирая на впившихся в него львов. Это подчеркивает решимость, непоколебимость веры и убеждений, наличие в личности человека того, на что нельзя ни повлиять, но и того, что отнятьнельзя. На иконе святого Игнатия Богоносца видно, что львы не могут удержать, притянуть святого к земле – стан его прям.

Интересно, что пребывание «мира во зле» подчеркивается тем, как изображены лапы львов: они птичьи, когтистые. Соединение в их фигуре элементов из разных видов природного мира есть, несомненно, намек на силы зла, указывает на их глубокую укорененность в земном мире, что как бы подчеркивает на власть тьмы.

Однако инфернальный компонент иконы, который заключен в фигурах львов, может трактоваться двояко: при явно негативной окраске этот образ содержит в себе явный и положительный смысл. На большинстве изображений мы видим двух львов, один из которых впивается в плечо, другой – в ногу. Подобная симметричность изображения невольно создаёт ассоциацию с ихтисом, рыбами – символом Христа. Композиционный план иконы заключает в себе мысль о неразрывной и никогда не прекращающейся и исчезающей связи верующего со Христом, напоминание о Его поддержке и помощи. И тогда львы свидетельствуют об объятиях Христа, которые явно ощущает христианин даже в момент жестоких пыток. О чем говорит и взгляд святого Игнатия Антиохийского: он не смотрит на львов, взгляд его устремлён в сторону, вдаль, как например, на *фреске, находящейся в откосе дверного проема, на западной стене церкви Рождества Пресвятой Богородицы в населенном пункте Сливница, (Сливнички монастырь) в Македонии (XVII век)*, изображающей мученичество святого Игнатия Богоносца. И хотя на иконе отсутствует источник света, лик святого свидетельствует о даруемой ему Христом благодати.

Существует еще одна интересная интерпретация сюжета мученичества Игнатия Антиохийского – это *фреска монастыря близ Серр, Греция(XIV век)*. Святой как бы повержен, он уже не стоит на ногах, а львы продолжают расправляться с ним. И здесь иконописец раскрывает иную идею, фиксируя внимание на фигурах животных: львы здесь похожи на собак. В этой детали сосредоточен глубокий смысл. Фигура львов в облике собак – это свидетельство бессмысленности и безосновательности обвинений людей, пребывающих во тьме

неверия и заблуждения. Это явный намек на тех, кто обрекает христиан на мученическую казнь (их речи, подобны лающим собакам подчеркивает то, как велико недостоинство их убеждений по сравнению с единственной, вечной и неизменнойистиной). Именно эта идея впоследствии становится главным лейтмотивом в литературе периода апологетики и ранней патристики.

Таким образом, самодостаточныйхарактер образцов христианской культуры, каковыми являются иконы святых, их сюжетыне только отражают значимые события жизни подвижника, позволяет утверждать, что все компоненты иконы святого призваны раскрыть важную для понимания христианского вероучения идею. Знаково-символическая структура иконы святого является прямым отражением сущностных особенностей, характеризующих общий настрой богословской мысли и условий жизни Церкви в конкретный исторический период. Несмотря на то, что сохранившиеся образцы икон священномученика Игнатия Богоносца существенно удалены во временном отрезке от жизни святого, все, рассматриваемые нами образцы, хотя и территориально относящиеся к разным поместным православным Церквям (Греческой, Кипрской, Македонской), сохраняют ключевые идеи, которые являются специфическими именно для апостольского периода в истории христианства: христоцентричность, мышление в эсхатологической перспективе, понимание человека как земного странника. Композиция, сюжет иконы святого Игнатия Антиохийского являются прямым и непосредственным отражением тех религиозных смыслов, которые глубоко и всесторонне раскрываются вранне христианской литературе.

Библиография.

1. Дьяченко О. Н. Личность как религиозно-философский феномен в западноевропейской средневековой философии: монография / О. Н. Дьяченко. – М. : Энциклопедист-Максимум, 2023. – 400 с.

2. Игнатій Богоносецъ. Послание к Римлянам // Памятники древней христіанской письменности вързскомъпереводѣ. Т. 2: Писанія мужей апостольскихъ. Приложеніе къ «Православному Обозрѣнію». – М. : Вътипографіи Каткова и К°, 1860. – С. 402–409.

3. Кондаков Н. П. Иконография Господа и Бога Нашего Иисуса Христа / Н. П. Кондаков. – М. : Паломник, 2001. – 92 с.

4. Трубецкой Е. Два мира древнерусской иконописи / Н. Трубецкой // Философия русского религиозного искусства XVI-XX вв. : Антология. – М. : Прогресс : Культура, 1993. – С. 220-246.

УДК : 336.74

Аксиологический аспект денег как средства духовно-нравственного порабощения человека

Ш. Ф. Искандаров

Таджикский национальный университет (г. Душанбе, Таджикистан)

Г. Р. Асадуллина

Уфимский университет науки и технологии (г. Уфа, Россия)

С. И. Ивентьев

Российское философское общество (г. Казань, Россия)

Аннотация. В настоящей статье рассматривается аксиологическая сторона денег и взаимосвязь денежной системы с рабством человека. Денежная система появилась с момента появления религиозного догмата «человек – раб Божий». Авторами сделан вывод, что деньги как ценность были придуманы и введены в оборот в рабовладельческий период в первую очередь для порабощения личности, а не только, как принято считать, в качестве средства обмена. Деньги и указанный религиозный догмат как рабские путы связали истинную человеческую свободу, обратив человека в вечное духовно-нравственное рабство.

Ключевые слова: Бог, человек, душа человека, дух человека, сотворец, личность, вера, религия, права человека, права души и духа человека, ценность, деньги, денежная система, раб.

Abstract. This article examines the axiological side of money and the relationship of the monetary system with human slavery. The monetary system has appeared since the advent of the religious dogma «man is a servant of God». The authors conclude that money as a value was invented and put into circulation during the slave-owning period primarily for the enslavement of the individual, and not only, as is commonly believed, as a means of exchange. Money and this religious dogma tied true human freedom as slave bonds, turning a person into eternal spiritual and moral slavery.

Keywords and phrases: God, man, human soul, human spirit, co-creator, personality, faith, religion, human rights, human soul and spirit rights, value, money, monetary system, slave.

В монотеистических религиях (христианство, ислам и пр.) используется религиозное понятие «человек – раб Божий», которое появилось в период расцвета рабовладельческого строя [9; с. 164-168].

В этот же исторический период развития человечества появились деньги, а вместе с ними – денежная система, которой стало управлять государство.

С момента появления денежной системы деньги стали считать чуть не главной ценностью человеческого бытия.

Считается, что деньги появились для облегчения товарного обмена между ремесленниками [15; с. 157-162].

В литературе имеется также другое мнение, которое является, по нашему мнению, более правдивым, о том, что деньги придумал египетский жрец Кратий с целью использования не принудительного, а добровольного того же труда «свободных» рабов только за деньги, выплачиваемые фараонами и жрецами за выполняемую рабскую работу, назвав это «демократией» (происходит от слова «демон» и имени жреца Кратия) [12; с. 24-28].

Деньги использовались и используются в работорговле, проплачивании революций, терактов, проституции и совершаемых преступлений, в различных коррупционных схемах, а также в совершении сделок с душой человека.

Именно 30 сребреников считаются символом предательства Иудой Иисуса Христа (Библия, Мф. 26:14-16;27:3-10) [3].

Человек попал в финансового рабство, став зависимым от денег [16], фактически потеряв свою свободу.

Человек так сильно стал зависим от денег, что при их отсутствии он даже может умереть от голода и лишиться элементарных человеческих благ (крова, медицинской помощи и др.).

Исследователи Е. П. Огородникова и Е. С. Лобанова указывают, что «деньги – это символ независимости и превосходства над другими людьми. Так было с самого начала появления денег. К ним стремились, ради них лгали, враждовали, воевали. Деньги с самого своего зарождения управляли людьми» [15; с. 156]. При этом следует отметить, что наличие денег не гарантирует независимость и свободу от рабства денег и так называемого «добровольного труда».

Как справедливо отмечает И. С. Прокопенко, «Зло нынешней мировой валюты кроется в обмане, заключается в том, что Федеральная резервная система присвоила себе право производить фактически бумагу, лишенную всяческого ресурсного обеспечения.

Этот обман порождает и другое зло. Ради зеленой бумажки сегодня финансируются войны и революции, гибнут люди, продаются души и тела. Доллар превратился в идола, который поработил сознание людей и стал причиной чудовищной деградации, происходящей сегодня в мире. Например, победитель конкурса по поеданию тараканов в Соединенных Штатах скончался после объявления его чемпионом. До какого уровня деградации дошел наш мир, если ради каких-то денежных премий, ради славы человек оскверняет образ Божий в себе?» [16].

В международном праве запрещено рабство или подневольное состояние (статья 2 Конвенции о рабстве от 25.09.1926 г., статья 4 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 04.11.1950 г., статья 8 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16.12.1966 г.) [13; 14; с. 504-507; 18].

В национальных законодательствах, включая и российское право, за рабство, торговлю людьми и лишение свободы предусмотрена уголовная ответственность (например, статьи 127, 127.1., 127.2. Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 130 (1), 131 Уголовного кодекса Республика Таджикистан) [18; 19].

Получается, что религия, проповедующая тезис о том, что человек раб Божий, до настоящего времени, к большому сожалению, вопреки законодательному запрету рабства, придерживается и пропагандирует этот архаичный рабовладельческий принцип.

Религиозное понятие «Раб Божий» противоречит международному праву и российскому законодательству о запрете рабства [1; с. 17-21].

Как пишет В. О. Лобовиков, «словосочетание «Раб Божий» имеет в христианской теологии положительное нравственное значение, а слово «раб», взятое само по себе, выражает в обычном естественном языке отрицательную нравственную оценку, а именно, противопоставление такой положительной ценности как «свободный» [11; с. 141-143].

В свою очередь, согласно Толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, раб обозначает невольника и крепостного, то есть человека, обращённого в собственность ближнего своего (хозяина или господина) или государства [6; с. 5]. Этот господин по своей сути выступает собственно рабовладельцем. В истории человечества рабство существовало до XX в., но, как пережиток, остаётся в арабских и африканских странах.

Согласно Конвенции о рабстве от 25.09.1926 г., под рабом понимается лицо, находящееся в положении или состоянии рабства, а лицом, находящимся в подневольном состоянии, – лицо, находящееся в состоянии или положении, создавшемся в результате институтов или обычаев, сходных с рабством [14; с. 504-507]. При этом в международных юридических документах под понятиями «рабство» и «подневольное состояние» также понимаются различные формы контроля над личностью и такие условия угнетения, которые лицо не может изменить и которых оно не может избежать [5; с. 151]. К одной из форм контроля над человеком можно также отнести и деньги.

В связи с законодательным запретом любого вида рабства до настоящего времени религиозные институты не пересмотрели и не упразднили религиозные обычаи об обращении к человеку как к рабу Божьему [1; с. 17-21].

Такие монотеистические религии, как иудаизм, христианство и ислам, воспитывают человека так, чтобы он боялся Бога, то есть пребывал в страхе перед своим Творцом или находился всегда перед Ним в рабском состоянии.

Основатель христианства Иисус Христос человека никогда не называл рабом Бога, а относил людей к детям Бога: «Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедую вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам всё, что слышал от Отца Моего» (Библия Ин.15:14-15) [3].

Следует обратить внимание на то, что именно человек, а не Бог, стал именовать себя Его рабом.

Идеалами вероучения иудаизма выступают постоянное молитвенное состояние, хождение перед лицом Бога в страхе, спокойствие души перед Тем, кто наполняет всю Вселенную, непрестанные мысли о служении Ему, полная надежда на Бога [17; с. 79-80]. Аналогичный подход прослеживается в христианстве и исламе.

Так, в исламе человека также именуют рабом Аллаха (Коран 39:53-55) [10].

В отличие от авраамических монотеистических религий, появившихся в рабовладельческий период, древнеславянские верования никогда не относили человека к рабу Бога. У славян Бог был Отцом человека и Главой его семьи [1; с. 17-21].

«В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви» (Библия 1 Ин.4:18) [3].

Согласно четвёртому и пятому поколениям прав человека, страх препятствует реализации прав человека, его души и духа [4, с. 183-185].

Следует отметить, что в соответствии с концепцией прав души и духа человека из-за страха человеческие души не могут переселяться или реинкарнировать, то есть не происходит реализация права души на переселение, а значит, не наступает вечная жизнь человека в физическом теле [1; с. 17-21; 7; с. 213-217].

С психологической точки зрения, страх представляет собой один из способов столкновения человека с данностью смерти, которая способна разрушить базовые жизненные ценности человека [2; с. 13-23].

Именно страх, деньги и архаичные религиозные догматы используются как главное средство для управления и удержания человека в повиновении и рабстве.

Религиозные институты, поддерживая свою власть над народами, в отличие от науки, преднамеренно не раскрывают природу и истинные причины появления и формирования страха у людей [1; с. 17-21].

Согласно религиозной теории творения, человек был сотворён Богом по своему образу и подобию, и люди являются Его детьми (Библия Быт. 1:26; Коран 7:11) [3; с. 8].

«Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Библия Пос. к. Рим. Св. ап. Павла, 8:16-17) [3].

Безусловно, что сын никак не может являться рабом для своего отца в духовном и кровном плане. Следовательно, тезис монотеистических религий о том, что человек является рабом Бога, противоречит и фактически исключает религиозную теорию сотворения Богом человека именно Его сыном [1; с. 17-21].

Человек, как творение и часть Бога, априори не может быть рабом своего родителя [1; с. 17-21].

Человек, как творение и сын Бога, имеет право и должен общаться со своим Творцом без какого-либо страха и только на доверительной основе [1; с. 17-21].

Невооружённым глазом видно, что тезис монотеистических религий о том, что человек является рабом Бога, принижает человека как творение Бога, а также Бога как его Творца [1; с. 17-21].

Таким образом, из вышеизложенного видно, что деньги и религиозный догмат «человек – раб Божий» как крепкие путы связали истинную человеческую свободу.

Со времён рабовладельческого строя до настоящего времени человечество, к большому сожалению, так и не освободилось (в том числе ему не дали это

сделать) от навязанного рабовладельческого ярма – духовно-нравственного рабства.

Библиография.

1. Асадуллина Г. Р. Можно ли считать человека рабом Божьим после законодательного запрета любого вида рабства? / Г. Р. Асадуллина, С. И. Ивентьев // Человек в современных социально-философских концепциях: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции, г. Елабуга, 26 ноября 2021 г. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2021. – С. 17-21.

2. Баканова А. А. Системное описание страха смерти / А. А. Баканова // Культурно-историческая психология. – 2015. – Т. 11. – № 1. – С. 13-23.

3. Библия: каноническая, русский синодальный перевод. – М.: Российское Библейское общество, 2007. – 1057 с.

4. Гузенко С. С. Что такое права души человека? / С. С. Гузенко // Молодёжь и наука: материалы международной науч.-практ.конф. (26 мая 2017 г.) в 2 т. – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУ, 2017. – Т. 2. – С. 183-185.

5. Горшкова С. А. Стандарты Совета Европы по правам человека и российское законодательство / С. А. Горшкова. – М. : НИМП, 2001. – 352 с.

6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. – СПб. : ТОО «Диамант», 1996. – Т. 4: P-V. – 688 с.

7. Дроздова А. М. Некоторые аспекты концепции поколений прав человека / А. М. Дроздова // Сборник научных трудов кафедры правовой культуры и защиты прав человека. – Ставрополь: Издательско-информационный центр «Фабула», 2019. – С. 213-217.

8. Закон Божий. – Сергиев Посад: Издание Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2008. – 722 с.

9. Ивентьев С. И. Человек – раб Божий или Сотворец? / С. И. ивентьев, Г. Р. Асадуллина // Православие и общество: грани взаимодействия: материалы IV Международной научно-практической конференции / Забайкальский государственный университет. – Чита : ЗабГУ, 2020. – С. 164-168.

10. Коран / АН СССР, Ин-т востоковедения; Пер. и коммент. И.Ю. Крачковского. – 2-е изд. – М. : Наука, 1986. – 727 с.

11. Лобовиков В. О. Логически противоречит ли сам себе раб Божий Левий Матвей, утверждая, что он не раб? / В. О. Лобовиков // Дискурс-Пи. – 2004. – № 1 (4). – С.141-143.

12. Мегре В. Н. Новая цивилизация. Ч. 1. / В. Н. Мегре. – М. : ДИЛЯ, 2005. – 223 с.

13. Международный пакт о гражданских и политических правах // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – Ст.291.

14. Международные акты о правах человека: сборник документов / Авт.-сост. В. А. Карташкин, Е. А. Лукашева. – М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2000. – 784 с.

15. Огородникова Е. П. История возникновения денег / Е. П. Огородникова, Е. С. Лобанова // Эпоха науки. – 2020. – № 22. – С. 157-162.

16. Прокопенко И. С. Великая тайна денег. Подлинная история финансового рабства / И. С. Прокопенко. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2018. – 288 с.

17. Тимощук А. С. Введение в религиоведение: Учеб. пособие / А. С. Тимощук, И. Н. Федотова, И. В. Шавкунов. – Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2014. – 136 с.

18. Уголовный кодекс Российской Федерации // Собрании законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 127.

19. Уголовный кодекс Республика Таджикистан // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 1998. – № 9. – Ст. 68. – Ст.69.

УДК : 7.01

Трансформация форм европейского классического искусства в отечественной художественной культуре

Е. Н. Котова

ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия им. проф. Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается процесс принятия русской культурой принципов и форм искусства Европы начала XVIII века. Он сопровождался переосмыслением и трансформацией европейской изобразительной системы. В итоге русское искусство приобретает свою национальную специфику.

Ключевые слова: русская культурно-художественная традиция, передвижничество, авангард, соцреализм.

Summary. The article examines the process of adoption by Russian culture of the principles and forms of art in Europe at the beginning of the XVIII century. It was accompanied by a rethinking and transformation of the European visual system. As a result, Russian art acquires its own national specificity.

Keywords and phrases: Russian cultural and artistic tradition, peredvizhnichestvo, avant-garde, social realism

История русского изобразительного искусства свидетельствует о том, что оно давно уже стало важным элементом развития общеевропейской художественной системы, где его положение колебалось от периферийного до авангардного, от ситуации ученичества до статуса мэтра. Приобщение России к новоевропейскому художественному опыту начинается с конца XVII в. и закрепляется петровскими реформами. Культурная ориентация на создание в России художественной ситуации, эквивалентной процессам, происходившим в искусстве Западной Европы, предполагала определенный этап ученичества, усвоения достижений зарубежного классического наследия. Первым и необходимым условием кристаллизации новой отечественной культуры становится овладение обязательной «грамотностью», т.е. тем арсеналом приемов и принципов, которые были разработаны в Европе. К ним относятся такие первоосновы искусства, как ордер в архитектуре, прямая перспектива в живописи, понятия о пропорции в скульптуре и т.д. Задача состояла в теоретическом и практическом освоении закономерностей, найденных искусством античности, Возрождения, барокко и классицизма.

Решение данной проблемы с необходимостью предполагало процесс встраивания сложившейся классической формы как специфического культурного текста в инокультурный контекст русской художественной жизни. В свое время академик Д. С. Лихачев, размышляя об общих закономерностях развития русского искусства, неоднократно указывал на то, что знакомство с культурой чужой, с культурой иного характера нередко обладало для него «наибольшими генетическими способностями» по сравнению с обращением к внутренним для русской культуры, однородным ей формам [2; с. 368].

Отечественная художественная культура творчески ассимилировала формально-живописную программу европейской классики. Приобщение к ней первоначально осуществлялось в русле барокко и классицизма. В XIX в. становление романтизма и реализма в России осуществляется почти параллельно с их европейским развитием. В конце XIX в. – начале XX в. с возникновением русского авангарда достигнутые результаты ярко свидетельствовали о безусловной включенности отечественной культуры в современный европейский художественный процесс.

В итоге формируется общий типологический фон в пространстве традиционного искусства Европы и России XVIII – XX вв. Но, безусловно, между этими феноменами отсутствует полная аналогия, т.к. усвоение европейской изобразительной системы русской культурой сопровождалось ее национально-специфическим переосмыслением и трансформацией. Культура и искусство России в ходе своей эволюции с необходимостью воспроизвели закономерности межкультурного общения: процесс освоения элементов инаковой культуры всегда сопровождается их адаптацией, преобразованием чужих культурных кодов в свои, естественные. В свою очередь, «естество» любой культуры, ее своеобразие задается определенной системой правил национально-специфического восприятия природной и социальной реальности. Она формируется в зависимости от конкретных условий природного и социального ландшафта жизни этноса, а реализуется носителями данной культуры в различных сферах деятельности, в том числе и культурно-художественной [2; с. 402].

Освоение огромных пространств Великой Русской равнины, начиная с V в. н.э., одной этнической общностью происходило за счет ее рассеивания, расползания по бескрайним просторам. Но с течением исторического времени возникает обратная тенденция – начинается процесс собирания русских земель, объединения их в единый государственный организм. Как пишет Н. А. Бердяев, страсть народа к преодолению пространств ограничивалась охранительно- консервативной функцией государства, которое обладало неограниченным правом по отношению к жизни и имуществу любого своего подданного: от смерда до княжича. Индивид поглощался государством, он мог ощущать себя лишь объектом для внешних и независящих от его воли воздействий. Чувство безграничности пространства, ощущение его незаконченности, однородной (гомогенной) протяженности легко позволяло русской душе уноситься вдаль – «за леса, моря и горы». Человек не привязывается к предметному миру, не увлечен им, его тянет прочь и все дальше, он постоянно ищет иную землю – обетованную, где он может жить «по своей воле». Н. А. Бердяев замечает, что русский человек «ушиблен ширью», он не стремится ее оформить, придать ее предметно-вещественной среде четкие грани, контуры, изящные оттенки. Аморфность, возникающая как результат экстенсивной тенденции русского характера, параллельно дополнялась бесформенностью внешних проявлений человека вследствие интенсивного давления со стороны государства [1; с. 160].

Утвердившаяся на Руси восточно-христианская религия формирует эстетическое восприятие, чуждое гедонистическому любованию предметным ми-

ром и самим человеком, столь характерное для классической традиции Европы. Оно не прельщается красотой зримого мира, красотой человеческого тела, напротив, русская традиция выражает собой стремление не к чувственной красоте и мере, а к красоте духовной, бестелесной, умозрительной, т.е. к красоте чувственно неизмеримой. Главная идея дореформенной русской живописи – средневековой иконописи, указывать посредством бестелесных, сакрализованных образов на существование высшей божественной истины, свидетельствовать о ней. Красота – это святость, в ней полностью отрицается чувственный элемент, он заменяется абсолютностью идеально-этических мотивов изображаемого.

Таким образом, любование красотой оправдывается только в контексте этического смысла целого, она никогда не становится самоцелью. Духовная красота как «благообразие и благолепие» – главное в структуре человеческого-микрокосмоса. Ею задается высокая, в конечном итоге – космическая вертикаль в идеальных устремлениях русской национальной культуры. Реальная телесная форма только поддерживает ее, недаром так редка в последующем изобразительном искусстве России обнаженная натура, слабовата, по сравнению с другими искусствами, скульптурная пластика.

Если оформление художественного целого в европейской традиции было связано с чувством органической и пространственной измеримости, соразмерности, то идеальное целеполагание русской души, ее тяга к бесконечной пространственности может трансформировать и даже отменить эту чувственно-зримую телесность, разграниченность вещей и предметов. В итоге русская культурно-художественная традиция продемонстрировала образность, основанную на доминанте пространственных построений по отношению к телесно-вещественной оформленности сущего. Зримая форма воспринималась как нечто конечное и ограниченное, вторичное в силу того, что ее изображение, как правило, подчинялось надматериальным, идейным замыслам. Поэтому в структуре русского искусства явно обнаруживается превалирование словесно-дискурсивного ряда над рядом иконическим, концептуальности над изобразительностью. Показательными в данном отношении стали такие художественные явления в истории отечественного искусства, как передвижничество, авангард, соцреализм [3; с. 82].

Наиболее полно это отразилось в живописных пространствах русского авангарда с его эзотерическими и утопическими поисками. В противовес классической изобразительности, ориентированной на моделирование реальности, авангард был нацелен на непосредственное творение нового мира, который стремительно вырывался за привычные земные координаты пространства и времени, наделял их новым духовно-идейным содержанием. Можно сказать, что возникновение различных авангардных течений в России было не случайным, а глубоко закономерным явлением. Авангардное сознание демонстрировало актуализацию таких форм сознания, которые должны были сконструировать иную, ранее неизвестную людям жизнь. Данная тенденция к покорению пространства и времени, подпитанная максимализмом революционной эпохи,

также отразилась в архитектурном облике советских городов, где люди и дома незначительны перед явно доминирующим пространством улиц и площадей.

Идея целого как основы всего многообразия явлений реальности, убежденность в недостаточности «трехмерного» подхода к миру и человеку требовала в русской культуре «знания гиперлогического», выходящего за границы видимого горизонта обжитых реалий сущего на вселенские и космические пространства. В культуре, в искусстве, в контексте одного произведения любой элемент, в том числе и сам человек, должен был подтверждаться и соответствовать высшей для него идейно-содержательной основе. Стрежнем европейской культуры, начиная с античности, было представление о структурности мира, которое выражалось в чувстве меры и гармонии, а ее интегрирующим центром являлся антропный принцип. Именно данных качеств не хватало русской культуре, чтобы быть культурой вполне европейской. Ее архетипы, заданные природными и социально-историческими обстоятельствами, сублимируясь, отразились в иных культурных ориентациях: аморфности в проявлении личностного начала и давящей доминанте общинного сознания. В ходе исторического развития России те или иные круги европеизированной культурной элиты рассматривали эти качества русской ментальности как позитивные (линия славянофильства), другие – какнегативные, которые следует изживать (линия западничества). Но массовое сознание «глубинного народа» всегда ориентировалось на автохтонную модель мира, не на европейскую – диалектическую и антропоцентрическую, а на дуалистическую и социоцентрическую.

Библиография.

1. Бердяев Н. А. Судьба России / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ, 2023. – 384 с.

2. Лихачев Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре / Д. С. Лихачев. – СПб. : СПбГУП, 2015. – 540 с.

3. Наков А. Б. Русский авангард / А. Б. Наков. – М. : Изд-во «Искусство», 1991. – 190 с.

УДК : 81.1

Теория грамматических категорий местоимений в современной лингвистике

А. И. Маткаримова, Д. К. Дармонова

Аннотация. Статья посвящена анализу теории грамматических категорий местоимений в современной лингвистике.

Ключевые слова: грамматúческая категóрия, личных местоимений, категория числа, дейксис, морфологическим и синтаксическим свойствам

Abstract. The article is devoted to the analysis of the theory of grammatical categories of pronouns in modern linguistics.

Key words: Grammatical category, personal pronouns, category of number, deixis, morphological and syntactic properties of pronouns.

Грамматúческая категóрия «замкнутая» система взаимоисключающих и противопоставленных друг другу грамматических значений (граммем), задающая разбиение обширной совокупности словоформ (или небольшого набора высокочастотных словоформ с абстрактным типом значения) на непересекающиеся классы, различие между которыми существенно сказывается на степени грамматической правильности текста.

Свойство взаимоисключения состоит в том, что всякая грамматическая категория есть множество грамматических значений (граммем), которые не могут быть одновременно выражены у одной словоформы (зато одна словоформа может иметь граммемы нескольких грамматических категорий).

Так, категория числа в русском языке включает в себя взаимоисключающие граммемы «единственное число» и «множественное число»: они не могут быть совмещены в одной словоформе. Граммема «творительный падеж» не принадлежит этой же категории, так как свободно может быть выражена вместе с любой из её граммем [4; с. 25].

Как мы видели, местоимения представляют собой очень пеструю картину в отношении грамматических категорий.

Категория падежа существует у личных местоимений, показывающих четкое противопоставление именительного и объектного падежей. Производные с компонентами *-body, -one,* а также *other* могут иметь форму позессива:

The subject of everybody's talk.; …to try to win anyone's favour.} ... looked into the other's face [1; с. 67].

Категория числа имеется у указательных местоимений и у *other,* соотнесенного с именем лица: *The others, who had been listening soberly, did not want to argue.* [2; с. 90]

Синтаксические функции также не совпадают у различных разрядов. Одни могут занимать позиции только предметного члена предложения: личные, часть вопросительных, субстантивированные формы притяжательных, производные *от some, any, no, every.* Только в функции определения выступают притяжательные местоимения, неопределённые местоимения *no, every.* Ту и дру-

гую функцию могут иметь указательные, часть вопросительных, неопределённые *some, any, each, other*.

Эта пестрота морфологических категорий и синтаксических функций явилась причиной разногласий между лингвистами в вопросе существования местоимений как части речи. На материале различных европейских языков была выдвинута теория, отрицающая правомерность выделения местоимений как части речи. Авторы грамматик тех или иных языков, в том числе русского и английского, пытались распределить местоимения так, что они составляли часть разрядов прилагательных и существительных. Для этого были основания: как мы видели, синтаксически местоимения примыкают к одной из этих частей речи или к двум одновременно. Морфологическая категория числа, там, где она есть, отличается от категорий числа существительного только по форме выражения, но не по содержанию. Синтаксические категории совпадают с функциями существительного и прилагательного. Однако при таком распределении местоимений по именным частям речи исчезает специфика местоимений, их особая черта — отсутствие постоянной предметной закрепленности; эта черта охватывает все разнородные подразряды, объединяя их в одну часть речи. Их свойства и функции перекрещиваются друг с другом и с другими частями речи; это нелогично. Но такого рода нелогичности отмечались и выше; поэтому такое положение вещей не должно нас удивлять.

Основная функция местоимений — дейксис (указание). Местоимения участвуют в номинации только косвенно, указывая на уже названный ранее предмет *(My brother works in a hospital; he is a surgeon),* но они не передают новой содержательной информации. Именно это общее дейктическое значение представляет собой основание для объединения разнородных по морфологическим и синтаксическим свойствам разрядов в единую часть речи [3; с. 78].

Свойства грамматических категорий. К характерным чертам грамматических категорий относятся: модифицирующий тип категоризующего признака, его причастность к синтаксису, обязательность выбора одного из его значений для (слово) форм из категоризуемой совокупности, наличие регулярного способа его выражения.

Наличие всей совокупности этих свойств обычно является основанием для безоговорочного признания грамматического характера категории, хотя каждое из них в отдельности не является ни необходимым, ни достаточным признаком грамматической категории.

Библиография.

1. Драйзер. Т. Сестра Керри. – М. : Высшая школа, 1968. – 593 с.

2. Арнольд И. В. Стилистика английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 2002. – 395 с.

3. Томашевский Б. В. Стилистика / Б. В. Томашевский. – Л. : ЛГУ, 1983. – 286 с.

4. Фрумкина Р. М. Концепт, категория, прототип / Р. М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика. – М. : 1992. – 324 с.

УДК : 316.772

Влияние цифровой среды на речевой этикет студентов

Ф. К. Хабибулаева, М. Р. Низамитдинова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. Статья посвящена вопросу влияния цифровой средына речевой этикет студентов.

***Ключевые слова*:** цифровая среда, интернет, общение, этикет.

Annotation. The article is devoted to the issue of the influence of the digital environment on the speech etiquette of students.

Keywords and phrases: digital environment, Internet, communication, etiquette

Современная эпоха отличается стремительным и динамичным развитием цифровых и компьютерных технологий. Научный прорыв в информационных технологиях обусловил появление такого феномена как всемирная сеть интернет. Все больше интернет выполняет роль канала коммуникации, становится особой средой общения, что приводит к развитию новых социокультурных процессов, обусловливает возникновение инновационных типов коммуникаций. Интернет-коммуникация представляет собой способ общения, при котором передача информации и обмен данными осуществляется по каналам связи интернета с использованием стандартных записей.

В последнее время учеными в сфере информационных технологий активно используется понятие «компьютерно-опосредованная коммуникация», где сохраняется формальная близость к оригинальному термину (computer-mediated communication) и передаются базовые для понимания значения термина понятия (компьютер, среда, коммуникация). Так, исследователи вычленяют следующие «компоненты компьютерно-опосредованной коммуникации: взаимодействие пользователя с пользователем, мобильная телефония, текстовая основа общения».

Основанием для классификации видов электронной связи являются различные параметры. Исследователи определяют следующие характеристики: «синхронная / асинхронная связь; официальный / неофициальный характер коммуникации; спонтанность / подготовленность речи; коммуникативные намерения участников и тематическая направленность речевого поведения; коммуникации с одним или многими пользователями; общение, базирующееся на технологиях Веб 1.0 или Веб 2.0».

Коммуникативные технологии различаются по времени и месту нахождения участников интернет общения:

− одно время и одно виртуальное местонахождение – чаты;

− одно время, но различное местонахождение – интернет-телефония, аудио- или видеоконференцсвязь;

− разное время, но одно виртуальное местонахождение – веб-форумы;

− отличное время и разное местонахождение – электронная почта.

Согласно описанным выше характеристикам выделяют виды электронной связи, основанные на службах традиционного интернета, среди которых электронная почта, модерируемые списки рассылки, веб-форумы, чаты, видеоконференции.

В настоящее время в молодежной среде наиболее актуализировано интернет-общение в социальных сетях: «ВКонтакте», «Одноклассники», «Инстаграм», «Фейсбук», где наиболее востребовано общение в форумах и чатах. Форум является востребованным видом интернет-общения, где коммуникация осуществляется в режиме offline, а свои сообщения, которые сохраняются достаточно долго, участники коммуникации могут отсылать в разное время. Каждый новый участник знакомится с материалами форума и обозначает свою позицию.

В большинстве случаев в диалогах собеседников используются ненормативная лексика, сленговые выражения, жаргонизмы, неуместные и неоправданныесокращения слов, допускаются орфографические и грамматические ошибки, в редких случаях участники диалога вежливы по отношению друг к другу, используют этикетные формулы речевого общения.

Речь – это основная форма вербальной коммуникации. Письменнаяформа этики ограничена строгими рамками – стилистикой, правилами орфографии и пунктуации. Так как это – широкое понятие, нигде нет единого речевого этикета, идеально подходящего под все социальные требования. Конкретные люди или социальные группы видоизменяют правила под свои потребности, не изменяя главных принципов – так рождается классификация речевого этикета по видам: официальный или деловой.

Чтобы сохранить чистоту русского языка, нормы речевого поведения в виртуальной среде, по мнению авторов, необходимо соблюдать в любых ситуациях: от повседневного общения до обмена опытом на международных конференциях или дипломатических переговорах. Участникамдиалогов необходимо уважительно относиться друг к другу, продумывать каждое сообщение, правильно оформлять текст, предполагается следование правилам культуры общения всеми участниками форумов, чатов, социальных сетей, пользователями электронной почты.

Библиография.

1. Жичкина А. Е. Самопрезентация в виртуальной реальности и особенности идентичности подростка-пользователя Интернета / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская // Образование и информационная культура. – М., 2000. – С. 431-460.

2. Карабань Н. А. Этический аспект интернет-коммуникации / Н. А. Карабань // Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колективная монография. – М. : Наука, 2012. – С. 158-188.

УДК : 811

Особенности текста ремарок и текста драматургического диалога, взаимодействующих в драматургическом произведении

Л. Н. Захарчук

«Российский государственный геологоразведочный университет им. Серго Орджоникидзе» (г. Старый Оскол, Россия)

Аннотация. В тексте пьесы взаимодействуют субтексты, отличные в аспектах коммуникативно-прагматическом и композиционно-речевом, а также в плане своей адресованности. В тексте драматургического диалога сокращена эстетическая дистанция между героем и читателем (зрителем), В тексте же ремарок эстетическая дистанция между изображаемым миром и воспринимающим субъектом увеличена, между читателем и героем становится автор. Текст пьесы составлен из перемежающихся текстов ремарок и драматургического диалога, для него характерно периодическое сокращение и увеличение эстетической дистанции.

Ключевые слова: тексты ремарок и драматургического диалога, акциональная бинарность, интеракциональная раздвоенность, эстетическая дистанция.

Abstract. In the text of the play, subtexts interact, which are different in aspects of communicative-pragmatic and compositional-speech, as well as in terms of their addressing. In the text of the dramatic dialogue, the aesthetic distance between the hero and the reader (viewer) is reduced. In the text of the remarks, the aesthetic distance between the depicted world and the perceiving subject is increased, the author becomes between the reader and the hero. The text of the play is composed of interspersed texts of remarks and dramatic dialogue, it is characterized by periodic reduction and increase in aesthetic distance.

Keywords and phrases: texts of remarks and dramatic dialogue, actional binary, interactional bifurcation, aesthetic distance.

Коммуникативно-прагматические особенности текста пьесы обусловлены взаимодействием повествовательного высказывания (авторской речи, представленной в ремарках) с функционально-прагматическим заданием «видеть и изображать» и персонажного высказывания (речи персонажей, представленной в драматургическом диалоге) с функционально-прагматическим заданием «характеризовать и типизировать». Таким образом, в тексте пьесы взаимодействуют субтексты, отличные в аспектах коммуникативно-прагматическом и композиционно-речевом (письменная речь – текст ремарок, речь автора и устная диалогическая речь – речь драматургического диалога, речь персонажей).

Кроме того, тексты ремарок и драматургического диалога отличаются в плане своей адресованности: адресатом текста автора (текст ремарок) является читатель, адресат же речи персонажей (текст драматургического диалога) двойной – это читатель и другое действующее лицо.

Текст драматургического диалога характеризуется, таким образом, акциональной бинарностью. Под акциональностью мы понимаем эффект, производимый высказыванием на адресата [2]. Текст драматургического диалога характеризуется также интеракциональной раздвоенностью, бифоркацией (там же). Действительно, объем информации, переданной в одной и той же реплике персонажа, меняется в зависимости от адресата.

В том случае, когда адресатом той или иной реплики является действующее лицо, передаваемая информация зависит от изображаемой коммуникативной ситуации, иллокутивная сила реплик состоит в продвижении действия пьесы.

В случае, когда адресатом той же реплики является читатель, объем информации увеличивается и охватывает не только оценку событий или других действующих лиц, отношения, складывающиеся между персонажами-участниками акта коммуникации (что имеет место и в первом случае), но и косвенную характеристику самого адресанта. Соответственно увеличивается иллокутивная сила реплики.

Для текста же ремарок подобная акциональная бинарность и интеракциональная раздвоенность, бифуркация не характерны.

В тексте ремарок ядерной синтаксической единицей становится «он»-предложение, в тексте же драматургического диалога –«я» и «ты» предложения.

В тексте драматургического диалога сокращена эстетическая дистанция между героем и читателем (зрителем), между миром изображаемой действительности и воспринимающим субъектом. Между героем и читателем (зрителем) не стоит рассказчик, как в произведениях эпических, поэтому читатель оказывается ближе к герою драматургического произведения, идентифицирует себя с ним. В тексте же ремарок эстетическая дистанция между изображаемым миром и воспринимающим субъектом увеличена, между читателем и героем становится автор. Читатель, вслед за автором, смотрит на изображаемый мир «со стороны», таким образом, текст ремарок в большей степени, чем текст драматургического диалога, характеризуется внеположенностью, отстраненностью воспринимающего субъекта от мира и времени персонажей драматургического произведения. (Под эстетической дистанцией мы понимаем «такую организацию художественного произведения, которая подчеркивает его условность, внеположенность субъекту восприятия, сохраняя в то же время иллюзию его реальности» [1]).

Если же говорить о дистанции между автором и читателем, то в тексте драматургического диалога эта дистанция увеличена, поскольку автор драматургического произведения «прячется» за своих героев, в тексте же ремарок дистанция между автором и читателем сокращена.

Поскольку текст пьесы составлен из перемежающихся текстов ремарок и драматургического диалога, для него характерно периодическое смещение «фокуса» повествования сопровождающееся периодическим же сокращением и увеличением эстетической дистанции.

Текст инициальной (вводной) ремарки вступает в катафорические отношение с текстом всей пьесы, становясь семантической опорой для «опережающей» идентифицирующей референции повествующего «я» в тексте драматургического диалога.

Кроме того, в тексте пьесы имеет место взаимодействие речи письменной (авторская речь, текст ремарок) и речи устной (речь персонажей, текст драма-

тургического диалога). Взаимодействие указанных типов речи, безусловно, имеет место и в художественных произведениях других жанров, но в драматургическом тексте проведена четкая демаркационная линия между этими типами речи вследствие использования:

графических маркеров. (Действительно, текст ремарок отделен от текста драматургического диалога за счет использования скобок, другого шрифта, выделения текста ремарок в отдельный абзац);

ремарок только одного типа наклонения – изъявительного;

ремарок только одного типа повествования – от третьего лица.

Взаимодействия двух текстов – текста ремарок и текста драматургического диалога – внутри текста пьесы создает информационную полифонию; это верно в отношении пьес конца 19-начала 20 вв, поскольку в пьесах более раннего периода ремарки автора либо вовсе отсутствовали, либо выполняли лишь служебную функцию.

Библиография.

1. Эстетика. Словарь.

URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/slovari_ehnciklopedii/estetika-slovar-belyaev (дата обращения 14.04.24)

2. Quirk R. University Grammar of English / R. Quirk, S. Greenbaum, G. Leech, J. A. Svartvik.

URL: https://coedu.uosamarra.edu.iq/wp-content/uploads/2023/01/حو-ذ-3.pdf (дата обращения 14.04.24)

УДК : 34

Восприятие внедрения цифровых технологий в судопроизводство

Д. Р. Зверев

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье на основе анализа уровня развития цифровизации в судопроизводстве рассматриваются вопросы восприятия процессуальными лицами новых форм и методов участия в судебных разбирательствах с применением цифровых технологий. Автором приведены примеры проблем, возникающих при использовании электронных средств в судопроизводстве. Освещаются проблемы пользования электронными инструментами определенной категорией граждан (участников судебного процесса). В результате проведенного исследования, сделан вывод о необходимости централизованного обучения участников судопроизводства внедряемым цифровым технологиям, обеспечения доступа к ним, а также разъяснения сути и практических аспектов использования современных средств цифровизации. Кроме того, государственным органам власти, по мнению автора, необходимо обеспечить доступность к использованию цифровых технологий в судопроизводстве таким образом, чтобы доверие граждан к правосудию усиливалось, что также будет способствовать соблюдению их прав и защите законных интересов.

Ключевые слова: цифровые технологии, судопроизводство, цифровизация, правосудие, участники судопроизводства.

Abatract. Based on the analysis of the level of development of digitalization in legal proceedings, the article examines the issues of perception by procedural persons of new forms and methods of participation in court proceedings using digital technologies. The author gives examples of problems that arise when using electronic means in legal proceedings. The problems of using e-commerce are highlighted, electronic instruments of a certain category of citizens (participants in the judicial process). As a result of the study, it is concluded that there is a need for centralized training of participants in legal proceedings on the digital technologies being introduced, providing access to them, as well as explaining the essence and practical aspects of using modern means of digitalization. In addition, public authorities, according to the author, need to ensure the availability of digital technologies in legal proceedings in such a way that citizens' trust in justice This will also contribute to the observance of their rights and the protection of their legitimate interests.

Keywords: digital technologies, legal proceedings, digitalization, justice, participants in legal proceedings.

В России правосудие осуществляется независимо от законодательной и исполнительной ветвей власти. В ст.118 Конституции Российской Федерации указано, что правосудие в России осуществляется только судом, при этом суд разрешает уголовные, гражданские, административные и другие дела. Еще в XVIII веке французский философ Алексис де Токвиль отмечал, что правосудие призвано заменить идею насилия идеей права.

Стремление России к информатизации различных сфер жизнедеятельности отражает современные международные тенденции.

Неизменной тенденцией последних десятилетий и современного периода является цифровизация общественных отношений. Так как правоотношение - это форма общественного отношения, то и правовая сфера претерпевает серьезное влияние цифровых технологий [5; с. 1].

В век компьютерного прогресса цифровизация затронула и сферу судебной власти. Технологические преобразования в данной области позволят повысить

качество правосудия и сделать его доступным для широких слоев населения[3; с. 1].

Электронное правосудие – это динамично развивающийся институт судебной власти, который подвержен постоянной трансформации [14; с.2].

Восприятие электронного правосудия содержится в Рекомендациях Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы по электронной демократии и пояснительная записка [10; с.11]: электронное правосудие – это использование информационно-коммуникационных технологий в реализации правосудия всеми заинтересованными сторонами в юридической сфере. Оно включает в себя электронное общение и обмен данными, а также доступ к информации судебного характера.

Цифровые технологии внедрились в нашу повседневную действительность достаточно стремительно. При их внедрении и использовании в судопроизводстве необходимо осознавать потенциальные риски, которые могут возникнуть в связи с недостаточным доступом к информационно-телекоммуникационным сервисам, а также недостаточным уровнем цифровой грамотности некоторых слоев населения, в связи с чем, существует потребность в их обучении и сохранении необходимого количества неэлектронных каналов.

С одной стороны, цифровые технологии повышают уровень реализации прав человека, а с другой стороны, негативно сказываются на этих и других правах, свободах и ценностях. Внедрение электронных средств в судопроизводство, их значимость и зависимость от них людей должно гарантировать законное ожидание того, что цифровые технологии станут более доступными, безопасными, надежными и стабильными.

Термин «цифровизация» (digitization) означает преобразование информации в цифровую форму. Главная цель цифровизации судопроизводства состоит в повышении эффективности судебной системы и качества правосудия. Доступ к правосудию – это один из аспектов доступа к демократическим институтам и процессам.

Цифровизация практически всех сторон социальной жизни ставит вопрос о взаимодействии социальных и компьютерных технологий, об их совместимости и о тех проблемах, которые возникают в сфере соответствия нового (компьютеризированного) правосудия тем принципам, которые были заложены в период обычных (докомпьютерных) социальных технологий [9; с. 5].

Электронное посредничество – это использование информационно-коммуникационных технологий с целью нахождения средств разрешения споров без физического присутствия противостоящих сторон: посредниками могут служить электронные инструменты [10; с.11].

Граждане (участники судебного разбирательства) должны быть убеждены, что доступ к их официальным документам может быть значительно облегчен благодаря применению цифровых сервисов.

Для чего государственным органам следует обеспечить доступность к использованию цифровых технологий в судопроизводстве в той мере, в какой мере она будет усиливать доверие граждан к правосудию, соблюдению их прав и

защите законных интересов. Это возможно реализовать, как представляется, при помощи грамотного анализа и управления рисками, а также механизмов, обеспечивающих их непрерывный прогресс.

Предоставляя сторонам спора электронные инструменты для их использования в судебном разбирательстве, необходимо своевременно открывать новые каналы доступа, которые будут способствовать повышению уровня прозрачности правосудия, а также усиливать потенциал его эффективности.

Защита нарушенных или оспариваемых субъективных прав является одной из функций государства. На сегодняшний день она может выполняться в различных правовых формах – административной, судебной, общественной и др. [1; с.1].

Автоматизация процессов обработки судебной документации ускоряет и упрощает анализ данных, что дает возможность судебной системе работать более эффективно и быстро. Снижаются трудозатраты на обработку документации, повышается доступность правосудия, ускоряются судебные процессы. Цифровизация в судебной системе открыла новую веху развития общественных отношений и их правового регулирования.

Цифровые технологии в судопроизводстве привели к существенным изменениям в структуре и процессах общения, воспроизводстве информации, ее доставке и получения.

Невозможно не согласиться с исследователями дистанционных судебных разбирательств, что ограничение изображения участников процесса и судьи лишь лицом и верхней частью туловища также существенно обедняет восприятие друг друга, искажает или исключает невербальное общение как ценный источник юридически значимой информации [11; с. 38].

Электронные технологии, используемые в судопроизводстве, являются движущей силой, это инструмент, который помогает совершенствовать процесс отправления правосудия.

Благодаря современным информационным технологиям, в том числе анализу больших данных, искусственному интеллекту станет возможным реализовать многофакторные исследования социального взаимодействия в ходе рассмотрения и разрешения правовых конфликтов в суде [11; с. 36]. Вместе с тем, они имеют второстепенную важность для судебного разбирательства.

Современные средства цифровизации в настоящее время уверенно применяются в виде разнообразных элементов судопроизводства. По мнению Ярошенко Т.В., основными составляющими этих элементов являются:

- подача искового заявления и других процессуальных документов посредством сети «Интернет»;
- информирование участников процесса о статусе рассмотрения дела;
- получение судебных извещений (только для юридических лиц при определенных условиях);
- предоставление электронных доказательств;
- аудиопротоколирование судебных заседаний;
- применение видео-конференц-связи;

- изготовление судом решения в электронном виде;

- банки решений судов [13; с. 3].

Электронные средства, применяемые в судопроизводстве, требуют наличие таких факторов, как стремление процессуальных лиц к вовлечению их использования, высококачественные цифровые технологические процессы и инструменты, а также анализ результатов. Психологи предостерегают юристов от чрезмерного увлечения цифровыми технологиями, которые исключают непосредственное общение в зале судебного заседания.

Встраивание информационно-коммуникационных технологий в судопроизводство влечет необходимость внесения структурных изменений не только в судебную систему, а также необходимость проведения обучения, подготовки и мер обеспечения вовлечения заинтересованных лиц пользоваться этими технологиями.

Научные исследования показывают, что выражения лица, жесты рук, положения тела, производимые участниками судебного разбирательства в ходе судебного процесса, являются важным источником передачи судье истинных обстоятельств дела.

Учитывая долю граждан определенной категории (возраст, социальное и материальное положение, уровень образования и др.), участвующих в судебных разбирательствах, представляется, что имеется потребность содействовать в приобретении ими навыков пользования электронными инструментами, а также обеспечить им доступность таких инструментов, признавая при этом, что будут присутствовать «неспособные желающие» и «способные нежелающие», которые могут требовать индивидуальной поддержки и нуждаться в особых условиях.

Онлайн-суды по-разному будут восприниматься разными группами людей. Равенство сторон может пострадать не только в связи с отсутствием специальных норм закона об обеспечении доступа к технологиям, но и по причине недоверия к технологиям как таковым или отсутствию цифровой грамотности [12; с. 9].

По мнению Незнамова А. В., внедрение в гражданское судопроизводство каждой новой цифровой технологии должно сопровождаться централизованным обучением или хотя бы разъяснением сути и практических аспектов использования такой технологии всем участникам данной деятельности [7; с. 3].

Осуществление правосудия с использованием цифровых технологий повышает уровень доверия граждан, поскольку каждый в некоторой степени может осуществлять надзор за принятым судебным решением. Все участники судебного разбирательства должны действовать прозрачно и отвечать за свои действия в соответствии с законодательством.

Вместе с тем, обращает внимание Нестеров А. В., люди живут и действуют в действительном мире, но могут существовать и в виртуальном мире. При этом эти миры связаны, и анонимный пользователь может нанести вред конкретному субъекту через виртуальный мир и остаться безнаказанным. Поэтому в виртуальном мире должны быть виртуальные границы[8; с.4].

По мере появления технологий возникают справедливые вопросы об их влиянии на судопроизводство и осуществление субъектами своих прав не только с точки зрения того, упрощают ли или усложняют технологии доступ к суду и участию в процессе, но и в аспекте добросовестности при их использовании [4; с.2].

Законодательство в области электронных технологий должно быть ориентировано на граждан и тщательно сбалансировано. Баланс между правами доступа и гарантиями является единственным способом поддержки и защиты интересов граждан.

Применение цифровизации в судопроизводстве требует дальнейшего законодательного регулирования, рекомендаций и разъяснений на основе правоприменительной практики, учитывающей законные права граждан и юридических лиц.

Требуется трансформация нормативных правовых актов в части юридических терминов, обозначение их логических связей, моделирование и прогнозирование цифровой трансформации законодательства.

Кроме того, потребуется привлекать значительные человеческие, финансовые и материальные ресурсы, а также внедрить специальные программные комплексы, способствующие повышению эффективности отправления правосудия.

Как отмечает Момотов В. В., в условиях расширения власти технологий можно сделать вывод о том, что у судейского корпуса есть способы и методы решения возникающих проблем и нивелирования рисков при использовании новых технологий [6; с. 8].

Не вызывает сомнения, что исследование института судебной власти будет продолжено не только учеными-юристами, но и философами, социологами и другими учеными. Это позволит в дальнейших исследованиях раскрывать все новые и новые грани этого института[2; с. 6].

В заключение можно привести некоторые высказывания великих мыслителей-философов о правосудии: «Правосудие – душа законов» (Цицерон), «Правосудие – есть неизменная и постоянная воля предоставлять каждому его право» (Юстиниан), «Правосудие – это справедливость в действии» (Ж. Жубер).

Библиография.

1. Борисова Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 7.

2. Конин В. В. Судебная власть / В. В. Конин, И. И. Эсмантович, Н. С. Феоненко // Мировой судья. – 2022. – № 9. – С. 7.

3. Кощеев Н. К. Электронное правосудие: исторические и современные аспекты формирования нормативной базы / Н. К. Кощеев // Государственная власть и местное самоуправление. – 2023. – № 6. – С.4.

4. Крымский Д. И. Злоупотребление процессуальными правами в контексте цифровизации правосудия / Д. И. Крымский, А. В. Мельникова // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 1. – С. 15.

5. Михайлова Е. В. Цифровизация профессиональной юридической деятельности и образовательного процесса: понятие и тенденции развития / Е. В. Михайлова // Хозяйство и право. – 2022. – №7. – С.9.

6. Момотов В. В. Пространство права и власть технологий в зеркале судебной практики: современный взгляд / В. В. Момотов // Журнал российского права. – 2023. – № 2. – С.9.

7. Незнамов А. В. «Цифровое просвещение», доступность правосудия и экономическая составляющая цифровизации гражданского судопроизводства / А. В. Незнамов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – №9. – С.6.

8. Нестеров А. В. Цифровое право против информационного кодекса / А. В. Нестеров // Юрист. – 2021. – № 11. – С. 6.

9. Пржиленский В. И. Социальные технологии и принципы уголовного судопроизводства в условиях его цифровизации / В. И. Пржиленский // Lex russica. – 2020. – № 4. – С.8.

10. Рекомендации Комитета министров Совета Европы CM/Rec(2009)1 государствам-участникам Совета Европы «Об электронной демократии» и пояснительная записка //http:www.cikrf.ru.2009. – С. 57.

11. Цифровые технологии в гражданском и административном судопроизводстве: практика, аналитика, перспективы / Отв. редактор Стрельцова Е. Г. – СПб. : КонсультантПлюс. 2022. – С. 144.

12. Харитонова Ю. С. Правовые проблемы трансформации основных начал правосудия в условиях цифровизации цивилистического процесса в России и Китае / Ю. С. Харитонова, Т. Ян // Вестник гражданского процесса. – 2023. – №1. – С. 23

13. Ярошенко Т. В. Применение информационных технологий в гражданском и арбитражном процессе (электронное правосудие) / Т. В. Ярошенко // Мировой судья. – 2021. – № 3. – С. 5.

14. Ярошенко Т. В. Развитие электронного правосудия в гражданском и арбитражном судопроизводстве: проблемные вопросы / Т. В. Ярошенко // Администратор суда. – 2023. – № 3. – С.8.

УДК : 81.1

Тюркизмы в русской лексике

З. А. Рахимова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В статье изложены данные о тюркизмах и способах их преобразования. Проведена попытка исследования проникновения тюркизмов в русский язык на материале современного русского литературного и древнерусского языка и изучение истории эволюции тюркизмов в русском языке.

Ключевые слова: заимствования, лингвистика, виды заимствований, тюркизмы, способы образования.

Abstract. The article presents information on Turkic loanwords and methods of their transformation. An attempt is made to investigate the penetration of Turkic influences into the Russian language based on contemporary Russian literary and Old Russian language materials. The study also examines the history of the evolution of Turkic loanwords in the Russian language.

Keywords: borrowings, linguistics, types of borrowings, Turkic loanwords, formation methods.

Лексика русского языка, как и любого другого действующего языка, состоит из историческихвозникших (возникших при слиянии близких языков), и заимствованных слов. Заимствованные слова из тюркского источника образуют значительный пласт лексики русского языка, что, если не иметь понятия о происхождении сильно «обрусевших» слов, то приходится переводить на тюркские языки как исконно русские. Если внимательно проследить историю Древней Руси, то можно заметить, что набеги кочевых тюркских племён (хазаров, печенегов) на разрозненные русские княжества, а в дальнейшем взаимодействие культурных ценностей, торговых связей оставили заметные следы в лексике славянских языков – русского, украинского и белорусского, а также оказали некоторое влияние на их фразеологию и грамматику. В древнерусских памятниках письменности – главным образом в летописи и в меньшей степени в художественных произведениях - сохранились антропонимы, этнонимы и топонимы древних тюрок Восточной Европы.

Цель исследования. Выявление и выяснение роли тюркскихзаимствованных слов в русском языке как языке межкультурного общения.

Для решения данной цели были поставлены следующие задачи:

- выяснить источники заимствованных слов;
- проанализировать теоретические материалы, связанные с тюркскими заимствованиями;
- классифицировать часто употребляемые тюркизмы по сферам общения;
- рассмотреть способы образования тюркизмов;
- выявить использование тюркизмов в обыденной русской речи.

Методы исследования:

- сбор и изучение материалов по заданной теме;
- изучение интернет – ресурсов;
- анализ, обобщение и систематизация собранных данных.

Результат. Тюркизм – слово заимственное из любого тюркского языка в русский, независимо от его первоначального происхождения в тюркском языке. Слово, считающееся тюркским, может быть исконно тюркским или также заимственным, историческим из другого (арабского, китайского) языка.

Таким образом, с одной стороны, тюркизмы, как и любые заимствования, могут обогащать русский язык, внося в него новые понятия и термины, которые отражают современные тенденции и достижения в различных областях. Изучение заимствованных слов и их роли в современном русском языке является важным компонентом языкового образования и культурной адаптации.

Библиография.

1. Габдреева Н. В. Иноязычная лексика в русском языке новейшего периода / Н. В. Габдреева, А. В. Агеева, А. Р. Тимергалеева. – М. : Флинта, 2014. – 328 с

2. Огиенко И. И. Иноземные элементы в русском языке. История проникновения заимственных слов в русский язык / И. И. Огиенко. – М. : Либроком, 2016. – 140 с.

3. Евтюгина А. А. Иноязычная лексика в современном русском языке / А. А. Евтюгина, Я. А. Музина // Молодой учёный. – 2016. – № 7(111). – С. 8-11.

4. Семенова Д. А. Иноязычные заимствования в современном русском языке / Д. А. Семёнова //Актуальные исследования. – 2023. – №43(173). – С. 39-41.

УДК : 801.81

Тайный или скрытый язык в русских и узбекских загадках

Ф. А. Тиллабоева

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В данной статье рассматриваются табу и «тайный или скрытый язык», лежащие в основе загадок, важные особенности загадок, их связь с различными ритуалами и другими бытовыми функциями, а также то, что в становлении жанра, значение художественно-эстетических функций, выделены как актуальная проблема. В загадках содержится множество способов построения изображения загадок, а также мнения специалистов опутях отвлечения отгадывающих и их верное направление в отгадывание.

Ключевые слова: загадка, табу, обряд, явления природы, художественно-эстетическая сущность, бытовая функция

Abstract. This article examines the taboos and “secret or hidden language” underlying riddles, the important features of riddles, their connection with various rituals and other everyday functions, as well as the fact that in the development of the genre, the importance of artistic and aesthetic functions is highlighted as relevant problem. Riddles contain many ways to construct images of riddles, as well as the opinions of experts on ways to distract guessers and their correct direction in guessing

Key words: riddle, taboo, ritual, natural phenomena, artistic and aesthetic essence, everyday function.

Возникновение загадок наблюдалось в древности.Загадки возникли в тесной связи с табу и «тайным или скрытым языком». Они никогда не терялисвоего соревновательного игрового характера. Важной особенностью загадки является то, что в ней невозможно прямо назвать рассматриваемую тему. Оно называется только в самой загадке где о нем должно быть сказано что-то, помогающее отгадать.

Загадки созданы на основе условной скрытой речи, основа которой связана с древними верованиями и представлениями людей, уровнем познания и восприятия мира. В своей диссертации, 3. Хусаинова подчёркивает: «В прошлом природа и природные явления были загадкой, которую люди не знали и не могли разгадать ее тайну, и эти тайны казались им чудом... Когда человек начинает распознавать внешний предметный мир, который его окружает, то, что есть в нем, он начинает изучать, сопоставляя, а иногда и противопоставляя вещи и события, с желанием понять и познать, как создаются события. Они не вполне понимали природу движения солнца, луны, звезд, молнии, голубого цветка, наступления облаков, дуновения ветра, выпадения снега и, основываясь на анимистических представлениях, воображали, что у всех есть душа. Некоторые проявления таких понятий встречаются и в загадках. В загадке «Один отец, одна мать, сколько сотен тысяч детей» подразумевается солнце, луна, звезды которые сравниваются с человеком и оживают.Эти загадки относятся к первобытным понятиям. Поскольку человек еще не смог правильно понять природу и ее тайны, во времена господства тотемистических

представлений он представлял себе солнце и луну как начало отцовства и материнства – отца и матери [3; с.100-101]. Итак, загадки прошли сложный путь развития, от тех времен, когда они в древности выполняли определенные магические функции, до тех времен, когда они стали средством познавательности, умственного состязания, развлечения, и весёлого времяпровождения. Именно поэтому они различны по сути, структуре и художественным особенностям отражения народнойжизни,эстетических и культурных ценностей каждого народа. С ростом осознанного восприятия природных явлений и упадка интереса к мифологическим и языческим понятиям в них сохранились следы поэтического давления, которые неоднократно начинали выходить на первый план. В результате загадка утратила связь с различными обрядами и другими бытовыми функциями и превратилась в жанр с чисто художественно-эстетической функцией.

Согласно памятникам древнерусской литературы, много веков назад загадка была не только бесполезной проверкой интеллекта, но и иносказательно-условным средством общения людей при обмене всевозможными секретными сведениями в военном и дипломатическом деле. По словам Д. Н. Садовникова, в то время загадки в форме чисто условной речи использовались в различных состязаниях на мудрость и смекалку не только в семейном кругу, но и в общении с врагом. В. Серебренников писал: «В русском языке время отгадывания загадок четко обозначено народными приметами – бип(ами)». Днем, летом и во время поста нельзя было загадывать загадки, потому что,по их суевериям если загадывать в это время, коровы не вернутся домой извыпаса, или волк может забрать их из леса, или вы сам заблудитесь в лесу. Из этого следует,что загадки загадывались осенью, после окончания полевых работ, сидя вечером у костра,а также на посиделках или в семейном кругу.

По мнению Ф. И. Буслаева [1; с. 18], А. Н. Афанасьева, И. А. Худякова, возникновение загадок связано с созданием мифов. В частности, И. А. Худяков («Великорусские загадки» 1861) считал, что древнейшие русские народные загадки содержат черты мифологии. Однако большинство загадок, дошедших до XIX века, по его мнению, являются результатом своеобразного отражения исторической жизни народа. Ф. И. Буслаев («Исторические очерки русской народной словесности и искусства», 1861) считал, что загадка отражает жажду человека к познанию, к пониманию важнейших событий жизни. А. Н. Афанасьев («Поэтические воззрения славян на природу», 1866) рассматривал загадки в связи с изучением мифов и легенд древних славян. Загадки он считал фрагментами старинного метафорического языка. Загадки широко включены в ритуалы, используются для проверки мудрости и изобретательности. В сказках и легендах загадки придумывают полководцы и богатыри, мудрецы и пророки, подтверждая тем самым свое право быть вождями народа.

Связь загадок со скрытой условной речью крестьян хорошо показана в произведении В. П. Аникина «К мудрости ступеньки». «О русских песнях,

сказках, пословицах, загадках, народном языке» (1988) он писал, что в древности охотники и рыбаки прибегали к скрытой условной речи, т. е. называли воображаемыми условными названиями рыболовные и охотничьи орудия. Перед выходом на охоту скрывать свои приготовления и скрывать намерение ловить рыбу и охотиться; а также избегание нежелательных действий сознательных, человечных, стихийных сил. Этот обычай издавна существовал в жизни русского народа, как и у других народов. Устные запреты накладываются в основном на названия лесных и полевых животных и птиц, рыболовного и охотничьего оружия, обозначения мест охоты и рыболовства, названия транспортных средств, предметов быта и продуктов питания, названия «черной» силы и т.п.

Известно, что у некоторых народов женщины не называют своих родственников по имени мужа. История возникновения подобных обычаев часто связана с представлением о табу и верованиями древних людей, веривших, что слова обладают магической силой.

В. И. Чичеров подчеркивал древность загадок и подчеркивал, что они созданы условиями жизни первобытного общества, а их основой является общественно полезный труд народа. И недаром загадки входят в земледельческие обряды.Человек стремился раскрыть тайный язык природы, чтобы овладеть им. Познание человека и борьба с силами природы представлены в мифологических образах отгадками с русалками, гоблинами и подобными сверхъестественными существами.

В загадках люди запечатлели свое древнее мировоззрение. Тесная связь загадки с мифом придавала ей смысл тайного знания, священной мудрости, открытой главным образом божественным существам. «У греков страшный Сфинкс задает загадку; в скандинавской Эдде боги и великаны соревнуются в мудрости, задавая друг другу загадки мифического содержания, а проигравшие должны отвечать головой. «У греков задаёт загадку чудесищный Сфинкс; в скандинавской «Эдде» боги и великаны состязаются в мудрости, задавая друг другу загадки мифического содержания и победежнный должен платить своей головой. Славянские легенды связывают загадки с Бабой Ягой, русалками и феями [2; с. 7].

Хотя загадки и распространены в народной жизни, они развивались вместе с обрядовыми играми, песнями и танцами. В нашем глобальном веке изучение загадок, пословиц, легенд и привитие любви и уважения к фольклору народов помогает уменьшить зависимость молодёжи от мира интернета.

Библиография.

1. Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. В 2 т. / Ф. И. Буслаев.– СПб.,1861. – Т.2. – 429 с.

2. Митрофанова В. В.Русские народные загадки / В. В. Митрфоанова. – Л. : Наука,1978. – 180 с.

3. Хусаинова З. Загадки / З. Хусаинова // Очерки узбекского фольклора. В 3 томах. – Ташкент : Наука, 1988. – Т. 1. – С. 100-101.

УДК : 81.1

Особенности средств категории определенности – неопределенности в языках разных систем

Д. А. Юлдашева

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. Дать краткий анализ состояния теории определенности и проанализировать типы дефиниций, толкующих это понятие и изучение особенности концептуальной макро - семантики определенности/ неопределенности и средства её вербализации в языках разных систем (в русском и английском языках).

Ключевые слова: предложение, определенность, неопределенность, категория, указательное местоимение, артикль, средства выражения, язык.

Abstract. The purpose of the article is to provide a brief analysis of the state of the theory of certainty and analyze the types of definitions that interpret this concept and study the features of the conceptual macro-semantics of certainty/uncertainty and the means of its verbalization in the languages of different systems (in Russian and English).

Key words and phrases: sentence, certainty, uncertainty, category, demonstrative pronoun, article, means of expression, language.

Как нам известно, что описание категории определенности-неопределенности в таких языках, как английский, немецкий или французский, предпринимаемое в традиционном грамматическом ключе, может показаться тривиальным. Грамматикализованность значения определенности в подобных языках является хорошо установленным фактом их именной морфологии, однако перемещение фокуса внимания на семантико-синтаксическую структуру текста, на контексты референтного и нереферентного употребления имен в высказывании придает проблеме определенности-неопределенности новое звучание.

И если даже в отношении европейских языков отмеченная проблема отнюдь не снимается с повестки дня, она остается тем более актуальной для разработки типологического портрета адыгских языков. В адыговедении, как будет подробнее показано ниже (глава II), статус категории определенности-неопределенности не является до конца проясненным. Наличие этой категории в грамматической структуре языка предполагает наличие специальных средств ее выражения, и в европейских языках это артикли. В адыгских же языках артикля как самостоятельной категории служебных элементов нет, хотя есть элементы, выполняющие артиклевую функцию, на что указывал еще Н. С. Трубецкой (1987).

Правила употребления английских артиклей слишком сложны и, выставляя артикли, приходиться руководствоваться не только ими, сколько интуицией. К тому же даже коренные носители языка зачастую нарушают их. Нужно отметить что, не во всех языках существуют артикли. Вот, например, в русском, латинском и во многих славянских языках не существует артиклей. В старом греческом языке существовал только один определенный артикль. Во

многих языках (итальянский, испанский, немецкий, шведский и т.д.) имеется два артикля – определенный и неопределенный.

Давайте посчитаем, сколько артиклей существует в английском языке, мнения лингвистов расходятся. Некоторые ученые говорят о двух артиклях, определенном и неопределенном. Другие специалисты полагают, что необходимо выделять «значащее отсутствие артикля» в качестве третьего вида и вводят в научный обиход понятие «нулевой артикль». Данный термин восходит к понятию нулевой морфемы. В этой связи возникает еще один вопрос: следует ли рассматривать артикль как морфему, входящую в состав определяемого существительного, или же как слово. Обращаясь к проблеме нулевого артикля, необходимо принимать во внимание тот факт, что отсутствие артикля является значащим лишь в том случае, если речь идет о существительном в единственном числе, т.к. отсутствие артикля при существительном во множественном числе, как правило, соответствует неопределенному артиклю при существительном в единственном числе.

Известно что в английском языке категория определенности и неопределенности имеет морфемное оформление в виде артикля. Помимо этого, указательные и притяжательные местоимения с одной стороны, а также неопределенные местоимения с другой стороны, являются выражением данного категориального значения, поскольку семантика данных местоимений имеет либо обобщающий, либо индивидуализирующий характер. Так, если в предложении «The child wasn’t listening (ребёнок не слушал)» - категория определенности выражается артиклем «the», то в предложении «Her child wasn’t listening (её ребёнок не слушал)» – эту функцию выполняет притяжательное местоимение «her».

Поскольку артикль является основным средством выражения категории определенности и неопределенности, остановимся подробнее на его свойствах.

И так, происхождение неопределенного артикля от числительного «один» и объясняет тот факт, что данный артикль употребляется, как правило, с существительными, обозначающими исчисляемые предметы. Неопределенный артикль отсутствует во множественном числе также в силу остаточного значения «один». В определенном контексте неопределенный артикль может иметь оттенок числового значения, отражающий происхождение данного артикля: «She didn’t say a word» / «Она не сказала ни слова (ни одного слова)». Определенный артикль указывает на индивидуально-определенное лицо или предмет (лица или предмета), т.е. на лицо или предмет, выделенный из всех лиц или предметов данного класса. Он имеет, таким образом, индивидуализирующее значение. Так, the house вызывает представление о совершенно определенном доме, который или имеет особые признаки, отличающие его от всех других домов, или известен собеседнику, или упоминался раньше: «the students» вызывает, представление о совершенно определенных лицах и т.д. Значение определенного артикля можно часто передать в русском языке словами этот, эти, тот, те. Во многих случаях, однако, в русском языке нет необходимости передавать значение определенного артикля особыми словами. Употребление неопределенного

артикля с именем существительным отвлеченным указывает на изменение значения слова, отражая переход имени существительного отвлеченного в конкретное.

Библиография.

1. Бархударов Л. С.. Грамматика английского языка / Л. С. Бархударов, Д. А. Шетлинг. – М. : Высш. шк., 1973. – 423 с.

2. Кашкин Б. В. Текстовые функции неопределенного артикля / Б. В. Кашкин // Вестник СпбГУ. Серия 2. – 1997. – №1.

3. Hoshimov G. M. The Theory of Modern English Grammar / G. M. Hoshimov. – Andizhan, 2018. – 65 p.

УДК : 81.1

Общие характеристики конверсии

А. Р. Хасанова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В научной статье рассматриваются не аффиксальный способ словообразования, конверсия и парадигма.

Ключевые слова: парадигма, вербализации, флекция, вербификации, репутация, грамматическая категория.

Abstract. The scientific article discusses the non-affixal method of word formation, conversion and paradigm.

Key words: paradigm, verbalization, inflection, verbification, reputation, grammatical category.

В том, что среди всех исторически сложившихся способов словообразования и словоизменения в английском языке конверсия является одним из наиболее продуктивных способов образования английских слов, поэтому в связи с постоянным процессом изменения, развития, появления других языковых явлений здесь существует острая необходимость документировать, исследовать и интерпретировать их. Кроме того, все вышеперечисленные действия способствуют дальнейшему пониманию возникающих фактов языка и прогнозированию аналогичных трансформаций других лексем.

Более того, поскольку актуальностью этих работ можно назвать такие вопросы, как концентрация внимания на схематической структуре изображений, которая определяет их использование в языке, эта концептуальная метафора исследует взаимодействие значений внутри английских пар преобразования существительное-глагол.

Конверсия – это не аффиксальный способ словообразования, в результате которого образуется категорически разное слово, совпадающее в некоторых формах со схожим словом. Слово, образованное конверсией, выступает в новой синтаксической функции, имеет иной смысл и, в случае морфологически измененных слов, иную парадигму. Конверсия имеет полулексический, полуграмматический характер.

С одной стороны, это обогащает словарный запас языка, с другой стороны, непосредственно влияет на грамматические категории языка. Конверсию разделяют на традиционную, когда образованное в результате конверсии слово уже вошло в словарный запас языка, и случайную, индивидуальную, когда новое слово употребляется только один раз и не используется широко.

Образование глаголов из существительных путем преобразования – очень распространенное явление в современном английском языке (около полуночи мы отправились в море).

Путем конверсии в английском языке многие прилагательные были образованы из существительных, глаголы – из прилагательных и наречий (независимо от того, сбивает ли он их или они сбивают его, он успешно

улетел). Гораздо реже в английском языке встречаются случаи образования существительных от глаголов. Характерной особенностью конверсии в современном английском языке является омонимия (глаз - глаз, смотреть - смотреть, фут - фут, to фут - ходить). Омоним, образующийся при преобразовании, семантически связан с исходным словом. Понять значение словообразования можно исходя из значения исходного слова.

В лингвистике конверсия, также называемая нулевой деривацией или нулевой деривацией, представляет собой разновидность словообразования, включающую создание слова (нового класса слов) из существующего слова (другого класса слов) без какого-либо изменения формы, то есть: вывод с использованием только нуля. Например, существительное «зеленый» в слове «гольф» (относящееся к игре в гольф) в конечном итоге происходит от прилагательного «зеленый».

Преобразования прилагательных в существительные и наоборот очень распространены и незаметны в английском языке; Гораздо более заметно образование глагола путем преобразования одного или другого слова (например, прилагательное «чистый» становится глаголом «чистить»). В английском языке вербификация обычно включает в себя простое преобразование безглагола в глагол. Глаголы вербифицировать и глаголить, первый по образованию с аффиксом, а второй по нулевому образованию, сами являются продуктами вербификации (см. автологическое слово), и, как можно догадаться, термин глагол часто используется более конкретно. , для обозначения только вербификации, не предполагающей изменения формы. (Поэтому глагол в этом конкретном смысле является своего рода антимерией.)

Примеры вербификации в английском языке исчисляются тысячами, включая некоторые из наиболее распространенных слов, таких как почта и электронная почта, забастовка, разговор, [сомнительно – обсудить] соль, перец, переключатель, кровать, сон, корабль, поезд, остановиться, выпить, чашка, заманить, бормотать, одеться, закружиться голова, развестись, обмануть, слиться, можно найти практически на каждой странице словаря. Таким образом, вербификация ни в коем случае не ограничивается сленгом и снабдила английский бесчисленным количеством новых выражений: «доступ», как в «доступе к файлу», который раньше был только одним словом, как «получить доступ к файлу». Подобные распространенные примеры включают «хозяин», как в «принимающей стороне», и «председатель», как в «председатель собрания». Другие формации, например «дар», менее распространены, но мейнстримны.

Проверка может иметь плохую репутацию среди некоторых англоязычных пользователей, поскольку она является мощным источником неологизмов. Хотя некоторые неологические продукты вербификации могут встретить значительное сопротивление со стороны прескриптивистских авторитетов (хорошо известным примером является смысл воздействия глагола), большинство таких производных слов после нескольких столетий

использования стали настолько центральными в языке, что больше не привлекают внимания.

Во многих случаях глаголы отличались от своих аналогов-существительных в древнеанглийском языке, а регулярные звуковые изменения придали им ту же форму: их можно повторно проанализировать как конверсию. «Не говори о том, что говоришь, если не можешь идти пешком» – пример предложения с использованием этих форм.

Для полного понимания конверсии в современном английском языке, помимо исторического момента (какое слово хронологически существовало раньше и от которого образовались другие слова), необходимо учитывать взаимоотношения между словами в современном языке, и они не всегда совпадают.

Основными видами конверсии являются вербализация (образование глаголов), обоснование (образование существительных), активация (образование прилагательных) и адвербиализация (образование наречий).

Преобразование происходит по-разному в зависимости от морфологических особенностей первичных и производных слов.

Конверсия первого типа наблюдается, если первичное и производное слово (или одно из них) морфологически изменчивы. Необходимым условием образования нового слова при конверсии является не только изменение лексического значения и синтаксической функции слова, но и изменение его флективной парадигмы. Наиболее типичными примерами конверсии первого типа являются вербализация, обоснование, а также случаи, когда основным словом является имя или глагол.

О конверсии второго типа можно говорить, когда и первичное, и производное слова морфологически неизменны. Конверсия второго типа заключается в изменении синтаксической функции слова и его лексического значения. Предлоги и наречия (on, off, in) могут быть связаны с конверсионными отношениями этого типа; прилагательные и союзы (до, после); местоимения и союзы (кто, когда, почему).

Конверсия первого типа может быть полной или частичной. При полной конверсии вновь образованное слово приобретает все качества другой части языка (той, в синтаксической функции которой оно начинает использоваться). Так, в ходе вербализации существительные и прилагательные начинают обозначать действие и употребляются в функции сказуемого, а также приобретают все изменяемые формы глагола. Например, они записывают программу. Программа записана на пленку. Они запишут программу. Глагол «записывать» образован путем преобразования существительного «атапе» (ферримагнитная лента). При полном обосновании прилагательных вновь образованное слово может определяться прилагательными и неопределенным артиклем, выступать в синтаксических функциях существительного и иметь все формы флексии, присущие имени существительному. Например, «он настоящий преступник». «Не укрывайте преступников». «Преступника удалось

выследить» и т. д. Число вполне обоснованных прилагательных довольно велико: революционный, дикий, родной, родственный, частный, русский и т. д.

Библиография.

1. Арбекова Т. И. Лексикология английского языка (практический курс) / Т. И. Арбекова. – М. : Высш. шк.,1977. – 240 с.
2. Кубрякова Е. С. Конверсия в современном английском языке / Е. С. Кубрякова, В. А. Гуреев // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – №2. – С. 33-38.
3. Кубрякова Е. С. Теория номинации и ее виды / Е. С. Кубрякова.– М. : Наука,1987. – 290 с.
4. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. –1999. – №5. – С. 127-130.
5. Хованова С. Ю. Лингвокреативный потенциал конверсии в современном английском языке. Автореф.дис. канд.филол. наук / С. Ю. Хованова. – М. : МГПУ, 2002. – 22 с.
6. Bauer H. Approaches to Conversion/Zero-Derivation /H. Bauer. – Münster : Waxmann, 1987. – 131 p.
7. Hickey R. The Neat Dictionary of Linguistics / R. Hickey. – London,1976. – 40 p.
8. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics / L. Talmy. – London : MIT-Press, 2000. – Vol.1. Concept Structuring Systems. Cambridge (Mass.). – 258 p.
9. Trauth G. and Kazzazi K. Routledge Dictionary of Language and Linguistics / G. Trauth, K. Kazzazi. – London : Taylor&Francis e-Library, 2006. – 255 p.
10. Vogel P. M. Wortarten und Wortartenwechsel. Zur Konversion und verwandten Erscheinungenim Deutschen und inandern Sprachen / P. M. Vogel. – De Gruyter, 1996. – 99 p.

УДК : 338.27

Медицина как фактор общественной жизни (на примере профилактики неинфекционных заболеваний)

Ш. А. Хасанова

Андижанского государственный медицинский институт

(г. Андижан, Узбекистан)

А. Р. Хасанова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В научной статье рассматриваются профилактика патологий неинфекционных заболеваний имеет несколько направлений, разделенных на три основные группы: первичная, вторичная, третичная профилактика.

Ключевые слова: рациональная питания, склонность организма, заболевания сердца и сосуд.

Abstract. The scientific article discusses the prevention of pathologies of non-communicable diseases, which has several directions, divided into three main groups: primary, secondary, tertiary prevention.

Key words: rational nutrition, body propensity, heart disease and blood vessels.

С древности в обществе установилось мнение, будто медицина является неким подобием закрытой области знаний, тайным искусством, носители которого учатся, действуют и размышляют исключительно в своём узком кругу. Однако это совсем не так. Поскольку телесный и духовный аспекты человеческой жизни неразрывно связаны, то поддержание тела в здоровом состоянии, осуществляемое медициной, оказывается действующим фактором общественной и даже духовной жизни. Как удачно отметил британский исследователь К. С. Льюис, все великие религии возникли и много веков развивались в мире, где не было наркоза [1; с. 11]. При этом даже такая, казалось бы, рутинная медицинская процедура как профилактика неинфекционных, то есть не угрожающих эпидемиями болезней оказывается масштабным социальным мероприятием. В данной работе мы продемонстрируем, как сугубо медицинская деятельность затрагивает другие сферы общественной жизни и сколько мероприятий включает в себя малозначительная (на взгляд обывателя) медицинская рутина.

Первичная профилактика является ключевым моментом для родителей, учителей и медицинских работников! Это при отсутствии заболеваний и это состояние следует регулярно поддерживать и укреплять.

Профилактика неинфекционных заболеваний заключается в использовании витаминных препаратов, соблюдении рационального питания, соблюдении норм личной гигиены и обращении к врачу для выявления патологических процессов. Вакцинация также относится к этому этапу и является обязательной.

В зависимости от времени года, склонностей организма, образа жизни и наличия вредных привычек можно выделить среди наиболее популярных патологий, возникающих у людей в разные периоды жизни.

- проблемы с позвоночником (сколиоз, сезонное обострение остеохондроза, смещения позвонков, грыжи и другие патологии),

- сердечно-сосудистые заболевания – заболевание, сопровождающее большинство пожилых людей, организм постепенно изнашивается, сосуды закупориваются, а при отсутствии лечения таких больных сопровождают постоянные боли;

- стоматологические заболевания – с самого раннего возраста человек определяет судьбу своих зубов в зависимости от того, как он за ними ухаживает. Стоматологические заболевания можно предотвратить вовремя

- профилактика многих суставных патологий лицевого скелета и всех органов человека.

- патологии органов дыхания – могут привести к неполной жизни многих людей. Ни у кого не было постоянной одышки и мучительного кашля. Профилактика респираторных заболеваний в основном спасает большую часть населения, склонного к этим патологиям.

- кишечные заболевания однозначно лидируют среди всех болезней у взрослых и детей, ведь каждый хоть раз в жизни сталкивался с такими патологиями.

Неинфекционные поражения, чаще встречающиеся у детей, требуют особого подхода и мер профилактики заболевания.

Каждое заболевание можно рассматривать как самостоятельное, но тогда эффект

Лечение менее понятно, чем лечение всего организма как единой системы, на которую необходимо комплексное воздействие. Этот подход должен стать основой для специалистов по профилактике заболеваний, но зачастую верно обратное. Поэтому, чтобы организм оставался в хорошем состоянии и не беспокоился, не нужно ждать проявления какого-либо заболевания, а начинать профилактику следует уже сейчас.

Меры профилактики детских болезней. Дети младшего и школьного возраста более склонны ко всем видам заболеваний. Это связано с постоянными контактами в детсадовской и школьной среде, а также осведомленностью и несоблюдением правил личной гигиены. Ребенок все пробует на вкус, каждая игрушка хотя бы раз попадает в рот любого ребенка, к тому же без присмотра родителей и педагогов не все моют руки перед едой и после посещения туалета.

К наиболее частым неинфекционным патологиям относятся:

• Заболевания сердца и сосудов.

• Респираторные заболевания.

• Сахарный диабет.

• Злокачественные новообразования

Скриннинговые обследования, диагностика и лечение неинфекционных заболеваний, оказание паллиативной помощи пациентам являются основными составляющими профилактики хронических неинфекционных заболеваний.

• Приказ Минздрава России от 30 сентября 2015 г. № 683н существенно усилил нормативную базу мероприятий, направленных на снижение смертно-

сти от сердечно-сосудистых, бронхолегочных, онкологических заболеваний и диабета [2].

• В этом порядке систематизируются мероприятия по пропаганде здорового образа жизни, проведению профилактических осмотров и ежегодных медицинских осмотров, выявлению факторов риска заболеваний и их развития в ходе клинического наблюдения за больными. Также рассмотрены основные вопросы профилактики неинфекционных заболеваний, пропаганды здорового образа жизни среди детей и подростков.

Профилактика неинфекционных заболеваний включает в себя следующие меры:

• санитарно-гигиеническое образование;

• проведение информационно-коммуникационной деятельности, направленной на поддержание здорового образа жизни, профилактику неинфекционных заболеваний и потребления психоактивных веществ;

• определить условия, способствующие нарушению основ здорового образа жизни, развитию неинфекционных патологий (курение, употребление алкоголя, употребление наркотических средств и психотропных веществ), их влияние на здоровье конкретного человека: пациент определяет, насколько это опасно;

• устранение факторов риска неинфекционных заболеваний, профилактика их осложнений (консультирование пациентов у специалистов или направление их в специализированные учреждения);

• диспансеризация и ежегодные медицинские осмотры;

• организация диспансерного наблюдения за больными неинфекционными заболеваниями (в том числе лицами, страдающими патологиями сердца и сосудов).

Итак, в данной работе мы кратко рассмотрели мероприятия, сопровождающие, казалось бы, такую рутинную медицинскую меру как профилактика незаразных заболеваний. Но если даже борьба с болезнями, не угрожающими обществу эпидемиями, имеет такой масштаб, то в годы пандемий медицина закономерно превращается в важный фактор социальной жизни.

Библиография.

1. Льюис К. С. Страдание / К. С. Льюис. Христианство: сборник. – М. : АСТ, 2018. – С. 7-104.

2. Приказ Министерства здравоохранения Российской федерации от 30 сентября 2015 г. № 683н.

URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=369340 (Дата обращения: 02.04.2024 г.)

УДК : 81.1

Эмпирическая база и основные модели конверсии неологизмов

Ф. Б. Бустанова

Oriental University (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В данной статье речь идет об эмпирической базе и основных моделях конверсии неологизмов.

Ключевые слова: эмпирическая база, конверсия, неоглогизмы, вербализация

Annotation. This article discusses the empirical basis and main models of neologism conversion.

Key words and phrases: empirical base, conversion, neologisms, verbalization

Любой язык представляет собой развивающееся явление, и. невзирая на усилия консерваторов и филологов-традиционалистов, его не удастся оградить от нововведений и изменений. В данной работе мы кратко рассмотрим основные модели конверсии неологизмов, которые являются неизбежной частью словообразования.

1) Вербализация. Эта модель наиболее распространена в английском языке. Вербализация, то есть образование глаголов из других частей речи, является наиболее продуктивной моделью преобразования. Проанализировав глаголы, образованные по этой модели, можно выделить несколько классов существительных, способных вступать в конверсионные отношения с другими словами:

2) Конкретные существительные (предмет, созданный и выполняющий определенное действие. Преобразованный глагол будет обозначать это действие):

3) Существительное, обозначающее орудие или орудие труда. Производный глагол будет иметь значение «действовать с помощью этого предмета»: лейкопластырь (лента, которую применяют при травмах) – to скотч (обматывать лентой раны); телетайп (приложения или ресурсы для отправки сообщений) – телетайп (передача или отправка сообщений через различные социальные сети); молоток (инструмент) забивать (бить молотком); зонт – (вещь, которую можно накрыть под дождем, чтобы не промокнуть) – зонтик – спрятаться под зонтиком; платье (ткань) – одевать (носить адрес); – функция, для которой первоначальное существительное; существительное, обозначающее части тела: большой и указательный палец большой и указательный палец к большому пальцу – взять два пальца; локоть (часть тела) – локоть – толкнуть локтем; лицо (часть тела) к лицу – встретиться, рука (часть тела) к руке – пройти, прикоснуться.

4) Абстрактное существительное. Существительные, обозначающие явления духовной, эмоциональной и физиологической сферы, могут образовывать глаголы, означающие «чувствовать (выявлять, показывать) эти явления»: выгода – преимущество – приносить пользу – помогать

5) Модель «период времени/быть где-то в определенном промежутке времени». Эти глаголы обозначают действие, совершающееся в период времени, указанный в исходном значении существительного. Описывают действие, которое указывает на нахождение в периоде времени.время, описываемое первым значением исходного существительного: выходные (выходной) – к выходным (провести выходные); праздник (каникулы) – к празднику – (расслабиться, провести отпуск); зима – (сезон) – к зиме – (провести зимний период); медовый месяц (романтическое призвание) – медовый месяц (провести медовый месяц).

6) Модель «название зверино-человеческого поведения сходно с поведением животных»: лиса – лиса (хитрить, действовать ловко); волк – волку (пожирать с жадностью); обезьяна – обезьянничать (дурачиться, подражать, веселиться); змея – змеиться (извиваться); собака – собаке (преследовать, защищать, следовать по пятам).

7) Модель «место / место в аналогичном месте». Эти глаголы обозначают действия, для которых исходное существительное предназначалось как инструмент или средство: бутылки – бутылить (хранить в бутылках); карман – в карман (положить в карман, карман); тарелка – to Plate (подавать на тарелке); дом – домить (поселить, приютить, обеспечить жильем); can (металлическая банка, жестяная банка) – консервировать (консервировать). Обоснование также можно считать своего рода обращением. При полном обосновании слово получает все грамматические особенности существительного. Но здесь процесс качественно иной, чем при реальных преобразованиях; в этих случаях новое слово появляется не в результате единовременного акта словообразования, а как следствие в процессе изменения синтаксических функций и значений уже того слова, которое существует в языке.

Сходство с конверсией связано с тем, что слово приобретает все грамматические свойства существительного, не изменяя своей основной формы. Априват, частный, рядовые, или анатив, хижина аборигена, туземцы, например. Некоторые существительные, созданные таким образом, например, «древние», «съедобные», «зелень», «сладости», «сокровища» и т. д., употребляются только или в основном во множественном числе. Они употребляются с определенным артиклем, передают значение множественного числа и являются собирательными, обозначая класс, группу или национальность: богатые, бедные, слепые, мертвые, англичане, французы, японцы, китайцы, и голландцы. Встречаются и омонимичные пары обоснованных прилагательных, исторически происходящих от древних флективных форм. Если имеется в виду одно лицо, то прилагательные не обоснованы, употребляется сложное или производное существительное или словосочетание: англичанин, испанка, испанка. Остальные прилагательные, обозначающие национальность, полностью субстантивированы: русский – русский (сравните француза – француза), а также: немцев, итальянцев, греков, американцев и римлян. Процессу обоснования могут подвергаться и причастия: живой, умирающий, раненый, безработный, покойный, обвиняемый,

осужденный, предполагаемый. Существительные, образованные от прилагательных, часто представляют собой абстрактные понятия. В этом случае им предшествует определенный артикль или какой-то определитель: настоящее (время), вы требуете невозможного, я постараюсь сделать все, что смогу, в общем и целом. Однако в стабильных комбинациях определяющий фактор также может отсутствовать: через огонь и воду, от плохого к худшему, в скором времени. Конкретные существительные, образованные от прилагательных, также могут употребляться с неопределенным артиклем: adaily, мн. ежедневные газеты; еженедельно, пл. недели; беспроводной. Прилагательное – это переход других частей речи в разряд прилагательных. Лишь на семантическом уровне существительные и причастие «I» взаимодействуют в процессе прилагательного в английском языке. Для причастия «I» характерно полное прилагательное. Эти термины становятся степенями сравнения и используются в синтаксических функциях, характерных для прилагательных. Полное судебное причастие. В английском языке «я» может служить как определением, так и сказуемым. Летняя одежда – это пример частичного прилагательного существительного, которое встречается во фразах или предложениях только тогда, когда оно служит определяющим термином перед дополнительными существительными. Процесс, в результате которого один или несколько дополнительных компонентов речи начинают выступать в роли наречий, известен как адвербиализация. Термин «наречие» устраняет формальные признаки, которые идентифицируют его как существительное, прилагательное или глагол.На современном этапе эта конверсия наименее плодотворна. Это результат использования в языке суффикса -ly: в частности, восхитительно. Следует отметить, что известны случаи параллельного употребления наречий с суффиксом -ly и без него. Эти слова обычно имеют разные значения: close – близко, deep – глубоко, широко – широко, late – поздно, high – высоко. На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что существует несколько основных моделей конверсии. В этом типе словообразования можно выделить наиболее и наименее продуктивные модели. В зависимости от морфологических свойств исходного и сгенерированного слова происходят различные процессы преобразования. Если начальные и производные слова – или хотя бы одно из них – морфологически изменяются, считается, что первый тип преобразуется. Изменение лексического значения слова, синтаксической функции, флективной парадигмы – все это предпосылки создания нового слова при конвертации первого типа. Примерами такого типа конверсии являются вербализация и обоснование, а также случаи, когда исходное слово – либо существительное, либо наречие. Конверсия второго типа наблюдается, если и исходное, и производное слова морфологически неизменны. Второй тип конверсии заключается в изменении синтаксической функции слова и его лексического значения. Примерами такого типа преобразования являются местоимения и союзы (кто, когда, почему и т. д.); предлоги и союзы (перед, после и т. д.); предлоги и наречия (вкл, выкл, в и т. д.). Преобразование первого типа может быть полным или частичным. При

полном преобразовании вновь образованное слово приобретает все свойства других частей речи. Например, существительные и прилагательные при вербализации начинают обозначать действие и употребляться в функциональном предикате, а также приобретают все флективные формы глагола. Например: «Они запишут программу»; «Программа записана на пленку»; «Они записывают программу» и т. д. Глагол «лента» образуется путем преобразования существительного «лента» в «ферромагнитную ленту». Прилагательные могут определять только что созданное слово с полной субстантивацией, употребляться с определенным и неопределенным артиклем, выполнять синтаксические функции существительного и иметь все естественные именные словоформы. Например, «Нотис - настоящий преступник». «Прекратите укрывать преступников». «Преступник был установлен». Современные английские прилагательные, полностью обосновывающие количество: are Revolutionary, Anative, aprivate, asavage, arelative, arussian, a American и т.д. При частичном преобразовании слово не обязательно приобретает все признаки другой части речи. Так, частично обоснованные прилагательные и причастия имеют следующие грамматические особенности: - не принимают окончания множественного числа, хотя и согласуются с глаголом во множественном числе («Приспособление сохранилось», «О нуждающихся позаботились», «Раненых срочно доставили в больницу»); - употребляются только с определенным артиклем и согласуются с глаголом в единственном числе («Сверхъестественное всегда пугает», «Надо научиться принимать неизбежное», «Невозможно сделать невозможное»); – имеют только форму множественного числа (casuals «обувь, обувь на каждый день»; экстерьеры «съемки на натуре, вне павильона» и т.п.). В связи с тем, что многие существительные образованы от глаголов, частичные преобразования используются только в форме единственного числа: «Меня это искренне напугало». «Это заставило меня сильно посмеяться». Таким образом вы приобретете чувство нации. «Фильм действительно был длинным». В связи с этим некоторые авторы предлагают рассматривать конверсию как аморфо-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется из корней или словоформ другой, а единственным средством словообразования являются слова. парадигма (или ее отсутствие) и ее совместимость с другими словами. Для преобразования в новоанглийский язык обычно используются омонимичные формы. Однако омонимия форм не является обязательной.условие конверсии, для которого наиболее значимым моментом является различие парадигм, свидетельствующее об образовании новых слов. В центре этой системы находятся коррелятивные пары:

- существительное глагол
- глагол существительное.

Принадлежность слова к пласту литературной, книжной и высокой лексики является стилистическим элементом, ограничивающим конверсионное действие. Поскольку глаголы могут образовываться из существительных, а существительные могут образовываться из глаголов на протяжении всего

процесса преобразования, словообразование не имеет каких-либо конкретных морфологических маркеров, которые можно было бы использовать для его идентификации. По этой причине крайне важно определить направления и производность словообразования при конверсии. Поэтому для того, чтобы определить направление внутренних производных, вполне обычно определяют семантическую связь между двумя словами. Например, любовь «любить» и любовь «любить», исходя из анализа смысловых отношений, находятся в таком же отношении, как ненависть «ненависть» и ненависть «ненависть». Эта смысловая аналогия позволяет считать существительное «любовь» производным от глагола. Таким образом, конверсия зависит от многих факторов. В зависимости от морфологических и стилистических особенностей оно протекает по-разному.

Библиография.

1. Барт Р. Система Моды: статьи по семиотике культуры / Р. Барт. – М. : Академический проект, 2018. – 512 с.
2. Жирмунский В. М. О границах слова / В. М. Жирмунский // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М. : 1963. – 300 с.
3. Загоруйко А. Я. К вопросу о конверсии в современном английском языке / А. Я. Загоруйко. – Ростов-на-Дону : РГПИ,1957.– 151 с.
4. Косицкая Ф. Л. Дискурс моды и его жанровая дифференциация / Ф. Л. Косицкая. [Электронный ресурс]. – pp. 22-26. https://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-mody-i-ego-zhanrovaya differentsiatsiya
5. Кубрякова Е. С. Что такое слово образование / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1965. – 48 с.
6. Мешков О. Д. Словообразование современного английского языка. Учеб. пособие для. ин-тов и фак. иностр. яз. / О. Д. Мешков. – М. : Наука,1976. – 94 с.
7. Ярцева В. Н. О внутренних законах развития языка / В. Н. Ярцева. – М. : 1952. – 98 с.
8. Jespersen O. A. Modern English Grammar on historical principles. Part IV. Morphology / O. A. Jespersen. – London, 1954. – 470 p.

УДК : 101.1:316.4.37.014

На пути к дивному новому миру
(Об одном неочевидном следствии реформ образования в современной России)

Р. Л. Лившиц

Независимый исследователь (г. Гатчина, Россия)

Аннотация. Реформы образования, проводимые все послесоветские десятилетия, привели к массе негативных последствий: снижение интеллектуального потенциала общества, утрата Россией репутации самой читающей страны в мире, понижение социального статуса преподавательского сообщества, оскудение культурной нивы и многое, многое другое. В статье выявлен и рассмотрен еще один эффект, который пока не попал в поле зрения исследователей: разделение общества на две категории (на людей, способных к самостоятельному творческому мышлению и полноценной духовной жизни, и тех, чей удел – репродуктивное мышление и примитивный культурный уровень).

Ключевые слова: реформа образования, репродуктивное мышление, интеллектуальный потенциал, духовная жизнь

Summary. The educational reforms carried out throughout the post-Soviet decades have led to a lot of negative consequences: a general decline in the intellectual potential of the society, the loss of Russia's reputation as the most reading country in the world, a decrease in the social status of the teaching community, the impoverishment of the cultural field, and much, much more. The article identifies and examines another effect that has not yet come to the attention of researchers: the division of society into two categories (people who are capable of independent creative thinking and a full-fledged spiritual life, and those whose destiny is reproductive thinking and a primitive cultural level).

Keywords and phrases: education reform, reproductive thinking, intellectual potential, spiritual life.

Тем, кто пока еще не утратил интерес к художественной литературе и обладает навыком чтения, хорошо известен роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир», впервые опубликованный более 90 лет тому назад. Жанр произведения – антиутопия. В обществе, созданном фантазией Олдоса Хаксли, люди разделены на сорта в зависимости от уровня развития интеллекта. Сам этот уровень определяется воздействием генетических факторов, подкрепленных соответствующим воспитанием. В «дивном новом мире» человеческие эмбрионы развиваются не в утробе матери, а в специальных бутылях; дело воспроизводства населения поставлено на конвейер, и качество конечного «продукта» определяется организаторами процесса. В итоге общество оказывается изначально поделено на касты: высший слой управленцев состоит из полноценных личностей, обладающих развитым интеллектом, а низшие слои способны лишь к выполнению простых, рутинных функций. Жизнь существ, образующие эти низшие касты, протекает без волнений, забот и тревог, в непрерывных играх, раз-

нообразных удовольствиях, чувственных наслаждениях и примитивных развлечениях. Свое тусклое прозябание они принимают за истинное счастье и искренне радуются *такой* жизни.

Олдос Хаксли относил действие своего романа к XXVI веку, т.е. к далекому будущему человечества. Но еще и века не прошло, как черты «дивного нового мира» стали явственно проступать в реальной действительности, в которую мы волею истории теперь погружены. Конечно, никаких бутылей с человеческими эмбрионами не существует. Нет, соответственно, и конвейеров, на которых эти бутыли совершают свое движение. Воспроизводство населения происходит традиционным путем, и тревожиться о том, что когда-то будет установлен иной порядок вещей, вроде бы нет оснований. Генетика как инструмент управления качеством населения в настоящее время не применяется и, надо полагать, никогда не будет применяться. В этом смысле мрачное пророчество Олдоса Хаксли, к счастью, не исполнится. Но вот тенденция, которую он глазами художника смог прозреть, а именно разделение общества на тех, кто способен к полноценной духовной деятельности, и тех, которым доступны лишь элементарные умственные операции и примитивные эмоции, – эта тенденция, к сожалению, вовсе не иллюзорна.

И тому, чтобы события развивались именно в этом направлении, в существенной степени способствуют реформы образования, проводимые в современной России.

Система образования – важнейший институт социализации личности. От того, каковы ее цели и приоритеты, зависит и доминанта формирующейся личности: ориентация либо на непосредственную пользу, на успех, на карьеру, либо на внутренний рост, приобщение к миру культуры во всей ее глубине и многообразии.

Система образования, сформировавшаяся в Российской империи, опиралась на передовые достижения европейской культуры и воспроизводила модель, в основе которой лежал гумбольдтовский университет [1; с. 22]. Самая характерная его черта – нацеленность на формирование широко образованной личности, способной к самостоятельному рациональному мышлению и автономному духовному поиску. В дореволюционные времена система образования отвечала самым взыскательным критериям качества, хотя и носила (из-за общей отсталости страны) верхушечный характер. Первая мировая война настолько истощила социальный организм России, что страна не выдержала выпавших на ее долю испытаний и распалась. Задача восстановления Российской империи была решена большевиками. Наша страна продолжила свое историческое бытие, но уже в формате Советского Союза. Новая власть могла сохранить страну и государство лишь при условии цивилизационного рывка. Лидер СССР И. В. Сталин в феврале 1931 года выразил эту мысль предельно четко и жестко: «Мы отстали от передовых стран на 50-100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [10; с. 34]. После романтических увлечений педагогическими экспериментами, которыми отмечено первое десятилетие советской власти, пришло трезвое осознание того, что

нужно по-хозяйски распорядиться доставшимся от старого режима наследием, воспользоваться его лучшими достижениями, к числу которых принадлежала, в частности, система образования. Все эксперименты прекращаются; создается школа, которая в своих базовых чертах воспроизводит гимназию. Этот тип учебного заведения представлял собой, в сущности, малый университет. «<…> Советская школа, – как справедливо отмечают Д. К. Богатырёв и И. И. Докучаев, – учила прежде всего мыслить» [1; с. 30]. Программа обучения включала в себя полный набор естественнонаучных и социально-гуманитарных дисциплин, что позволяло сформировать у учащихся целостное представление о природе, о месте своей страны и своего общества во всемирной истории, давало возможность приобщиться к лучшим достижениям отечественной литературы. Мертвые языки не преподавались, но для этого не существовало и материальных условий. Иностранный язык изучался в объеме, который был явно недостаточен для свободного им овладения. Вместе с тем изучение иностранного языка позволяло школьнику понять относительность языковых явлений и приоткрывало для него дверь в иные культурные миры. Приложив усилия, он мог при желании эту дверь широко распахнуть. Принципиальное значение имеет тот факт, что всем школьникам вменялось в обязанность писать изложение и сочинение. Если изложение еще можно считать проверкой способности к репродуктивному мышлению, то к сочинению такая оценка точно не относится. Жанр сочинения требует от ученика умения выстраивать сложную цепочку рассуждений, выдвигать определенные тезисы и приводить аргументы в их подтверждение. Это уже мыслительная деятельность в ее полном выражении, которая доступна только человеку с достаточно развитым интеллектом.

Отказ от советского проекта, произошедший более тридцати лет назад, идеологически освящался мифологемой «возвращения в лоно мировой цивилизации». Реформаторы были убеждены сами и стремились убедить всех в том, что советское общество – неправильное, «тоталитарное», «исторический мутант», «искусственная конструкция» и т.п. Следовательно, необходимо от «совка» избавиться и «возвратиться на столбовую дорогу цивилизации». Полной переделке подлежали все устои российского общества: экономические, политические, духовные, социальные. И все институты тоже. В том числе, разумеется, и такой важнейший институт, как образование. И вот уже более тридцати лет систему образования в нашей стране сотрясает лихорадка реформ, конца которым не видно. Общий замысел реформаторов и результаты его воплощения в жизнь рассмотрены в ряде исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9]. Иногда встречаются положительные оценки, но они крайне редки. Так, А.Н. Джуринский заявляет: «<…> В последние годы положение в российском общем образовании выправляется к лучшему. Растут стремления обеспечить комфортную педагогическую атмосферу, мотивацию учащихся, поощряя их успехи, познавательную и творческую активность, склонности и интересы» [3; с. 11]. (Стиль источника – Р. Л.) Подавляющее большинство авторов, пишущих о проблемах образования, настроено менее оптимистично. Так, М. Г. Лазар пришел к выводу, что «смысл проводимых реформ проявился <…> в ломке традиционных структур

высшего образования, в ломке прежних установок и идеалов системы высшего образования, в навязывании ценностей, несовместимых с ментальностью большинства жителей России» [6; с. 236]. С ним солидарен А.Н. Малинкин: «Некритическое следование ценностям, нормам и стандартам капиталистических стран Запада, прежде всего США, привело нас к тому же, для чего эти ценности, нормы и стандарты когда-то вводили там, и к чему там они уже привели – к духовной деградации и культивированию массового потребительства» [8; с. 184]. Такой результат, как убедительно показано в его исследовании, есть прямое следствие того, что реформы образования проведены в русле «подражательской догоняющей модернизации» [8; с. 192]. Резко критическая оценка реформ образования дана Д. К. Богатырёвым и И. И. Докучаевым. Их позиция вполне определенная: они расценивают реформы образования как «деградационные» [1; с. 55] и в целом для страны «вредоносные» [1; с. 7].

Любой социальный институт выполняет множество функций, но в рамках одной генеральной функции. Так, государство (в классовом обществе) – механизм господства правящего класса, армия – инструмент вооруженной борьбы с внешними угрозами, семья – первичная общность, в которой происходит воспроизводство человеческого рода, церковь – организация, имеющая своей целью удовлетворение религиозных потребностей верующих, и т.п. Генеральная функция образования – формирование личности, готовой и способной к позитивной социальной самореализации. Представления о том, какова эта личность, в чем заключаются ее достоинства, каковы ее цели и приоритеты, меняются от эпохи к эпохе, от общества к обществу. Так, советское общество, будучи конкретно-исторической реализацией проекта Просвещения, было направлено на формирование рационально мыслящей личности, обладающей системным мировоззрением и ориентированной на служение обществу. Эта цель определяла все стороны системы образования: организационные формы функционирования, содержание учебных программ, методику проведения занятий, социальный статус преподавательского сообщества и его материальное обеспечение и т.д.

Реформаторам досталось богатое наследие, которое ими было решительно отвергнуто как не соответствующее задаче «возвращения в лоно мировой цивилизации». Россия присоединилась к Болонской системе, что привело к радикальной ломке как структуры отношений внутри преподавательского сообщества, так и организации учебного процесса. Социальный статус педагогов был резко понижен, а материальное положение существенно просело относительно других социально-профессиональных групп. В современном российском обществе звание профессора не обеспечивает ни социального престижа, ни материального благополучия. О педагогах, занимающих иные квалификационные ниши, и говорить не приходится. Так, М. Г. Лазар с горечью констатирует: «Уровень оплаты вузовских ученых-педагогов и технического оснащения вузов России на порядок ниже по сравнению с их состоянием в странах, чей опыт копируется российскими реформаторами» [6; с. 242]. Но не это самое существенное. Главное деяние реформаторов – смена генеральной цели образования. С предельной откровенностью новая цель образования была сформулирована

А. А. Фурсенко в бытность его министром образования и науки: формирование квалифицированного потребителя. Мы должны быть благодарны экс-министру за то, что он ясно и точно обозначил систему мировоззренческих координат, в которой мыслят реформаторы. Эти люди – носители колониального мышления, для которых Россия – отсталая страна, не имеющая права на самостоятельное место в мире, и ее единственное предназначение – поставлять на мировой рынок природные ресурсы. Граждане *такой* страны должны довольствоваться плодами научно-технического прогресса, что создаются в «цивилизованном мире». И чтобы это положение сохранилось навсегда, необходимо существенно снизить интеллектуальный потенциал общества, лишить основную массу людей способности системно мыслить и самостоятельно творить.

В русле этой установки была произведена егэизация всей страны. Ни в императорской России, ни в Советском Союзе тестовая форма контроля знаний не применялась в качестве основной. И дело не только в технических трудностях, с которыми приходится сталкиваться при составлении тестов. Дело в том, что тестовая форма проверки знаний меняет сам тип обучения. Тест способствует формированию сообразительности (смышлености – в терминологии Д. К. Богатырёва [1; с. 61]), а это всего лишь низшая способность интеллекта. Каждый отдельный тест в общем случае поддается улучшению, но это не может устранить коренного порока тестовой системы. Учение есть формирование личности ученика в непосредственном общении с личностью учителя. И никакие тесты не в состоянии это изменить. Тестовая система превращает обучение в тренировку догадливости, в натаскивание, в дрессуру. Это система способствует формированию репродуктивного мышления, затрудняя или вообще блокируя становление мышления продуктивного.

Таким же образом влияет на образование другая новация реформаторов – замена академической парадигмы образования компетентностной. Вся теоретическая аргументация в пользу этого радикального изменения, если не сказать переворота, не выдерживает ни малейшей критики. Принижение знаний как якобы оторванных от реальной жизни и не представляющих практической ценности сведений, превознесение компетенций как чего-то такого, что делает человека более адаптированным к социальным условиям, более конкурентоспособным на рынке труда, – все это чистейшая софистика, основанная на отрицании неразрывной связи знаний и умений. Лишь то умение (компетенция) обладает достаточной прочностью, которое основано на понимании закономерностей объективной действительности. К тому же, апологеты компетентностной парадигмы не могут дать внятный ответ на вопрос о том, что такое компетенция, не способны объяснить, по каким объективным критериям компетенции можно выделить. Графики формирования компетенций, которые вынуждены составлять преподаватели в своих рабочих программах, – классический образец бюрократического бумаготворчества, полностью оторванного от действительности. Но общая тенденция ясна и понятна: реформаторы ставят во главу угла не подлинную образованность личности, не широту ее кругозора и интеллекту-

альный потенциал, не гибкость мышления и способность к творчеству, а умение приспосабливаться к ситуации. В общем, это та же игра на понижение.

Не может не тревожить очевидный факт утраты подрастающим поколением интереса к чтению и катастрофическое (без преувеличения!) падение уровня грамотности молодежи в сравнении со старшими поколениями. О. В. Капустина и М. И. Стрельцова замечают в этой связи: «Поголовная безграмотность детей и современной молодежи хорошо известна не только школе, но и вузовскому преподавателю» [4; с. 95]. И далее: «Из самой читающей страны мы превращаемся в страну нечитающей и плохо пишущей молодежи» [4; с. 95]. Конечно, дело тут не только в реформах, существуют и объективные факторы, способствующие падению интереса к чтению. Но реформаторы повинны в том, что они этому негативному процессу потворствуют. В частности, тем, что портят литературный вкус школьников, заставляя их читать графоманский опус А. И. Солженицына «Архипелаг ГУЛаг» и тому подобные поделки. Желающих ознакомиться с тем, как в современной школе в угоду идеологии приносится в жертву классическая русская литература советского периода, мы отсылаем к замечательной статье С. С. Царегородцевой [11].

По нашему мнению, общественность недооценивает значение того факта, что культура, основанная на слове, уступает место культуре, существующей в материале изображения и звука. Дело заключается в том, что выработка навыка чтения требует длительных целенаправленных усилий, которые сами по себе являются школой труда, школой дисциплины; а без нее немыслимо системное мышление. Кроме того, образ, возникающий у читателя при чтении художественной литературы, возможен только как результат работы творческого воображения. Восприятие аудиовизуального образа с таким эффектом не сопряжено, поэтому насмотренность не в состоянии заменить начитанность. А без начитанности выработать навык грамотного письма не получится. Чтобы писать без ошибок, нужно прочитать очень много хороших текстов. Знание правил орфографии и пунктуации помогает лишь начитанному человеку, а тот, кто в жизни до конца не осилил ни одной книги, в принципе не способен писать грамотно. А ведь это базовый навык культурного человека, без которого невозможно творчество ни в одной значимой сфере человеческой деятельности. Падение уровня грамотности молодежи – крайне тревожный знак, неоспоримый признак культурного упадка, поразившего отечество.

Общее оскудение культурной нивы в нашей стране, отсутствие сколько-нибудь серьезных достижений в кинематографе, литературе, музыке, других сферах культуры – прямой результат попытки «возвратиться в лоно мировой цивилизации». Где произведения музыкальной культуры столь же великие, как Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича? Где кинофильмы, сравнимые с мелодрамой Владимира Меньшова «Москва слезам не верит»? Или с лирической комедией Михаила Козакова «Покровские ворота»? Где романы, которые можно было бы поставить в один ряд с «Моментом истины» Владимира Богомолова? Чьи поэтические творения будоражат умы граждан современной России? И во что превратилась современная эстрада? Какой след в истории мировой куль-

туры оставит культура России послесоветских десятилетий? Словно о наших днях написаны эти строки Лермонтова:

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодовитой,
Ни гением начатого труда.

Словосочетание «мировая цивилизация» – это, в сущности, эвфемизм, маскирующий вполне осязаемую и зримую сущность, – современный западный капитализм. Общественный строй, запутавшийся в своих собственных противоречиях, строй, превративший основную массу людей в обывателей, единственный смысл жизни которых – потребление. Потребительство опустошает человеческую жизнь, превращает ее в нескончаемую изматывающую гонку за символами жизненного успеха. Потребителю не нужен разум, для него достаточен интеллект на уровне рассудка. Сообразительность заменяет ему ум. Широта кругозора для него вредна и опасна, ибо она разрушает тот уютный мир иллюзий, в который он погружен под воздействием всепроникающей рекламы. Сложность духовной жизни ему противопоказана, поскольку она мешает предаваться простым жизненным радостям, даруемым масскультом. Западный обыватель эволюционирует по направлению к существу класса эпсилон, которое создано воображением Олдоса Хаксли в его гениальной антиутопии. Усилия реформаторов образования в послесоветской России как раз и имеют своей целью окончательную и полную победы обывательщины в нашей стране.

Пока эта цель не достигнута, но ряд следствий уже проявился. О результатах реформ образования имеется обширная научная литература; на некоторые источники нами указано в настоящей статье. Мы хотели бы обратить внимание всех неравнодушных сограждан еще на одно следствие, которое обнаружило себя не столь отчетливо. Имеется в виду фактическое разделение людей на две категории: на тех, которые обладают продуктивным мышлением и способны к высшим проявлениям мыслительной деятельности, и тех, которым под силу лишь изображать такую деятельность.

Проявления этого разделения повсеместны, и каждый читатель на своем личном опыте (житейском и профессиональном) мог бы привести факты, подтверждающие наш тезис. Так, каждый вузовский преподаватель хорошо знает, что студенты делятся на две категории: тех, которые выполняют все письменные работы самостоятельно, и других, облегчающих себе жизнь путем приобретения нужных текстов в интернете. В наши дни достаточно набрать в строке браузера тему курсовой или выпускной квалификационной работы, как сразу же поступит несколько предложений от разных контор, готовых оказать помощь в написании текста. Разумеется, не бесплатно. Одни студенты на самом деле осваивают премудрости своей будущей профессии, а иные лишь делают вид, что учатся. Но диплом получают все одинакового образца. Так в одной со-

циально-профессиональной группе оказываются и невежды, и будущие настоящие профессионалы.

На это нам могут возразить, что так дело обстояло всегда, что в любом сообществе существует градация людей по признаку их способности к творчеству. И что внешние условия, в том числе и система образования, тут ни при чем. С первой частью данного тезиса мы согласны. Но вторая часть вызывает обоснованные возражения. Социальные условия можно уподобить климату. Он либо благоприятствует выращиванию культурных растений, либо создает для этого препятствия. Известно, что бананы в Сибири не растут, зато прекрасно чувствуют себя в тропиках. Так и социальный строй. В советский период отечественной истории условия для развития способности к саморекламе, к расталкиванию других людей локтями были не очень благоприятными, поскольку общественная собственность на средства производства делала такие умения ненужными. При капитализме, напротив, востребована личность, готовая к энергичной борьбе за место под экономическим солнцем. Но человек, поглощенный выживанием в бурном море рынка, не склонен предаваться размышлениям о законах природы и общества, ибо он занят более важными вещами, чем удовлетворение познавательного интереса. Поиск истины ради истины его мало увлекает.

Следует, однако, помнить, что человек – непростое существо. Несомненно, его формирует внешняя среда, и каждый индивид – продукт своей эпохи. Но человек, в отличие от животного, может противостоять среде, может сформироваться не благодаря, а вопреки внешнему влиянию. Да, общество стремится погрузить меня в сладкий сон потребительского счастья, но я такое счастье *презираю*. Да, общество хочет, чтобы я удовлетворился духовной жвачкой и не читал шибко умных книг, а лучше чтобы вообще не имел привычки к чтению. Но я *буду* читать, и жвачка мне *не нужна*, я хочу приобщаться к мировой и отечественной классике, каких бы трудов это мне ни стоило. Потрачу время на то, чтобы выучить наизусть повесть Пушкина «Медный всадник» или поэму Маяковского «Облако в штанах», а не на то, чтобы посмотреть по телевизору очередную мыльную оперу. Так или примерно так рассуждает человек, для которого прозябание в статусе существа класса эпсилон неприемлемо.

Реформы образования разрушают отечественную культуру, но одновременно вызывают сопротивление со стороны людей, не желающих духовно опускаться. И такая ситуация будет сохраняться до тех пор, пока «возвращение России в лоно мировой цивилизации» не прекратится. Нам не нужна местечковая замкнутость, нам необходима опора на то богатое духовное наследие, что досталось российскому обществу от гуманистической культуры Запада, преданной и опороченной постмодернизмом.

Библиография.

1. Богатырёв Д. К. Провинциализация империи. Очерки истории образования в постсоветской России / Д. К. Богатырёв, И. И. Докучаев. – СПб. : Изд-во РХГА, 2023. – 236 с.

2. Галочкин В. Т. Реформа образования в РФ / В. Т. Галочкин // Хроноэкономика. – 2022. – № 3(37). – С. 25-27.

3. Джуринский А. Н. Реформы российского образования: сравнительно-исторический аспект / А. Н. Джуринский // Преподаватель XXI век. – 2009. – № 4. – С. 7-15.

4. Капустина О. В. Проблемы высшего образования как зеркало школьных реформ / О. В. Капустина, М. И. Стрельцова // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. Гуманитарные исследования. – 2021. – № 1 (9). – С. 89-99.

5. Круглов В. В. Реформы народного образования и кадры высшей школы России / В. В, Круглова // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. Научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных работников и аспирантов по итогам НИР за 2015 год: сборник лучших докладов. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2016. – С. 14-16.

6. Лазар М. Г. Реформа высшего образования России – итоги и последствия глазами социологии образования / М. Г. Лазар // Ученые записки Российского государственного метеорологического университета. – 2016. – № 44. – С. 232-244.

7. Лившиц Р. Л. Когда закончатся реформы образования в России? / Р. Л. Лившиц // Вестник Российского философского общества. – 2022. – №3-4 (101-102). – С. 178-187.

8. Малинкин А. Н. Реформа образования и науки в РФ: социологическая рефлексия в контексте новейшей российской истории / А. Н. Малинкин // Россия реформирующаяся. – 2013. – № 21. – С. 173-203.

9. Савинова М. В. Падение интеллектуального потенциала России в результате реформы высшего образования неизбежно / М. В. Савинова // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. — 2013. – №7 (61). – С. 5-13.

10. Сталин И. В. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 / И. В. Сталин. Сочинения в 18 т. – Государственное издательство политической литературы, 1951. – Т. 13. – С. 29-42.

11. Царегородцева С. С. Демонтаж советской литературы: причины и следствия / С. С. Царегородцева // Русская мысль живет… – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2023. – С. 99-104.

УДК : 81.1

Новый подход к повышению образовательной эффективности преподавания английского языка

Н. Р. Ашурова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В данной статье на примерах показан новый подход к обучению иностранному языку на основе картинок с целью развития устной речи учащихся.

Ключевые слова: картинки, новый подход, жизненная проблема, устная речь.

Abstract. This article uses examples to show a new approach to teaching a foreign language based on pictures in order to develop students' oral speech.

***Key words and phrases*:** pictures, new approach, life problem, oral speech.

Использование любой педагогической технологии в образовательном процессе зависит от индивидуального характера того, кто учит ученика (или ученика) и кого учит учитель. Тренинги, проводимые на основе педагогических технологий, удовлетворяют стремление молодых людей выразить свое отношение к важным жизненным достижениям и проблемам, предоставляют им возможность подумать и обосновать свою точку зрения [2; с.80].

Для решения проблем, с которыми сталкивается система образования в инновационных процессах, происходящих в настоящее время, нужны люди, способные усваивать новую информацию и оценивать полученные знания, принимающие необходимые решения, независимые и свободно мыслящие.

Поэтому роль и значение современных методов обучения – интерактивных методов, инновационных технологий в образовательном процессе образовательных учреждений несопоставимы. Педагогические технологии, знания и опыт их применения в образовании обеспечивают наличие у учащихся (или учащихся) знаний и зрелых умений. Хотя картинки более полезны в начальных группах, их можно легко использовать и в старших группах. Картинки можно использовать поодиночке, парами, группами, как подсказки для создания рассказа. В качестве примера мы приводим следующий образец [1; с.17].

A hard-working wife and a lazy husband. ** Study the following words:*		
to dig	– (yer) qazimoq	– копать, рыть
a swing	– arg’imchoq	– качели
a spade	– belkurak	– лопата
to plant	– (ko’chat) o’tkazmoq	– посадить (дерево)
to yawn	– esnamoq	– зевать
to present smb. with smth.	– kimgadir nimadir sovg’a qilmoq	– подарить кому-либо что-либо
a watering-can	– leyka	– лейка

** Comment on the pictures giving as many ideas as possible to express your point of view.*



Picture I

1. Is it spring or winter?
2. Are there any leaves on the trees?
3. Is it warm or cold?
4. What is this woman doing?
5. Is she digging the ground?
6. What kind of instrument has she got in her hand?
7. Where is her husband?
8. Is he working or sleeping on the swing?

Picture II



1. Has the woman already digged the ground?
2. Where is her spade?
3. Has she planted any flowers yet?
4. What else is she bringing in the basket?
5. Is her husband still sleeping?



Picture III

1. Has the woman finished planting flowers?
2. Are there many flowers on the ground?
3. What is she doing now?
4. Is she watering the flowers with a watering can?
5. What about the man?
6. Has he awakened?
7. Why is he yawning?
8. He had a good rest, didn't he?

Picture IV

1. Has the woman watered the flowers?
2. Is she tired?
3. Where is her watering can?



4. Why is she looking at her husband in surprise?
5. What had happened?
6. What has he done?
7. Has he picked up all the flowers?
8. What is he going to do with them?

9. Is he presenting her wife with the flowers which she has planted?

10. Are you sorry for the woman?

11.What would you do if you were that woman?

12. Is it good for men to be so lazy? Discuss it [3; c. 35].

Картинки изображают реальный вид предметов и событий. Именно поэтому они служат для установления связи между иностранным словом, грамматическим событием и соответствующим понятием, облегчают использование языкового материала, а читатель легко запоминает это языковое событие благодаря наличию визуальной опоры. С помощью картинок можно создавать ситуации, побуждающие к речи.

Библиография.

1. Ишмухаммедов Р. Инновационные технологии в образовании / Р. Ишмухаммедов, А. Абдукадиров, А. Пардаев. – Ташкент : Истеъдод, 2008. – 180 с.

2. Саидалиев С. Очерки методики преподавания иностранного языка / С. Саидалиев. – Наманган : Хакикати, 2004. – 100 с.

3. Шохитова Н. М. Pictorial work book / Н. М. Шохитова, М. К. Абралова. – Ташкент : Укитувчи, 2009. – 70 с.

УДК : 372.8

Использование личностно-ориентированных образовательных технологий на уроках технологии

Н. А. Валиханова

Университет экономики и педигогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В процессе личностно-ориентированного обучения учащиеся получают возможность творчески, критически подходить к усвоению учебного материала, выдвигать новые идеи, обосновывать их, отстаивать свое мнение, находить эффективные решения проблемных ситуаций, усваивать знания, умения, навыки.

Ключевые слова: технология, личностно-ориентированное обучение, критическое мышление, традиционное обучение, интерактивное обучение, творческий подход, опыт.

Annotation. In the process of student-centered learning, students have the opportunity to take a creative, critical approach to mastering educational material, put forward new ideas, substantiate them, defend their opinions, find effective solutions to problem situations, and acquire knowledge, skills, and abilities.

Key words: technology, learner-centered learning, critical thinking, traditional learning, interactive learning, creativity, experience.

Слово технология происходит от греческого «tehnos» – ремесло, искусство, мастерство, «logos» означает наука, учение. Основная цель технологической науки – формирование у обучающихся навыков применения знаний, умений и навыков, полученных в ходе технико-технологического и технологического процесса, в самостоятельной практической деятельности, профессиональной ориентации, умения вступать в общественные отношения на основе национальных и общечеловеческих ценностей.

В современных условиях воспитательный процесс при всех его возможностях требует ориентации на развитие личности, социализацию и воспитание в ней навыков самостоятельного, критического и творческого мышления. Образование, способное проявить в себе эти возможности, называется личностно-ориентированным обучением. Применение личностно-ориентированных образовательных технологий в науке о технологиях дает очень эффективный результат. Поэтому на уроках технологии используются личностно – ориентированные образовательные технологии-направленные на развитие личности, особенностей, способностей учащегося с учетом стратегии мышления и действий. Это подразумевает адаптацию образовательной среды к возможностям учащегося. В соответствии с ним образовательная среда, педагогические условия, полнота образовательного и воспитательного процесса предполагают реализацию личностных возможностей, развитие способностей, обеспечение личностного созревания, обогащение мышления и мировоззрения обучающегося.

Специфический аспект личностно-ориентированного обучения заключается в создании благоприятной, необходимой среды для признания личности обучаемого иее всестороннего развития. Наука о технологиях в учебных процессах этот тип обучения служит для воспитания у учащихся таких

качеств, как самостоятельность, креативность, инициативность, ответственность, а также навыков самостоятельного, творческого и критического мышления. При организации данного вида обучения педагоги обязаны максимально индивидуально подходить к каждому ученику, уважать его личность, доверять ему. Более того, личностно-ориентированное образование выражает необходимость создания благоприятных педагогических условий для получения знаний, созревания как личности участниками образовательного процесса во взаимодействии в стиле педагог-ученик или Ученик-Ученик, группа воспитанников, ученик-коллектив. В основе личностно-ориентированной технологии лежит интеллектуальное и эмоционально-мотивационное развитие учащихся, формирование знаний и профессиональных компетенций, обеспечение ценностного подхода к процессу обучения, повышение активности, формирование самосознания и самостоятельности. Личностно-ориентированное образование-предполагает создание педагогической среды, адаптированной к личностным возможностям обучающегося, а также организацию учебно-воспитательного процесса. В данной технологии широко используются коммуникативные методы, рассмотрим некоторые их основные признаки:

1. Смотреть на каждого учителя как на великого человека, уважать его, понимать, принимать, доверять ему.

2. Необходимо создать такую среду обучения, в которой ученик почувствует себя личностью.

3. Не давить на ребенка и не преувеличивать его недостатки при усваивании знания, выявлять причины его плохого поведения и устранять их таким образом, чтобы не навредить личности ребенка.

4. Организовать атмосферу успеха в обучении, помочь ребенку добиться успеха в учебе, обрести уверенность в собственных силах и талантах. Дать учащемуся понять, что каждый из окружающих похож на него самого, развить в нем чувство сопричастности к коллективу.

5. Завоевание уважения и доверия преподавателя, а также взгляд на себя с личной точки зрения. При реализации личностно-ориентированного образования в школьной деятельности очень важно обеспечить условия для познавательного (умственного), коммуникативного (речевого), социально-эмоционального и физического развития детей.

При использовании в образовательном процессе личностно-ориентированных форм обучения учитель технологии должен строго соблюдать ряд условий:

– способность видеть каждого ученика как отдельную, уникальную личность;
– уважение учителя;
– воспитывать у учащихся чувство уважения к труду;
– умение правильно оценивать психическое состояние ученика;
– -учет желаний, интересов учащегося к трудовым отношениям;
– терпимое отношение к каждому ученику;

– уверенность учителя в своих силах, возможностях и стремлениях;

– создание благоприятной образовательной среды для правильного освоения основ науки и техники;

– предоставление студентам возможности свободно работать на практических занятиях, самостоятельно или в небольших группах;

– научить учащихся самостоятельно контролировать свою деятельность, определять эффективность своей деятельности, анализировать факторы достижений и последствия допущенных ошибок;

– не оказывать давления на учащихся в процессе обучения;

– не преувеличивать недостатки отдельного ученика;

– уметь создавать атмосферу “успеха” для каждого учащегося в процессе обучения;

– помочь каждому учащемуся добиться успеха в учебе;

– развивать способности ученика в изучении ремесел, помогать ему развиваться как личность;

– оценка конкретного поведения учащегося, а не его личности;

– как педагогу необходимо уметь завоевывать уважение и доверие каждого ученика.

В процессе личностно-ориентированного обучения учащиеся получают возможность творчески, критически подходить к усвоению учебного материала, выдвигать новые идеи, обосновывать их, отстаивать свое мнение, находить эффективные решения проблемных ситуаций, усваивать знания, умения, навыки. Применение педагогом в процессе обучения технологии различных активных методов, имеющих инновационный характер, служит развитию учащихся, дальнейшему развитию их способностей. В частности, на уроках технологии преподаватели должны уделять особое внимание обучению учащихся интересоваться учебной информацией, мыслить творчески, а при организации практических занятий мыслить исходя из своих знаний, умений, квалификации и опыта. Педагогами в процессе уроков технологии проводится: проблемное исследование, проведение небольших исследований, дебаты, дебаты, эвристическая беседа, работа в малых группах, эффективное, целенаправленное использование различных форм, методов, средств и технологий, предоставление учащимся возможности самостоятельного выбора методов при выполнении практических заданий, обеспечение работы учащегося в парах, подгруппах и коллективах, сосредоточение внимания на дизайне обучения не только улучшает качество обучения, но и повышает эффективность, при этом учащиеся создают благоприятные условия для развития личности.

В настоящее время выделяют следующие виды личностно-ориентированного обучения. Основные виды личностно-ориентированного обучения:

- ✓ творческие задания;
- ✓ задачи, требующие творческого подхода;
- ✓ проблемные ситуации;

- ✓ ролевые и деловые игры;
- ✓ дебаты, дебаты;
- ✓ соревнования в виде соревнований.

Кроме того, существуют следующие основные виды личностно-ориентированного обучения: инновационное обучение, совместное обучение, интерактивное обучение, проблемное обучение, проектное обучение, компьютерное обучение, развивающее обучение, дифференцированное обучение, модульное обучение, индивидуальное обучение, самостоятельное обучение, программное обучение и обучение игровым технологиям. Если мы сможем применить его правильно, урок будет успешным и с положительным эффектом. Особенно эффективно использование интерактивных методов обучения в технологическом образовании. На примере “интерактивных методов обучения”из личностно-ориентированных видов обучения наиболее оптимальным способом повышения эффективности обучения в современных условиях считается организация обучения с помощью интерактивных методов. Так что же такое интерактивные методы? Какими дидактическими возможностями они обладают? Какие результаты гарантирует разумное, целенаправленное применение интерактивных методов в образовательном процессе? Кратко ответим на подобные вопросы ниже. Интерактивное обучение (визуальное. «interact», по-русски «интерактивный»; «Inter» – взаимный, «act» – действовать) – образование, основанное на организации взаимного движения учащихся по пути усвоения знаний, умений, навыков и определенных нравственных качеств. По своей сути интерактивность трудового обучения относится к способности учащихся в процессе урока организовывать совместное, основанное на взаимодействии движение по пути усвоения знаний, умений, навыков и определенных нравственных качеств. С логической точки зрения интерактивность, прежде всего, выражает то, как социальные субъекты ведут диалог (диалог), действие, деятельность, основанную на взаимодействии. Каждый специалист, работающий в области науки о технологиях, хорошо знает, что традиционное образование также основано на разговоре (диалоге), и этот разговор организуется в следующих формах взаимодействия. Учитель-ученик, участники беседы в традиционном образовании, учитель-группа (коллектив) воспитанников. Участники беседы в интерактивном обучении:

- – ученик-ученик (работа в парах);
- – ученик-группа учеников (работа в группе или подгруппе);
- – ученик-коллектив воспитанников (работа в коллективе класса, группы);
- – педагог-информационно-коммуникационные технологии.

Во многих случаях эффективный результат дает индивидуальный подход к каждому ученику во внеклассных (кружковых) занятиях по технике. В процессе применения интерактивных образовательных технологий учащиеся получают следующие возможности: работать в сотрудничестве с группой или коллективом, свободно выражать свои идеи среди сверстников, демонстрировать свои знания без каких-либо психологических барьеров, творчески подходить к решению проблем, достигать душевной близости с

группой или товарищами по команде, уметь в полной мере проявлять свои внутренние возможности и способности, мыслить, обобщение мнений и сортировка наиболее важных из них, контроль и независимая оценка собственной деятельности, уверенность в собственных силах и силах, овладение навыками ориентироваться в различных ситуациях и уметь выходить из сложных ситуаций. Основные признаки интерактивного обучения: многозадачность, беседа (диалог), деятельность, основанная на мышлении, генерация (выдвижение) идей, наличие возможности выбора, формирование успешных ситуаций. Наука технология и преподавание процессов урока на основе личностно-ориентированного обучения, стимулирует интерес учащихся к усвоению знаний, стимулирует каждого участника образовательного процесса, оказывает положительное влияние на психику каждого учащегося, создает благоприятные условия для эффективного усвоения учебного материала, оказывает разностороннее воздействие на учащихся, пробуждает у учащихся мнение и отношение к изучаемым профессиям, формирует у учащихся жизненно необходимые навыки и умения, формирует компетенции, обеспечивает позитивное изменение поведения учащихся.

Библиография.

1. Мавлянова Р. А. Методика обучения труду / Р. А. Мавлянова, М. Т. Саитбаева. – Ташкент : Укитувчи, 2013. – 245 с.

2. Расулова З. Д. Дидактические основы развития у будущих учителей творческого мышления / З. Д. Расулова // European Science. – 2020. – Vol. 51, №.2-2. – pp. 65-68.

3. Расулова З. Д. Значений обучающихся технологической направленности личности на уроках трудового обучения. Учение XXI века / З. Д. Расулова // Педагогические науки. – 2018. – Т. 47, № 12. – С. 34-35

4. Методы-средства обучения предмету «Технология» в начальных классах https://moluch.ru/archive/289/64892/https://moluch.ru/archive/289/64892/

УДК : 81.1

Эффективная стратегия обучения грамматическим категориям английских местоимений в русской школе

А. И. Маткаримова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В статье даются общие мнения об эффективной стратегии обучения грамматическим категориям английских местоимений в русской школе.

Ключевые слова: дейксис, местоглаголия, категория положительности и отрицательности, метафорический дейксис

Annotation. The article gives general opinions on an effective strategy for teaching grammatical categories of English pronouns in Russian schools.

Key words: deixis, place verb, category of positivity and negativity, metaphorical deixis.

Наряду с местоименными средствами выражения дейксиса могут существовать и глагольные средства выражения дейктических категорий. В русской традиции такие слова иногда называют местоглаголиями. Местоглаголие - достаточно частое явление, однако оно недостаточно подробно описано. Недостаточное описание местоглаголия, по-видимому, связано с тем что в качестве своеобразных местоимений выступают обычные часто употребляемые глаголы, которые особым образом видоизменяют свое значение . Например «почем нынче идет клубника на рынке?. Здесь слова «идет» обозначает не передвижение, перемещение в пространстве, а цену, по которой ягоды меняют владельцы. Лишь некоторые глаголы движения допускают метафорическое изменение своего значения. Эти метафорические изменения, как показывают примеры, имеют дейктический характер, так как представляют собою цель обозначить указание на ситуацию. Поскольку указание на ситуацию производится с помощью метафорического использования глаголов, такой дейксис называют метафорическим. Поэтому наряду с основными категориями дейксиса (лица, места и времени) исследователи, занимающиеся этими вопросами, считают возможным выделить еще дейктическую категорию нормального состояния и оценки [14; с.97], т. е. они исходят в данном случае из метафорического употребления глаголов *«come»* и *«go»,* которые являются дейктическими в своем основном значении [2; с.65]. В качестве доказательства своих суждений они приводят такие примеры, как *He went out of his mind; He came out like a light,* в составе которых имеются глаголы *go, come,* обозначающие при метафоричном употреблении изменение состояния, а не непосредственно процесс движения, перемещения. Например англ.: *Give him a glass of water, he`ll soon come round; she went pale and remained silent;* русск.: К удивлению пришедшего в себя Виктора, отключившегося на какие-то мгновения мыслями и чувствами от реальности, его тяжело поряженный И-16, продолжая горизонтальный полет, бился в лихорадочной тряске, которая передавалась всему корпусу истребителя от мотора [Иван Стаднюк. Москва 41-й. «Ого-

нек»,1984]; – Хуршида бану пришла в себя только в Коксарае [8; с. 94]; От знакомого голоса дворцового из Балха принц пришел в себя [9; с. 333]

Основываясь на концепции Филлмора [17; с. 2] о различении дейктического и идиоматического употребления глаголов **come** и **go**, некоторые языковеды все-таки отстаивают точку зрения, согласно которой такие глаголы, как *bring as cause to come и take as cause to go(along with), send as cause (to begin) to go* (еще и учитывая их каузальное функционирование) можно интерпретировать в терминах дейксиса нормального состояния [11; с.476]

Действительно, дейктические глаголы *come* и *go*, а также *bring и send,* употребляясь идиоматично, обозначают скорее изменение состояния, нежели движения. В таком случае дейктическим центром становится понятие «нормального состояния» (человека). Если глаголы *come* обозначает "приходить в чувство", т.е. в нормальное состояние, то *go* – отход от такого состояния; говоря другими словами, *come* никогда не употребляется для обозначения отхода от нормального состояния, а *go* – для вхождения в нормальное состояние или пребывания в нем. Понятие "нормальное состояние" всегда предполагает, по мнению Кларка, допустимое или ожидаемое поведение человека – умственное или физическое. Это может быть изменение температуры тела человека при заболеваниях, при психических расстройствах, полученных, например, в результате автомобильных катастроф и т.д. Для обозначения ненормальной и нормальной температуры человеческого тела соответственно употребляются глаголы *go и come.*

Ср.: *John`s temperature went up today.*
John`s temperature came down today.

Изменение температуры воздуха также обозначается при помощи этих глаголов. Но оно отличается от понятия нормального состояния температуры тела человека. Здесь дейктическим центром становится понятие "подходящая или допустимая для организма человека температура воздуха". Это можно проследить на следующих (двух) примерах.

Ср.: *The temperature went up today.*
The temperature came down today.

В первом предложении содержится указание на повышение температуры воздуха по сравнению с нормой. В результате чего она становится не подходящей для человеческого организма, а второе предложение, наоборот, указывает на понижение температуры воздуха с таким же результатом. Возвращение к норме, соответственно, выражается следующим образом.

Ср.: *The temperature came down by early evening.*
The temperature had come up by lunch time.

В конструкциях типа *He went out like a light (became unconscious)* основу дейктического центра составляют различные психические состояния человека, а именно: потеря сознания, ума и т. д. Приводимые Кларком конструкции, такие как *He went out of his mind(= became mad), he went mad, He went off his mind(= became mad), He went into a temper, He went on a trip (=took drugs)* иллюстрируют вышесказанное положение; иными словами, данные примеры

описывают отход от нормального состояния, который может происходить в психике человека.

Другой ряд таких же конструкций, но только с глаголом *come* обозначает возвращение к нормальному состоянию с перемещением дейктического центра.

Ср.: He came round very slowly(= regained consciousness); They quickly came back to their senses, right mind(= regained consciousness), took hold on reality again, He came down (= recovered from a "high").

Разнообразные случаи идиоматичного употребления глаголов *come и go* связаны с ситуацией общения. Так, когда дейктическим центром становится понятие «оценки», то выбор глагола зависит от положительности/отрицательности или же нейтральности даваемой говорящим оценки относительно кого-то или чего-то. В приводимых ниже примерах *The tomatoes are coming along nicely this year и The tomatoes are going along nicely this year* – в первом предложении положительная оценка к относительно выраженной мысли может быт высказана либо любым другим, оценивающим и одобряющим выращивание помидоров; второе предложение более приемлемо, скажем, для нейтрального наблюдателя, не занимающегося вопросами выращивания овощей. Идиоматичное употребление аналогичных глаголов можно встретить и в других языках, например, в узбекском, в частности, особенно в разговорной речи.

Ср.: - *Бозорда қайси мевалар чаққон? (Что из фруктов хорошо идет на базаре?).*

- *Анор, узум, помидор, бодринг яхши кетяпти (Хорошо идут гранаты, виноград, помидоры и огурцы).*

Другой пример аналогичного употребления можно привести с глаголом *«ётмоқ»* в том же узбекском языке. Глагол *«ётмоқ»* вообще обозначает горизонтальное положение, которое могут занимать одушевленные и неодушевленные предметы объективной действительности. Однако данный глагол при идиоматичном употреблении выражает состояние (бездейственное). Ср.: *Самоварлар ётган* [5; с.30.]- букв. *Самовары слегли*; *Завод ётган – букв. Завод лежит* (бездействует) и т. п.

Завершая описание глаголов *come и go* в их дейктической функции нормального состояния и оценки, отметим, что они всегда ситуативно обусловлены и не являются частотными. Вероятность их появления в речи и тексте всегда зависит от условия коммуникации, а также обстоятельств, при которых данные глаголы реализуют свои дейктические функции нормального состояния и оценки.

Как видно из вышеизложенного, метафорический дейксис образуется из глаголов, т.е. из самых основных глаголов движения и противопоставленных им по смыслу глаголов состояния, обозначающие положение тела. Метафорический дейксис обозначает общие, динамические изменения, состояния или ситуации, при этом выражение изменения состояния всегда сопровождаются оценкой этого состояния или ситуации. Эти два значения являются основными

для местоглаголия, но при этом, как кажется, первичным является значение изменения состояния или ситуации, а вторичным – оценка.

При проведении данного исследования мы пришли к выводу о том, что существуют значительные различия местоимений в русском и английском языках. Самым основным различием являются разряды местоимений и их количество в рассматриваемых языках. Наличие или отсутствие категорий рода, числа и т.д также является одним из главных различий местоимений в данных языках. Мы считаем, что усвоение местоимений и их разрядов будет гораздо легче, если ученики будут использовать все полученные сведения о различиях и сходствах местоимений изучаемого и родного языков. Наша исследовательская работа может стать хорошим помощником в этом.

Библиография.

1. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Просвещение, 1990. – 301 с.

2. Арнольд И. В. Стилистика английского языка / И. В. Арнольд. – М. : Высшая школа, 2002. – 395 с.

3. Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка / И. Р. Гальперин. – М. : ИЛ, 1958. – 456 с.

4. Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 1997. – 448 с.

5. Драйзер Т. Сестра Керри / Т. Драйзер. – М. : Высшая школа, 1968. – 593 с.

УДК : 740.1.

Отношение воронежских студентов к учебному процессу в ВУЗе

Д. В. Сосунов

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В работе предпринимается попытка описать отношение студентов к некоторым аспектам учебного процесса в ВУЗе. В рамках исследования Центра политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН, который реализует серию опросов, направленных на изучение жизненного мира, социальных и политических ориентаций студенческой молодежи «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». В данной статье показанырезультаты опроса воронежских студентов, направленных на раскрытие их мотивации при выборе ВУЗа, оценки полученных знаний и умений, отношение к дистационным формам обучения и в целом уровень удовлетворенности различными сторонами учебного процесса.

Ключевые слова: учебный процесс, отношение студентов, мотивация

Abstract. The paper attempts to describe students' attitudes to certain aspects of the educational process at a university. As part of a study by the Center for Political Science of the ISPI FNISC RAS, which is implementing a series of surveys aimed at studying the life world, social and political orientations of student youth, “Students of Russia: civic culture and life strategies.” This article shows the results of a survey of Voronezh students aimed at revealing their motivation when choosing a university, assessing the acquired knowledge and skills, attitude towards distance learning forms and, in general, the level of satisfaction with various aspects of the educational process.

Keywords and phrases :educational process, student attitude, motivation

Исследование учебного процесса в высших учебных заведениях является очень актуальным и важным, поскольку оно позволяет оценить эффективность образовательного процесса, выявить проблемы и недостатки, а также разработать методы и стратегии их решения. Регулярные исследования учебного процесса и получение актуальной «обратной связи» от студентов помогают повысить качество образования, обеспечить индивидуализацию обучения, улучшить условия и ресурсы для студентов и преподавателей, а также адаптировать программы и методики обучения к современным требованиям и вызовам. В целом, изучение учебного процесса помогает создать условия для успешной учебы и профессиональной карьеры студентов, а также повысить репутацию и эффективность высших учебных заведений.

Рассматривая термин «отношение» в сфере образования, а именно в контексте отношения студентов к процессу обучения, можно прийти к выводу, что отношение – это субъективные внутренние эмоциональные переживания студентов, вызванные удовлетворением или неудовлетворением их потребностей, ожиданий в ходе процесса обучения [1; с. 54].

Одна из основных проблем современной психологии и педагогики — отсутствие интереса студентов учиться, получать знания. Поступая в вуз, абитуриенты хотят получить определенный объем знаний для дальнейшей жизни или удовлетворения собственных потребностей, но со временем у одних мотивация к учебному процессу исчезает, не успев проявиться, а у других — по разным причинам утрачивается со временем. При понимании механизма формирования

мотивационной сферы студентов и использовании педагогических и психологических механизмов мотивации, преподаватели смогут эффективно управлять образовательным процессом, вызывая интерес студентов к изучению дисциплин по выбранному направлению, тем самым повысить качество образовательного процесса [2].

Центр политологии ИСПИ ФНИСЦ РАН реализует серию опросов, направленных на изучение жизненного мира, социальных и политических ориентаций студенческой молодежи «Студенты России: гражданская культура и жизненные стратегии». Исследовательский коллектив: д-р полит. наук Великая Н.М. (руководитель), канд. социол. наук Ирсетская Е. А., канд. социол. наук И. С. Шушпанова, ст. науч. сотр. О. П. Новоженина. В исследованиях использована квотно-пропорциональная всероссийская выборка с взаимозависимыми характеристиками генеральной совокупности: пола, возраста, места жительства, уровня получаемого образования и направлений подготовки высшего образования. После ремонта выборки объем выборочной совокупности составил 6389 респондентов. Опрос населения проведен в апреле-мае 2023 г. в следующих регионах Российской Федерации: ЦФО (Липецкая область, Москва, Московская область, Смоленская область, Воронежская область), СЗФО (Вологодская область, Ленинградская область, Республика Коми, Санкт-Петербург), ЮФО (Волгоградская область, Краснодарский край, Ростовская область), СКФО (Республика Дагестан, Республика Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарская республика, Республика Ингушетия, Чеченская Республика), ПФО (Нижегородская область, Пермский край, Республика Татарстан, Саратовская область), УрФО (Свердловская область, Челябинская область), СФО (Алтайский край, Иркутская область, Омская область), ДФО (Приморский край, Республика Саха Якутия, Республика Бурятия, Хабаровский край).

Количество респондентов в Воронежской области - 221 человек. Сбор данных в регионе осуществлялся в ВГУ, ВГУИТ и ВГТУ под руководством заведующего кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета Д. В. Сосунова.

Цель данной работы состоит в попытке описать некоторые характеристики отношения к учебному процессу в ВУЗах студенческой молодежи Воронежской области.

Причины выборы учебного заведения

Студентам был задан вопрос в табличной форме «Что повлияло на Ваше решение учиться в этом вузе?», в котором предлагалось оценить различные суждения по шкале от 1 до 5. Где оценка «1» соответствовала мнению «совсем не согласны», а «5» — «полностью согласны». Остановимся на анализе каждого суждения подробнее. Так, с вариантами «рекомендовали родители», «посоветовали учителя», «положительные отзывы друзей», «личный пример знакомых обучавшихся в данном ВУЗе» большинство опрошенных категорически не согласилось (37,1%, 59,7%, 42,1% и 36,2% соответственно). В эту же категорию можно отнести утверждение «семейные традиции», 72,9% молодых людей со-

всем не руководствовались данной позицией при выборе вуза. В противовес выбора места обучения по рекомендациям и чужому опыту выступают позиции, основанные на собственных инициативах и стремлениях, «соответствовало моим представлениям о современном учебном процессе», «желание обеспечить стабильный достаток в будущем», «стремление получить интересный круг общения, связи» – 25,8%, 39,8% и 35,3% респондентов полностью согласны с данными утверждениями. Утверждения, касающиеся качеств самого вуза «престиж ВУЗа, его репутация как передового ВУЗа», «востребованность выпускников этого ВУЗа», «Информация из ТВ, Интернета, СМИ», «возможность получить международный диплом», «ориентация ВУЗа на мировые образовательные стандарты», «удачное расположение, близко от дома», «комфортная образовательная среда» имеют равномерное распределение ответов по степени согласия респондентов, что указывает на не столь важное значение данных параметров при выборе будущего ВУЗа. В то же время непопулярность позиций «случайно, наугад: «авось будет неплохо» и «перспектива продлить беспроблемный период жизни» свидетельствует об осознанном и рациональном подходе со стороны молодых людей к выбору будущего места обучения.

Таблица 1

Мотивация респондентов при выборе ВУЗа

Позиции	**Оценка в баллах**				
					5
Рекомендовали родители	7,1	6,7	9	0,9	16,3
Посоветовали учителя	9,7	2,2	1,3	,7	9
Положительные отзывы друзей	2,1	4,5	4,9	0	18,6
Соответствовало моим представлениям о современном учебном процессе	9,9	7,6	7,2	9,5	25,8
Престиж ВУЗа, его репутация как передового ВУЗа	2,7	4	1,3	4,4	27,6
Востребованность выпускников этого ВУЗа	3,5	7,2	7,6	9,9	21,7
Информация из ТВ, Интернета, СМИ	5,8	6,7	1,3	3,6	22,6
Личный пример знакомых обучавшихся в данном ВУЗе	6,2	6,7	6,3	0	20,8
Семейные традиции	2,9	0,4	,2	,2	6,3
Легче было поступить по моему направлению	9,5	3,1	7,2	2,6	27,6
Возможность получить международный диплом	8,4	7,6	2,7	,3	14,9
Ориентация ВУЗа на мировые образовательные стандарты	9,8	9,5	6,3	0	14,5

Удачное расположение, близко от дома	1,6	7,6	0,4	4,5	15,8
Случайно, наугад: «авось будет неплохо»	2,5	8,6	3,6	1,3	14
Комфортная образовательная среда	8,5	4,9	0,4	2,7	13,6
Убеждение, что высшее образование даст возможность стать культурным человеком	3,5	7,6	9,9	4,9	24
Желание обеспечить стабильный достаток в будущем	3,6	1,8	7,6	7,2	39,8
Стремление получить интересный круг общения, связи	3,6	5,4	4,9	0,8	35,3
Возможность вести активную студенческую жизнь	6,2	9,9	5,8	5,4	22,6
Мои победы в олимпиадах гарантировали поступление	9,3	5,4	,8	,1	10,4
Перспектива продлить беспроблемный период жизни	7,1	2,2	0,9	0	19,9

Оценка успеваемости, полученных знаний и навыков

Ответы на вопрос «Какая у Вас успеваемость за время обучения?» распределились следующим образом: 18,1% респондентов утверждают, что получали оценки «только отлично», 31,7% — «только хорошо и отлично», что демонстрирует достаточно высокую успеваемость среди опрошенных. Среднюю успеваемость, в диапазоне «преимущественно хорошо и отлично, но иногда бывают оценки удовлетворительно», отметили 38,9% молодых людей. Низкую же успеваемость, согласно ответам опрошенных, «преимущественно удовлетворительно, но иногда бывают оценки хорошо» и «главным образом удовлетворительно» отметили всего 8,1% и, соответственно, 3,2% респондентов.

Таблица 2.

Оценка успеваемости

Варианты	**%**
Только отлично	18,1
Только хорошо и отлично	31,7
Преимущественно хорошо и отлично, но иногда бывают оценки удовлетворительно	38,9
Преимущественно удовлетворительно, но иногда бывают оценки хорошо	8,1
Главным образом удовлетворительно	3,2

Согласно результатам опроса, большинство респондентов придерживаются мнения «в целом учеба интересна, но есть отдельные скучные и неинформатив-

ные дисциплины» (43,9% опрошенных), на втором месте по популярности ответ «не совсем оправдались ожидания, много неинтересных дисциплин, слабо связанных с будущей профессией» (25,8%), на третьем — «да, учеба в вузе интересна и содержательна, курсы связаны с будущей профессией, жизнью» (19,9%). Разочаровались в получаемых знаниях 2,7% и 3,2% опрошенных, выбрав ответы «совсем нет, задумываюсь о том, чтобы сменить направление подготовки» и «совсем нет, задумываюсь о том, чтобы прекратить учебу как бесполезное занятие» соответственно.

Вовсе не задумывались над данной темой 4,5% опрошенных.

Таблица 3.

Оценка учебного процесса

Вариант	**%**
Да, учеба в вузе интересна и содержательна, курсы связаны с будущей профессией, жизнью	19,9
Да, в целом учеба интересна, но есть отдельные скучные и неинформативные дисциплины	43,9
Не совсем, много неинтересных дисциплин, слабо связанных с будущей профессией	25,8
Совсем нет, задумываюсь о том, чтобы сменить направление подготовки	2,7
Совсем нет, задумываюсь о том, чтобы прекратить учебу как бесполезное занятие	3,2
Не задумывался об этом	4,5

Респонденты оценили качество получаемых в ВУЗе надпрофессиональных навыков. Полученные результаты позволяют сделать следующие выводы.

Первым выводом является то, что средние оценки, предоставленные респондентами в оценке качества получаемых надпрофессиональных навыков в ВУЗе, колеблются около 3 баллов. Это разнообразие оценок можно объяснить тем, что студенты обучаются на различных специальностях, что, в свою очередь, приводит к разнообразию в качестве получаемых навыков.

Вторым важным выводом является тот факт, что существуют навыки, которые респонденты оценили выше остальных. К ним относятся: эффективное мышление (3,68 из 5), коммуникационные навыки (3,7 из 5) и работа с людьми (3,72 из 5). Эти так называемые «мягкие навыки» (soft-skills) востребованы в различных профессиях и способствуют успешному карьерному росту.

Также стоит отметить, что наименьшие оценки были получены в отношении более узких навыков, которые непосредственно связаны с учебной специальностью и профилем ВУЗа. В частности, средняя удовлетворенность творческими навыками оценена студентами на 3,04 из 5 баллов, в то время как про-

граммирование и робототехнику оценивают на 3,21 из 5 баллов, а экологическое мышление на 3,27 из 5 баллов. Остальные надпрофессиональные навыки показывают сходные оценки, колеблясь в диапазоне 3,3-3,5 баллов 31. Удовлетворенность качеством получаемых узкопрофессиональных навыков

Удовлетворенность качеством получаемых узкопрофессиональных навыков студентами. Полностью удовлетворены – 12,2%. Скорее удовлетворены – 36,7%. Чем-то удовлетворены, чем-то не удовлетворены – 33% опрошенных. Скорее не удовлетворены – 7,2%. Полностью не удовлетворены – 2,7%. Не знают, что такое узкопрофессиональные навыки – 8,1%

Результаты частотного анализа позволяют сделать следующие выводы об удовлетворенности качеством получаемых узкопрофессиональных навыков. Всего 12,2% опрошенных студентов выразили полную удовлетворенность качеством получаемых узкопрофессиональных навыков. Это говорит о наличии доли студентов, для которых образовательные программы удовлетворяют их ожидания и потребности. Наибольшая доля (36,7%) студентов скорее удовлетворены навыками, которые они получают.

В то время как 33% опрошенных студентов чувствуют смешанные эмоции по поводу узкопрофессиональных навыков. Это может указывать на различия в качестве образования на разных специальностях и важность дополнительных усилий для улучшения этой ситуации. При этом 8,1% студентов признали, что не знают, что такое узкопрофессиональные навыки, что может указывать на необходимость более ясной коммуникации и информирования. Кроме того, 7,2% студентов выразили скорее недовольство качеством получаемых навыков, что может быть признаком несоответствия образовательных программ их ожиданиям.

Среди опрошенных 2,7% полностью не удовлетворены узкопрофессиональными навыками, что требует серьезного внимания и возможных изменений в образовательном процессе.

Удовлетворенность некоторыми аспектами учебного процесса

Студентам был задан вопрос в табличной форме «В какой мере Вы удовлетворены такими аспектами учебы, как?», в котором предлагалось оценить различные аспекты по шкале от 1 до 5. Где оценка «1» соответствовала мнению «полностью не удовлетворен(а)», а «5» – «полностью удовлетворен(а)». Анализ средних показал, что студенты наиболее не удовлетворены качеством Wi-Fi интернета в ВУЗе (2,62 из 5), организацией общественного питания (2,81 из 5), доступностью зон для самостоятельной работы (2,87 из 5). Также респонденты низко оценили условия проживания в общежитиях (3,16 из 5), качество внешних онлайн-курсов (3,17 из 5), организацию внеучебной работы (3,21 из 5), обеспеченность мультимедийным оборудованием и компьютерами (3,25 из 5).

Вышеперечисленные позиции относятся к материально-техническому обеспечению ВУЗов, что влияет на общую удовлетворенность учебным процессом и представлении о конкретном учебном заведении. Однако опрошенные

высоко оценивают взаимодействие и отношения с вузовскими работниками разного уровня: взаимодействие с деканатом, методистами – 3,76, отношение преподавателей к студентам – 3,84, отношение кураторов и тьюторов к студентам – 3,84.

Оценка остальных позиций варьируется около 3,3-3,6 баллов. Следовательно, можно сделать вывод о средней удовлетворенности учебным процессом среди студентов высших учебных заведений.

Таблица 4.

Оценка некоторых аспектов учебного процесса

Позиции	Оценка в баллах					Средняя оценка
Качество внутривузовских аудиторных занятий	2,4	1	6,1	8	2,5	3,37
Качество учебных и производственных практик	0,6	3,8	6,1	6,6	2,9	3,38
Качество научно-исследовательской работы	,2	,7	9,5	9	2,6	3,46
Качество мастер-классов, деловых игр, тренингов	5,2	0,6	4	4,9	5,3	3,35
Качество внешних онлайн-курсов	6,1	4,7	6,1	2	1,1	3,17
Обеспеченность печатной учебной, научной литературой	1,1	,7	5,3	6,3	7,6	3,5
Обеспеченность электронной учебной, научной литературой	,8	,5	3,7	8,8	1,2	3,65
Применение балльно-рейтинговых систем, электронных зачёток	7,1	,4	2,6	8	5	3,47
Независимый тестовый контроль по дисциплинам	1	1,5	4,3	8,9	4,3	3,44
Использование электронного личного кабинета студента	,3	,3	9	6,4	6,1	3,71
Отношение преподавателей к студентам	,1	,4	9,4	4,6	3,6	3,84
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	0,1	2,8	0,2	8	8,9	3,53
Информационная культура, цифровая грамотность преподавателей	,8	0,1	0,3	0,9	0	3,63
Взаимодействие с деканатом, методистами	,9	,3	0,4	0,1	4,1	3,76
Отношение кураторов, тьюторов к студентам	,8	,2	5,7	5,3	1,9	3,84
Обеспеченность лабораторным научным оборудованием	3,8	4,3	4,9	3,5	3,5	3,29
Обеспеченность мультимедийным оборудованием, компьютерами	5,7	4,3	3,5	2,1	4,4	3,25
Возможность пользоваться «быстрым» Интернетом, Wi-Fi в ВУЗе	1,8	7,5	2,1	4,3	4,3	2,62

Доступность зон для самостоятельной работы, коворкингов	4,7	8,1	2,3	4,9	0	2,87
Организацией внеучебной работы	4,9	8,1	1,9	1,4	3,7	3,21
Расположение учебных корпусов, аудиторий	0,2	,3	3,7	5,1	1,6	3,59
Расписание занятий, внутривузовская логистика	3,4	4,3	0,3	6,7	5,3	3,36
Организация общественного питания в ВУЗе	1,7	3,3	8,3	6,1	0,6	2,81
Санитарно-гигиенические условия в ВУЗе	0,7	4,9	3,3	8,8	2,3	3,37
Условия проживания в общежитиях	5,7	3,4	2,7	6,1	2,1	3,16
Доступность спортивных объектов	3,8	1,5	7,6	3	4	3,32

Студентам предлагалось оценить качество полученных знаний в онлайн формате, на что были получены следующие ответы: 13,6% обучающихся ответили, что знания, полученные в онлайн формате были глубже и лучше, чем в традиционном формате; 37,1% отметили, что качество полученных знаний в обоих форматах не различаются; 27,6% считают, что онлайн обучение поверхностнее и слабее, более формализованнее, чем традиционное. Не смогли оценить различия знаний в разных форматах 21,7% опрошенных.

Респондентам предлагалось выбрать предпочтительную форму проведения занятий. Ответы распределены следующим образом: наибольшее количество респондентов выбрало предпочтительной формой форму «совмещенную – лекции и самостоятельную работу в онлайн, практики» (43%), на втором месте по популярности форма «традиционную, все занятия в аудитории» (21,7%), третье место занимает форма «лекции и практики в аудитории, самостоятельную работу в онлайн» (15,4%), 11,3% опрошенных предпочли бы перенести формат обучения полностью в режим онлайн. Затруднились обозначить наилучшую форму обучения 8,6% опрошенных.

Таким образом, можно прийти к выводу, что отношение студентов к обучению зависит от успешности получаемых знаний, умений и навыков, эмоций, которые студенты испытывают в процессе обучения и мотивации при выборе ВУЗа. Понимание сути формирования и реализации этих компонентов отношения способно помочь не только преподавателям в мотивировании студентов, но и самим студентам, значительно облегчив им процесс обучения за счет понимания своих внутренних стремлений. Применение инновационных дистанционных технологий и коммуникаций является неотъемлемой частью образовательного процесса современного вуза. Обеспечение качества процесса обучения во многом зависит от созданных условий и инфраструктуры, применяемых сервисов и технологически наполняемых образовательных программ. Результаты подчеркивают разнообразие уровней удовлетворенности студентов учебным процессом. Для улучшения образовательного опыта необходимо учитывать эти

различия и стремиться к удовлетворению потребностей разных групп студентов. Также важно продолжать работу над информированием студентов о том, что они могут получить дополнительно от своего учебного заведения.

Библиография.

1. Капустина Т. В. Отношение студентов к процессу обучения в ВУЗе / Т. В. Капустина, Е. М. Гончарова // Альманах современной науки и образования. – 2017. – № 1(115). – С. 54 55.

2. Распаева Ч. К. Учебная мотивация студентов как психолого-педагогическая проблема / Ч. К. Распаева // Наука и инновационные технологии. – 2020. – №2. – URL: https://www.researchgate.net/publication/347955768 (Дата обращения: 10.04.2024 г.)

УДК : 1(91)

Значение литературы в жизни студента

Ф. К. Хабибуллаева, М. Р. Позилова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В данной статье рассказывается, как влияет литература на формирование личности каждого студента.

Ключевые слова: информация, виртуальный мир, художественная литература, современный мир, интернет.

Annotation. This article describes how literature influences the formation of the personality of each student.

Key words: information, virtual world, fiction, modern world, Internet.

Интеллектуальное и нравственное развитие студента напрямую связано с получаемой ими информацией. Огромную роль в формировании личности играют интернет и книги. Сегодня статус чтения, отношение к нему сильно изменилось. Чтобы вернуть интерес к чтению этот процесс важно поддержать. Для этого книги должны быть доступны каждому, а выбор чтения - разнообразен.

Нынешнее время считается информационным. Компьютерныймир «держит» сознание молодежи (в нашем случае студента) под сильным воздействием, гипнотизируя их. В результате на чтение художественной литературы у них не остаётся ни желания, ни времени. А ведь классическая литература оказывает огромное воспитательное влияние на интеллект, на мировоззрение, а также на речь студента. Человек перестает думать, когда перестает читать.

Огромную роль в отборе и восприятии художественной литературы играет интерес человека, его стремление к познанию, к утверждению собственных мыслей и т.п. По тому, какие книги предпочитает человек, прекрасно видно, чего ему не хватает в реальной действительности. Дети, а затем подростки и молодежь, стремясь преодолеть обыденность окружающей жизни, тоскуя о чуде, выбирают сначала волшебные сказки, затем фэнтези и фантастику.

Если все мы хотим жить в обществе знаний, нам необходимо осознать истину:

- чтение играет огромную роль в образовании, воспитании и развитии человека;

- книга (не имеет значения в печатной или электронной форме), попрежнему является основой культуры и грамотности;

- важность книги и чтения неоспорима, и эта идея поддерживается мировым сообществом.

Литература всегда стояла в особом ряду и оказывала большое влияние на душу человека, на её формирование. Она является другом, путеводителем человека. Литературные произведения помогают нам делать свой нравственный выбор; задуматься над теми вопросами, которые, в конечном счёте, влияют на самовоспитание. Литература ведет ребенка к вершинам духовности и работе мысли; формирует определенные жизненные ценности. Без сомнений, литера-

тура, даже спустя столетия, будет играть огромную роль в жизни каждого, но проблема популярности книги остаётся актуальной.

В результате проблема современного учителя на наш взгляд состоит в том, что книгу заменяют информационно-коммуникационные технологии, компьютерные игры. Только истинно переживающий преподаватель за обучающегося, сумеет смоделировать образовательный процесс таким образом, чтобы студенту захотелось взять книгу с душевным трепетом в руки, осознавая, что это что-то загадочное и очень нужное. Духовное взаимодействие преподавателя и студента – важнейшее условие успеха.

Очень важно найти такие методы и приемы обучения, которые бы в наибольшей мере способствовали формированию у студентов не только знаний, умений и навыков, что тоже очень важно, но и воспитывали устойчивый интерес к чтению, вызывали потребность перечитать произведение заново, осознать идею автора. Чтобы студенты больше читали, им надо создать мотивацию на чтение произведения, т.е. вызвать у них интерес к тому, о чем они, по сути, ничего не знают.

Например, это могут быть различные книжные выставки или чтение вслух: «Громкие чтения» и «Чтения с остановками», а также встречи с писателями, или же литературные игры и конкурсы. Ведь формирование читательских интересов требует индивидуального подхода.

На наш взгляд, эти методы и приемы помогутне только заинтересовать студентов к чтению, но и постепенно заразить любовью к нему. Игровой характер изучения литературных произведений способствует активизации читательского интереса учащихся. Добиваясь этого, ставим очередную задачу – перестроить внутреннюю установку и развить интерес к художественной литературе. Есть студенты, которых необходимо научить думать в процессе чтения, анализировать, делать выводы и т. д.

Таким образом, использование разнообразных приемов и методов работы с художественным текстом будет способствовать активизации читательского интереса студентов.

Библиография.

1. Балатукова З. И. Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения / З. И. Балатукова // Молодой ученый. – 2015. – № 15 (95). – С. 661-663.

УДК : 372.8

Современные методы обучения английскому языку как иностранному

Н. А. Джабборова

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

М. У. Мирзаева

Ташкентский государственный технический университет им. И. Каримова

(г. Алмалык, Узбекистан)

Аннотация. Почему важно изучать второй иностранный язык? Каждый новый язык позволяет более открыто увидеть мир, знакомит человека с культурой, географией и искусством разных стран. Изучение языков полезно даже на физиологическом уровне. Когда мы учимся, в мозгу создаются новые нейронные связи, что улучшает нашу память и внимание.

***Ключевые слова*:** иностранный язык, овладение вторым языком, ученые, отличный тренажер, современный метод, изучающие язык, общение.

Abstract. Why is it important to learn a second foreign language? Each new language allows you to see the world more openly and introduces a person to the culture, geography and art of different countries. Learning languages is beneficial even on a physiological level. When we learn, new neural connections are created in the brain, which improves our memory and attention.

Key words: Foreign language, second language acquisition, scientists, excellent simulator, modern method, language learners, communication.

Изучение иностранных языков дает огромное количество преимуществ. Помимо очевидных – свобода общения, карьерные перспективы, образование и международный опыт, это еще и отличный тренажер для мозга. Ученые уже давно наблюдают за изучающими язык и заметили много интересного.

Современная методика преподавания английского языка построена на основе классической методики изучения иностранных языков. Однако психологический аспект, зарубежное кино, информационные технологии оказали на нее влияние. Методы преподавания английского языка, использовавшиеся 20 лет назад, носили скорее репродуктивный характер. Выучить слова, прочитать текст, прослушать аудиозапись, написать письмо – так выглядели задания, которые давал воспитатель. Возможно, по этой причине большинство взрослых, изучавших язык в течение многих лет, умеют читать и писать по-английски, но испытывают трудности с речью.

Современные методы преподавания английского языка сменили репродуктивные методы на интерактивные. Сегодня получение знаний – это взаимодействие ученика и преподавателя. Учебная программа строится, прежде всего, с учетом возрастных особенностей учащихся. Для дошкольников и младших школьников больше подойдет такой вид занятий, как игра, путешествие, видео, соревнование и другие. Взрослый ученик предпочитает классический урок. Для этого возраста подходят и традиционные задания: составить рассказ, выполнить упражнение, прочитать текст, выполнить аудирование и так далее. Написание рассказа позволяет научиться использовать активную и пассивную лексику, расширить словарный запас, улучшить разговорную речь. Выполнение упраж-

нений помогает усвоить грамматический материал. Чтение текста формирует не только навыки чтения, но и погружает в культуру и традиции изучаемого языка. Аудирование улучшает понимание устной речи.

Но не забывайте, что самые эффективные методы изучения английского языка – интерактивные. Поэтому метод погружения в языковую среду сейчас очень популярен. Эта методика учит «думать» на английском языке. Изучение иностранного языка происходит полностью на английском языке. Это реально не только в двуязычной семье, но и в обычном классе. Преподавателю достаточно полностью провести урок на английском языке, использовать визуализацию. Построить урок так, чтобы, несмотря на иностранный язык, ученики понимали учителя. Высокий уровень подготовки преподавателя позволит провести такое занятие даже для самых маленьких. Если раньше родители дошкольников и младших школьников пугались этого метода, то теперь, видя восторженные глаза детей и их успехи, они признали эффективность этого приема. Ведь лучший метод изучения английского языка – тот, который вызывает интерес к обучению.

Род Эллис (2014) считает, что овладение вторым языком (SLA) считается одной из последних областей исследований, которую многие лингвисты интересуют теоретическими вопросами, имеющими прямое отношение к языковой педагогике и помощи в обучении второму языку. Было проведено несколько исследований для изучения влияния обучения на обучение. Например, Норрис и Ортега (2000) прояснили 79 таких исследований. Крашен (1981), Лонг (1996), Ван Паттерн (1996, 2002) и другие также отмечали роль обучения в SLA. Род Эллис классифицировал следующие принципы обучения второму языку:

1. Обучение должно гарантировать, что учащиеся развивают как богатый репертуар шаблонных выражений, так и компетентность, основанную на правилах.

2. Учащиеся в основном сосредотачиваются на значении.

3. Учащиеся также уделяют внимание форме.

4. Развитие неявных знаний второго языка, не пренебрегая при этом явными знаниями.

5. Принятие во внимание встроенной учебной программы учащегося.

6. Обширный ввод второго языка.

7. Возможности для вывода.

8. Развитие владения вторым языком.

9. Индивидуальные различия учащихся.

10. Изучите как свободное, так и контролируемое производство.

Например, для развития владения вторым языком учителя должны создавать условия, в которых учащиеся могут заниматься языком, создавать атмосферу, позволяющую учащимся использовать язык для выражения своих личных смыслов, помогать учащимся участвовать в языковой деятельности.

Ахмаджонова Д. Н. предположила, что совместное обучение поможет учащимся улучшить словарный запас, грамматику и уверенность в изучении

английского языка. По ее мнению, студенты эффективно учатся у своих сверстников.

Мировые варианты английского языка – это региональные разновидности английского языка, распространенные в колониальных странах, таких как Азия, Африка и Океания. Это страны, где английский язык обычно используется в образовании, торговле и правительстве. Английский язык стал наиболее широко используемым языком на протяжении десятилетий, и его массово преподают в большинстве стран мира. По сравнению с другими языками английский географически широко распространён, что побудило Фергюсона (1971) утверждать, что английский стал языком более широкого общения, или что С.Л. Маккей (2012) называет английский международным языком (EIL) (CelceMurcia, 2014). В результате массового использования английского языка появились местные разновидности языка со своими стандартами. Индийский английский, западноафриканский английский, филиппинский английский и сингапурский английский считаются мировыми английскими языками.

Правильный английский – это стандартная форма языка. Именно от английского произошли все остальные диалекты.

Библиография.

1. Axmadjonova D. N. The importance of technology in designing teaching materials // D. N. Axmadjonova , U. M. Zafarbeko'gli. – Ташкент, 2021.

2. Djabborova N. A. Application of modern pedagogical technologies in higher educational institutins, improving the quality and content of education / N. A. Djabborova // Educational Research in Universal Sciences. – 2022. – №1(7). – pp. 81-83.

3. Rafiqovna, A. N. The effectiveness of warm0up activites for erl / esl classes / A. N. Raficovna, M. Robiaxon // Scientific approach to the modern education system. – 2024. – №2(21). – pp. 78-80.

4. Rafiqovna A. N. (2023). Technology for the development of critical thinking in the educational process / A. N. Raficovna // American Journal of Philological Sciences, 2023. – №3(06). – pp. 115-121.

5. York Fern. Methods of Teaching English Language / F. York. – 2020. – 22 September.

УДК : 81.1

Организация самостоятельной работы студентов

И. А. Нишонов

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. Требование времени, и развитие технологий диктует изменение системы образования и в соответственно с меняющимися стандартами в свою очередь, влияет на методику преподавания предметов и способы подачи материалов учащимся. В статье раскрываются некоторые аспекты организации самообучения через самоорганизацию, которая может стать основой для осознания важности процесса, который предстоит осуществить.

Ключевые слова: ключевое внимание, методические условия, мультимедийные образовательные ресурсы, современные требования, зарубежный опыт, трансформация, учебная деятельность, позиция учащегося

Abstract. The demands of time and the development of technology dictate changes in the education system and, in accordance with changing standards, in turn, influence the methods of teaching subjects and the ways of presenting materials to students. The article reveals some aspects of organizing self-learning through self-organization, which can become the basis for understanding the importance of the process to be carried out.

Key words: key attention, methodological conditions, multimedia educational resources, modern requirements, foreign experience, transformation, educational activities, student's position

В стремительно развивающемся мире особое внимание уделяется поддержке самостоятельного образования за счет неизбежного широкого внедрения информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс, создания базы образовательных ресурсов и повышения эффективности ее использования. Начатые и проводимые в нашей стране реформы выявляют необходимость улучшения методических условий использования информационных ресурсов в обучении иностранному языку, использования таких возможностей, как укрепление материально-технической базы образовательных учреждений, создание необходимых создание условий для педагогической деятельности преподавателей, стимулирование студентов за счет использования мультимедийных образовательных ресурсов, передовых педагогических и современных информационных технологий для повышения эффективности гуманитарных наук, в частности иностранных языков.

В «Стратегии дальнейшего развития высшего образования в Республике Узбекистан» приоритетными задачами названы «углубленное изучение таких важных и актуальных наук, как иностранные языки, математика, информатика, совершенствование и повышение качества среднего специального образование, которое считается основой для целей высшего образования». Уделяется большое значение совершенствованию методики организации самостоятельной учебной деятельности студентов при изучении предмета иностранного языка. Важное значение имеет адаптация учебного процесса к современным требованиям, модернизация на основе наработанного зарубежного опыта при обеспечении эффективной организации самостоятельной работы студентов [4; с. 2]. В

связи с этим научно-методическое обеспечение образовательного процесса должно формироваться с учетом трансформации позиции студента из объекта обучения в осознанный субъект учебной деятельности. В процессе обучения у молодых специалистов должны формироваться не только знания и навыки, которые позволят выпускнику быть эффективным в будущей профессии, но и умение осваивать смежные области профессиональной деятельности. При этом формирование умений управлять собственной учебной деятельностью неизбежно происходит на фоне повышенной активности в поведении учащегося.

Согласно Ландверу и Мюллеру (2008), можно выделить три формы самообучения: свободное самообучение характеризуется тем, что учащиеся свободно занимаются конкретными темами и содержанием, которые могут быть полностью независимыми от конкретных модулей и не предусмотрены в учебной программе. Таким образом, участие в свободном самостоятельном обучении в первую очередь зависит от индивидуальных интересов и личной приверженности студентов [2; с. 203]. Тем не менее, университеты могут поддерживать такую деятельность, присуждая за нее кредитные баллы, например, компенсируя их в общей сумме КМСО (кредитно-модульной системе образования) (ECTS) в контексте дипломных работ, служебного обучения или кредитов кампуса. Индивидуальное самостоятельное изучение назначается отдельным модулем, но не посредством конкретных структурированных учебных мероприятий. Соответственно, отсутствует руководство по структурированию задания и контактная поддержка со стороны инструкторов. В сопровождении самостоятельных занятий учащиеся работают самоорганизованно - индивидуально и в группах - для выполнения заданных заданий. Феномен самоорганизации рассматривается применительно к различным сторонам образовательной деятельности, от формирования навыков рационального управления ею до самореализации человека в образовательном процессе в многочисленных отечественных и зарубежных исследованиях [1; с. 4]. Самоорганизация проявляется в способности учащегося рационально организовать учебную деятельность и выполнять задания постепенно, учитывать промежуточные результаты с целью проведения коррекции учебной деятельности и улучшения ее организации на основе сознательного применения знаний, умений и навыков, способности. Сама учебная деятельность представляет собой специфический вид поведения человека, направленный на получение определенных знаний, умений и навыков как основы будущей профессиональной деятельности, а также на развитие необходимых для такой деятельности личностных и профессиональных качеств. Особое внимание следует уделить развитию у студентов нормативных умений в будущей профессиональной деятельности [3; с. 34-70].

Повышение качества образования в высшей школе невозможно представить без разработки системы приобретения студентами навыков самостоятельной организации учебной деятельности, которая позволит им с учетом индивидуальных особенностей личности рационально расходовать свою энергию и организовывать свою жизнь. деятельность наиболее оптимальным и наиболее эффективным образом целенаправленно. Формирование мотивации должно осу-

ществляться исходя из особенностей содержания образовательного процесса в конкретном вузе. Используя существующие рекомендации, преподаватели вузов должны научиться убеждать студентов понимать себя как самостоятельно программируемых разумных существ, способных развивать сущностные силы и добиваться успеха.

Библиография.

1. Ергахсиева Г. С. Методика совершенствования самостоятельной работы студентов по биологии с помощью информационных ресурсов / Г. С. Ергахсиева, С. Р. Казаков, С. Салимова. – 2019. – Том 6, Выпуск 6.

2. Ландвер и Мюллер (2008) AU44: https://www.igi-global.com/dictionary/self-study/64754.

3. Скорикова Т. П. Дистанционное обучение в научно-профессиональной сфере общения (междисциплинарный подход) / Т. П. Скорикова, С. С. Хромов, Н. В. Днепровская // Международный журнал экологического и научного образования. – 2016. – №11(10). – С. 3467-3476.

4. Указ Президента Республики Узбекистан «О стратегии дальнейшего развития Республики Узбекистан», 2017 г.

УДК : 372.8

Значение ролевых игр в организации уроков английского языка

Э. Н. Тошемиров

Университет экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В статье рассматривается использование различных ролевых игр при организации занятий. А также показаны преимущества реальных игр. Известно, что ролевая игра обладает большими обучающими возможностями.

Ключевые слова: занятия, ролевые игры, инновация, технология, политика, реализация, мотивация.

Abstract. The article discusses the use of various role-playing games in organizing classes. The advantages of real games are also shown. It is known that role-playing games have great learning potential.

Key words: classes, role-playing games, innovation, technology, policy, implementation, motivation.

В 2012 году 12 декабря 1-й Президент Республики Узбекистан объявил ускорение иностранных язык с первого класса в школе.

Сегодня оглашаются многие решения Президента в сфере образования, одно из них Постановление Президента Республики Узбекистан, от 02.02.2024 г. № ПП-54.

Значение слово «инновация» есть создавать новое. В современной ситуации, когда наша страна вступает в мирохозяйственные отношения, не только содержание, но и технологии, методы обучения важны для создания позитивного отношения молодёжи к образованию. Развитие новых методов и технологий в образовании является настоятельным требованием времени. Развитие инновационных процессов в образовании – есть способ повышения качества образования, его эффективности и доступности. Большое значение в организации учебного процесса играет мотивация учения, которая заставляет логически мыслить, повышает интерес к тому или иному виду занятий, к выполнению того или иного упражнения. Положительное влияние на личность обучаемого оказывает групповая деятельность. Одним из видов интенсификации обучения иностранным языкам является применение ролевых игр.

Ролевая игра создает условия реального общения. Эффективность обучения здесь обусловлена тем, что мотивация повышает интерес к предмету. Ролевая игра обладает большими обучающими возможностями:

- является моделью общения. В ней присутствует как речевое так и неречевое действие участников, обладает большими возможностями мотивации;
- даёт возможность быть сопричастным ко всему происходящему;
- имеет образовательное значение. Учащиеся, хотя и в элементарной форме, знакомятся с технологией общения. Таким образом, ролевая игра обладает большими возможностями в практическом, образовательном и воспитательном отношениях.

Практически всё учебное время в ролевой игре отведено на речевую практику, при этом активен не только говорящий, но и слушающий, так как он должен понять высказывание партнёра и при необходимости отреагировать на неё. Игры положительно влияют на формирование познавательных интересов, способствуют осознанному усвоению иностранного языка.

Роль преподавателя сводится в управлении процессом общения: подходит то к одному, то к другому студенту, который нуждается в помощи, вносит необходимые коррективы в работу.

В ходе игры преподаватель не исправляет ошибки, а лишь незаметно записывает их, чтобы на следующем занятии обсудить наиболее типичные.

Обсуждая проведенную игру, оценивая участие в ней, преподавателю следует проявить такт особенно при оценке результатов первой ролевой игры. Отрицательная оценка деятельности её участников неизбежно приведет к снижению активности. Желательно начать обсуждение результатов игры с удачных моментов и лишь затем перейти к недостаткам. В процессе ролевой игры происходит одновременное совершенствование и развитие навыков в использовании языкового материала, но на начальном этапе главная задача – это общение, мотивированное ситуацией и ролью. Поэтому ролевой игре следует отводить место на завершающем этапе работы над темой, т.е. когда весь материал усвоен, он выводится в речь.

Таким образом, ролевая игра придает учебному общению коммуникативную направленность, укрепляет мотивацию изучения иностранного языка и значительно повышает качество овладения им.

Еще одной формой игрового общения становится «подражательная» ролевая игра. «Подражательные» игры преследуют не только образовательные цели, но имеют целью формирование у обучающихся социально-политической зрелости, нравственных знаний и убеждений, воспитания идеологической стойкости. Так, например, можно имитировать дискуссию между узбекскими студентами и их «зарубежными сверстниками». Студенты рассказывают «зарубежным гостям» о юношеских организациях нашей страны, о своей учебе, о правах и обязанностях граждан Узбекистана. Проводятся также игровые дискуссии, направленные на будущую профессиональную деятельность обучаемых.

Эффективность ролевой игры как методического приема обучения повышается, если преподаватель правильно определяет продолжительность речевого общения участников. Прежде, чем ввести данный прием работы в учебной процесс, необходимо провести большую подготовительную работу. Чтобы организовать общение в рамках ролевой игры, необходимо сформировать эти навыки в реальных условиях учебного процесса. Для этого используются тренировочные упражнения.

Библиография.

1. Матрон Е. Д. Модели сюжетной ролевой игры на уроке по работе с газетой / Е. Д. Матрон // Иностранные языки в высшей школе. – 1990. – №2.
2. Мильруд Р. П. Организация ролевой игры на уроке / Р. П. Мильруд // Иностранные языки в высшей школе. – 1987. – №3.
3. Филатов В. М. Методическая типология ролевых игр / В. М. Филатов // Иностранные языки в высшей школе. – 1988. – №2.
4. Matkarimova A. I. (2024). Nominative sentences in linguistics / A. I. Matkarimova // Scientific approach to the modern education system. – 2024. – 2(21). – Pp. 39-41.

УДК : 103.2

Взаимоотношения человека и природы в творчестве поэтов Россошанского края

А. А. Швечикова, Д. А. Дудченко

МКОО ДО СЮН г. Россоши (г. Россошь, Россия)

Аннотация. В статье раскрываются особенности отображения взаимоотношенийчеловека и природы в творчестве поэтов Россошанского края. Предметом исследования являются произведения А. Прасолова, М. Тимошечкина, В. Беликова, М. Шевченко, В. Будакова, Р. Дерикот, В. Барабышкина, А. Шаповалова. Их творчество является частью мировогокультурного наследия, а литературные произведенияпробуждают читателей внимательнее относитсяк выстраиванию собственных отношений с миром природы.

Ключевые слова: поэт, природа, человек, взаимоотношения, экологические проблемы.

Abstract. The article reveals the peculiarities of displaying the relationship between man and nature in the works of poets of the Rossoshansky region. The subject of the study is the works of A.Prasolov, M. Timoshechkin, V.Belikov, M.Shevchenko, V. Budakov, R. Derikot, V. Barabyshkin, A. Shapovalov. Their work is part of the world's cultural heritage, and literary works awaken readers to be more attentive to building their own relationships with the natural world.

Keywords and phrases: poet, nature, man, relationships, environmental problems.

Природа – неиссякаемый источник вдохновения творческих людей. Провинциальные поэты не стали исключением. В Россошанском районе тоже есть свои певцы природы: А. Прасолов, М. Тимошечкин, В. Беликов, М. Шевченко, В. Будаков, Р. Дерикот, В.Барабышкин, А.Шаповалов.

Поэт Алексей Прасолов (1930-1972)был влюблен в окружающую его природу. Строки поэта, посвященные родному краю, изобилуют эпитетами, поражают фенологической точностью образов и деталей. Прасолов наделял природу чертами одушевленного существа: «*...И страшно молод и доверчив, //Как сердце маленькое – лист, // И стынет он по-человечьи,//Побегом вынесенный ввысь..»* [7; с.172]. Ему мастерски удавалось привычный пейзаж, обыденную картину родной природы представить в необычном свете: «*…Корни выползли ужами, // Каждый вытянут и жилист, // И звериными ушами // Листья все насторожились. // В заколдованную небыль// Птица канула немая, // И ногой примятый стебель // Страх тихонько поднимает*» [7; с.172].

Особый подход к отражению родной природы характерен для поэзии Виктор Будакова. Тема «природа-человек» занимает важное место в его многожанровом творчестве. И в каждом произведении автораесть строки, посвященные отчему краю: «*Домов белокипенных россыпь // В густых и зеленых садах - // Такою открылась мне Россошь // В мальчишеских давних годах…»* [5; с.248].

Идею о многообразии мира природыстарается донести до своих читателей Виктор Беликов. Будучи заядлым охотником, Виктор Васильевич, научился

любить её обитателей и бережно относиться к ним. Об этом Виктор Васильевич поведал детям и взрослым в многочисленных рассказах, поэтических и прозаических зарисовках, собранных в сборниках о природе: «Тепло и боль земного бытия», «Охоты чудные мгновенья», «С природой нежное содружество» и других.

Скромную красоту родного края воспевала в своем творчестве и самобытная россошанская поэтесса Раиса Дерикот (1937-2005). Природа в литературном наследии землячки понятна и близка с рождения каждому россошанцу, потому что сопровождает его всю жизнь. Раиса Ефремовна была хорошим знатоком флоры и фауны родного края: «*…Желудь в шляпке на верхушке, // Гриб белянка на опушке. // Земляника в холодке. // Вишня дикая в ложке*…»[6; с.313].

Россошанский литератор Михаил Шевченко (1929-2010) в стихах предстаёт перед читателем как гражданин и патриот своей страны**.** Для него родина и родная природа понятия идентичные. И хотя в творческом наследии поэта не так много строк посвящено природе родного края, но все они пропитаны чувством восхищением ее простой красотой: *«Осень шла, // Распахивая двери,-// Сколько было // Солнца и тепла!..»*[11; с.153].

Особым отношением к природе родного края пропитано творчество поэта-фронтовика Михаила Тимошечкина (1925-2013). Поэт крестьянских корней, в стихах он называет землю исключительно «матерью». О родной природе поэт говорит ярко, образно и волнующе: *«…Песней материнской колыбельною // Да звенят над рощей корабельною // Утренние птичьи голоса!..»* [8; с. 210]

Разнообразна тематика стихов россошанца Виктор Барабышкина – война, время, люди труда, родина, любовь. Щемящее чувство Родины, тонкое чувство родной природы – вот отличительные черты поэзии Виктора Федоровича. Стихи его прямы, позиции ярко определены, утверждения категоричны: *«…А корни наши все же на селе, // Где на большак нас ветлы провожали. // Не потому ль тоскуют по земле // На высоких этажах горожане?..»* [1; с. 8]

Не обошел вниманием в своем творчестве тему природной красоты и тончайший лирик Россошанского района Алексей Шаповалов: *«Опять снега склонились над Россией, // Легли пуховой шалью на поля. // Ты посмотри под утро, как красива // В рассветных красках белая земля…»*[9; с..28]

В своих произведениях россошанские поэты не только восхищаются красотой родного края, но и поднимают тему взаимоотношений человека иокружающего мира.

Веками торжествовала концепция потребительского отношения к природе. Суть этой концепции заключается в том, что природа воспринимается как кладовая, из которой должны извлекаться ресурсы для развития общества. Зачастую поэты тоже становились пропагандистами этой идеи. Например, в юношеских произведениях А. Прасолова, человек наделялся правом властвовать над природой. По мнению юного Прасолова, природа должна активно преобразовываться человеком и служить его нуждам и благам. Это очень четко прослеживается в стихотворении «Страна родная»: «*…И насос над речкой, с соловьями, // Деловито запыхтел вдали. // Это по веленью комсомольцев // В поле на-*

правляется река…» [7; с.10] или в произведении «Наша речка»: «*…Глухо бьёт волна в турбину, // Кружится и злится, – // Научили мы и речку день и ночь трудиться..*» [7; с.36]

История показала, что всякие попытки вмешательства в природу с целью исправления ее дефектов без учета законов ее развития оборачиваются серьезными последствиями как для человека, так и для природы. Повзрослев и сформировавшись как поэт-философ, Алексей Тимофеевич осознал это. Будучи уже зрелым поэтом он напишет полное горечи произведение «На берегу черно и пусто…» [7; с.155]. Оно посвящено активно реализуемой «*устроителям земли*» идеи деформации природных ландшафтов путем осушения. Прасолов назовет этот процесс результатом «*неразумной воли*» и сравнит умирающую реку с живым организмом, угасающее лицо которого подвержено «*судорогам*»: «*…Ни оживив ни луг, ни поле, // Здесь устроители земли // По знаку неразумной воли // Всеосушающе прошли…»*. Нет, автор не против прогресса. Поэт выступает против бездумного преобразования природы «*слепыми и грубыми руками*».

Такой же путь выстраивания взаимоотношений с миром природы прошел и поэт В.Беликов. В стихотворении «Ветер запах опенков доносит…» Виктор Васильевич признается: «*…Я усядусь на пень обомшелый, //Вспомню давнее детство своё, // Как мечтал тогда дерзкий и смелый, //Переделать земное бытьё…*»[2; с.144]. Спустя годы, автор корит себя за такие мысли и называет *«слепцом несмышленым».* Переход от идеи преобразования природы к идее содружества с ней в творчестве В.Беликова стал закономерным результатом его личного познания окружающего мира. Собранные по крупицам знания об удивительном мире природы, привели земляка к единственно верной мысли о том, как надо выстраивать взаимоотношения с окружающим миром: *«…Как прекрасна родная земля – // Этот лес, золотой и зелёный, // Это небо и эти поля.// Не нужна им ничья переделка, // Как шедевру не нужен маляр…»* [3; с.144]. Далее поэт констатирует печальный факт «*…Мир мы судим убого и мелко, // И уродлив любой окуляр»* [3; с. 144]. Основную причину потребительского отношения к природе автор объясняет отсутствием знаний о многообразии связей, существующих в живой природе. В поэзии россошанца есть такие строки: «*…Любой цветок, любая божья тварь // Сложны безмерно и любви достойны…*»[2; с. 3]. Поверхностное восприятие человеком природы, оценка критерием полезности и вредности живых организмов для человека, приводит к разрушительным последствиям. Автор описывает отношение человека к природе словом «*война*».Он обращается к людям с просьбой *«прекратить с природой войны».* Виктор Васильевич убеждён – природа *«не мастерская, а алтарь»* [2; с.3].

Проблему потребительского отношения к природе поднимает в своем творчестве и россошанка Р. Дерикот: *«Земля беспомощно-нагая, // И всяк живущий может взять. // Судьба ей выпала такая – // Рожать, кормить да ублажать. // Кричим: «От нашей от природы // Мы милости не можем ждать. // Вспять повернуть речные воды, // И горы вспять, и недра – вспять!...»*[6; с. 91]. Чтобы показать варварский характер отношений человека к земле, само-

бытная поэтесса сумела подобрать очень точное выражение *«не дашь – возьмем».* При этом Раиса Ефремовна открыто замечает двойственность человеческой натуры. Очень точно указывает на противоречие, которое создал сам человек, называя землю «*кормилицей и матерью*». Поэтесса задается актуальным вопросом: «*…Но если мать мы всю израним, // Как ей, израненной, рожать?»* [6; с. 91]. К сожалению, вопрос все еще пока остаётся без ответа.

Очень близкое по содержанию стихотворение есть и у Алексея Шаповалова. Оно называется «А Земля, она в шрамах вся…»[9; с.78]. Автор тремя словами охарактеризовал многовековую историю взаимоотношений человека и планеты, которая является домом всего живого: «*Её били, взрывали, жгли…»* [9; с.78]

Эту же тему затрагивает в своем творчестве и россошанский поэт В. Будаков. В стихотворении земляка «Слободские хлеба» есть такие строки**:** «*…Над домами рогатины телеантенн, // И в асфальтах томится земля!..*» [5; с.53]. Автор сумел очень точно подобрать слова, чтобы показать метаморфозы жизни современного человека, которому технические новинки заменили живую природу. Автор горько сожалеет о том, что современное общество не ценит великолепие природы и продолжает методично уничтожать в угоду людскому удобству естественную природную среда.

Закономерным результатом потребительского отношения к природе стало её истощение и деградация. Всё это соответствующим образом отражается на жизни общества и влечёт за собой потерю возможности существовать в гармонии с природой. Это очень точно подметил россошанский поэт В. Барабышкин. По его мнению, природа попала в «*плен урбанизма*» [1; с.11]. Автор уверен, что человек счастлив только в моменты редких «*свиданий с природой*»[1; с.8]. Вполне возможно, что эта мысль стала результатом жизненного опыта поэта.

Россошанские мастера литературного слова затрагиваютв своём творчестве тему местных экологических проблем. Так, В. Барабышкин поднимает проблему сокращения площадей вторичных сосновых насаждений в Россошанском районе: « *За городом лес умирает // Я лично вчера поглядел – // В удушье сосна угорает. // Таков ли ей выпал удел?..»*[1; с.11]. Поэтические строки В. Барабышкина призывают читателей пойти по пути сохранения имеющихся ресурсов родного края. Строки стихотворения В. Будакова «Круг земной и небесный» являются яркой иллюстрацией потребительского отношения людей к местным природным богатствам: «*…Искорчеван вишневый сад…*», «*…дымят заводы…*», «*…в асфальтах томится земля…*». Автор показывает больше негативных примеров взаимоотношений россошанцев с миром природы. В поэтических строках Виктор Фёдорович открыто осуждает такое легкомысленное поведение *«беспечных детей земли»* по отношению к родной природе: «*…Вторгаемся, рушим, иначим // Те грани, где дом наш и кров*» [1;с.11]. Мастер литературного слова горько замечает *«…телескопы зорко смотрят в небо // И на земле не видят ничего»* [6; с.282].

Россошанский поэт М. Шевченко в своем творчестве обращает внимание на беззащитность окружающей природы, замечая в этом «*…что-то святое*».

«…*Рыжие, изломанные ветки*» ёлки, ставшей жертвой новогодних праздников, или гибель полевых цветов «*что выходят к дороге*», или казнь цветущей черемухи, которую «*…Ломают! // Ломают! // Ломают*!..». Автор дает негативную оценку такой форме взаимодействия земляков с миром живой природы.

Волнует россошанских творцов и ухудшающаяся экологическая обстановка в мире.

В наследии поэта-фронтовика Михаила Тимошечкина можно найти множество примеров воздействия войны на окружающую природу, как негативного явления создаваемого человеком. Эта мысльочень точно сформулирована в стихотворении «До глубины потрясена». Автор замечает, что природа в лице земли-кормилицы является невинной жертвой боевых действий: «…*Земля дрожит, // войне внимая, // До самых недр потрясена, // Контуженно-глухонемая*...» [8; с.132]. Поэт с горечью и сожалением констатирует, что в суровые годы войны мало кого заботят вопросы охраны природы.

В стихотворении «Атом чистый, атом грязный» [8; с. 258] Михаил Фёдорович перечисляет многообразие современных химических средств: *«атом чистый, атом грязный, гербициды, пестициды, дусты, суперы, хлориды»,* которыеизначально были созданы с целью повышения урожая, а со временем стали негативно влиять на качество почвы, делая ее *«утлой»*. Тому, какиспользование химических препаратов ломает устоявшиеся законы природы, посвящено стихотворение «Звери в лесу» [8; с.170]. Четверостишие поэта-земляка «Когда в саду ни одного скворца**»** звучит как грозное предупреждение неизбежной расплаты за варварское отношение к природе: *«Когда в саду ни одного скворца // Вооруженным не увидишь глазом, // Считай: начало грозного конца // Тебе явилось, словно по заказу»* [8; с.172]. Но, поэт верит в благоразумие людей. Поэтому в стихотворении: «Запретите вырубать леса» обращается к землякам с призывом: «…*Ради продолжающейся жизни // Берегите, граждане, леса!*» [8; с.210].

Современной глобальной экологической проблемой является изменение климата. Россошанец М. Тимошечкин поделился личным опытом наблюдения этого опасного явления. Автор пишет: *«…Календарь посчитаешь обманом: // В январе зеленеет луг, // Степь залита сырым туманом…»* [8; с.102]. Поэт понимает всю опасность такого климатического переворота. И с горечью констатирует, что растения, пробудившиеся раньше срока из-за нарушения температурного режима *«…в рост идут на свою погибель…».*

Похожую картину погодных катаклизмов рисует в своих произведениях и Р. Дерикот: *«Не январь, а грязь и слякоть // …Гнёзда вьют грачи в азарте. // По ночам средь темноты // До утра орут, как в марте, // С толку сбитые коты»* …»[6; с.294]. А эти строки о февральской непогоде: «… *Все леса дождем пропахли, // Все поля обнажены //*…»[6; с.295]. Нарушение сезонного календаря природы поэтесса переживает как личную трагедию. Не понаслышке знавшая тяжесть крестьянского труда, она понимает, что нарушение погодного календаря станет причиной потерей будущего урожая. А ведь она хорошо помнит

годы голодного детства, когда « …*были желудь и жмых, лебеда и мякина*…» [6; с. 173].

Россошанский мастер поэтического слова В. Беликов делится с читателями своими мыслями и переживаниями о современных экологических проблемах Земли. В стихотворении «Природа- мать, твои слепые дети…» он пишет: «…*Всё меньше дивной чистоты на свете, // Все больше грязи на родной планете.. // Уже почти над пропастью стоим…*» [2; с.129]. Виктор Васильевич подчеркивает, что чаще всего влияние человека на окружающий мир является «*неразумным и глупым*». В стихотворении «Зябко апрельские зори» поэт приводит примеры такого беззаботного отношения людей к природе. «…*Всё, что швыряем под клёны, // Всё, чем дымим в небеса*…»[2; с. 154] накапливается и становится «*кошмарной явью*» для людей. Поэт с тревогой смотрит в будущее и предупреждает, что если человечество не остановится и не одумается, то его ждёт «*кошмарное завтра*».

В этих четырёх строках: *«И до скончания века // Ты не забудь об одном:// Высший твой долг человека – // В хлопотах о живом»* [2; с.3] поэт выразил своё самое заветное видение выстраивания человеком отношений с природой. В. Беликов признает, что *«...люди в мире не всесильны…».* Но решение любой экологической проблемы возможно «..е*сли дружно встать плечом к плечу…»*. По мнению Виктора Васильевича, лучшее средство уберечь природу - это сроднить с ней душу человеческую, раскрыть ее красоту, напомнить о ее уязвимости и незащищенности: «*Все чаще требуется мужество, // Чтоб в мире этом укрепить // С природой нежное содружество, // Сберечь связующую нить..»*[3; с.115].

Библиография.

1. Барабышкин В. Ф. Час пахаря. Стихи / В. Ф. Барабышкин. – Воронеж : Центрально-Черноозем. кн. изд-во, 1987. – 72 с.
2. Беликов В. В. О живом без затей для взрослых и детей (стихи о природе) / В. В. Беликов. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2009. –158 с.
3. Беликов В. В. Тепло и боль земного бытия: Повесть и стихи / В. В. Беликов. – Воронеж : Изд-во им. Е.А. Болховитинова, 2002. – 195 с.
4. Будаков В. В. Родина и Вселенная. Лирические страницы. Стихи / В. В. Будаков. – М. :, Зарницы, 2009. – 288с.
5. Будаков В. В. Времена и дороги / В. В. Будаков. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2007. – 576с.
6. Дерикот Р. Е. « Моя душа в созвучиях витает…»Сборник. Стихи, проза / Р. Е, Дерикот. – Воронеж, 2007. – 488с.
7. Прасолов А. Т. «И душу я несу сквозь годы…» / Сост. Р. В. Андреева-Прасолова. – Воронеж : Центр духовного возрождения Чернозёмного края, 2000. – 560 с.
8. Тимошечкин М. Ф. Печаль и благодать: стихи / М. Ф. Тимошечкин. – Воронеж : ИПФ «Воронеж», 2005. – 384с.
9. Шаповалов А. В. Час звезды вечерней. Стихи. / А. В. Шаповалов. –Воронеж : Центр.-Черноозем. кн. изд-во,1991. –128 с.
10. Шевченко М. И. Моя фамилия. Стихи / М. И. Шевченко. – М. : Моск. рабочий, 1975. – 80 с.
11. Шевченко М. И. Только бы одну весну: Повести, рассказы, стихи / М. И. Шевченко. – М. : Современник,1983. – 383 с.

УДК : 94. 80. 336

Российские денежные знаки в русской истории и литературе.

В. Н. Ряполов

Воронежский государственный университет (г. Воронеж, Россия)

Аннотация. В статье рассматривается история возникновения, хождения российских денежных знаков и их неформальное наименование, с которыми они вошли в русскую историю и русскую литературу. В качестве примеров представлены выдержки из произведений писателей XIX - начала XX века.

Ключевые слова: деньги, история, литература.

Abstract. Russian banknotes are considered in the article. The history of the origin, circulation of Russian banknotes and their informal name, with which they entered Russian history and Russian literature. Excerpts from the works of writers of the XIX - early XX century are presented as examples.

Keywords and phrases: money, history, literature.

Каждый, кто смотрел фильмы производства США сталкивался с тем, что актеры американские доллары часто называют «баксами», не будем вдаваться в подробности, отчего это и почему, но скажем, что такое неформальное, сленговое название денежных купюр не миновало, наверное, не одну валюту мира. Каждый народ присваивал своим деньгам какие-то названия. Часто они перекликались с тем, что на них было изображено или зависели от цветовой гаммы, в которую они окрашены. Так, те же американские доллары в России называли и «зелеными», или просто «зеленью». А какое только название не получали наши российские рубли. Их именовали и «фантиками», и «капустой», и «бабками», и даже «деревянными», часто непонятно почему. А, например, первые денежные купоны республики Беларусь, после распада СССР, звались «зайчиками». И это не дань современной моде, а традиция, которая уходит своими корнями в глубокое прошлое. Например, любой интересующийся человек знает, что серебряная средневековая мелочь Русского царства называется «чешуйками». А все от того, что чеканили ее в ручную, используя серебряную проволоку, которую обрезали по краям. Поэтому «чешуйки» всегда блестели и по форме были не круглыми, а овальными, напоминая, действительно, рыбью чешую. О том, какие названия носили наши денежные знаки, например, во времена Николая I, мы, наверное, ни когда бы и не узнали, если бы в этом нам не помогла русская литература. Писатели в своих произведениях воспроизводили ту речь, с теми словами, которые были у них в обиходе, куда попадали, в том числе, и деньги с их неформальными наименованиями, не пытаясь их даже расшифровать, полагая, видимо, что эти названия будут существовать вечно. Таких писателей, как и их произведений, множество, мы же воспользуемся некоторыми из них, указав, как звучали, те или иные денежные знаки в прошлом и расшифруем их. И так, начнем с первой по величине и покупательной способности монеты:

Полушка старинная медная монета, название которой ни как не соответствовало ее стоимости. Если взять копейку за целую денежную единицу, то полушка, казалось бы, должна была бы быть ее половиной, но на самом деле достоинство ее составляло только лишь четверть копейки, половиной же была «деньга», речь о которой пойдет ниже. До нас название этого денежного знака, давно не существующего, дошло через пословицу: «За́ морем телушка – полушка, да рубль перевозу». При всей ее низкой покупательной способности «полушка» не была наделена таким нарицательным качеством, как «грош», который мы рассмотрим следующим, и который был в два раза ее дороже, и, тем не менее, подразумевал собой крайнюю бедность. Русская литература не оставила без внимания эту монетку, и она нашла свое место в творчестве ряда писателей. Приведем некоторые. «Два дня и две ночи спал Петро без просыпу. Очнувшись на третий день, долго осматривал он углы своей хаты;но напрасно старался что-нибудь припомнить: память его была как карман старого скряги, из которого полушки не выманишь», – так писал Н. В. Гоголь в своем «Вечере накануне Ивана Купала» [4; с.45-46]. Или А. С. Пушкин в Борисе Годунове»: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало богу дают. <…>Ходишь, ходишь; молишь, молишь; иногда в три дни трех полушек не вымолишь. Такой грех!» [26; с.374]. Здесь же Пушкин упоминая «деньгу любят», имел ввиду вероятно не деньги, как таковые, а именно монету «деньгу», которая своим достоинством была дороже полушки в два раза, и о которой мы скажем ниже. Просуществовала полушка до 1866 года, когда в царствование Александра II на смену ей пришла монетка «¼ копейки», дожившая до 1916 года [23; с.14].

Грош. Слово «грош» пришло в Россию из Западной Европы. Как указывал том №19 Большой Советской Энциклопедии, изданный в 1930-м году, изначально грошом в 13-14 вв. называлась крупная серебряная монета, а в России ею стали называть мелкую медную монету, достоинством всего лишь полкопейки [12; стлб.459-460]. Само по себе это слово стало нарицательным, и олицетворяло не меру стоимости, а ничтожность всего недостойного, не требующего внимания. Отсюда и поговорка: «Грош – цена», т.е. очень дешево. Подтверждением тому являются слова А. П. Чехова в рассказе «Человек в футляре», в котором Иван Иваныч, жалуясь на то, что приходится «сносить обиды, унижения, лгать» и все «из-за куска хлеба, из-за теплого угла, из-за какого-нибудь чинишки (*чина*), которому грош цена» [32; с.122]. С другой стороны слово показывало благосостояние человека, так капитан Копейкин в поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголя: «То, бывало, едал щи, говядины кусок, а теперь в лавочке возьмет какую-нибудь селедку или огурец соленый да хлеба на два гроша, – словом голодает бедняга». Или все тот же Копейкин «…знаете, забежать наперед в мелочную лавку, да купить на грош мыла…». В другом месте поэмы: «Чичиков дал ей (*девочке, показавшей путь на столбовую дорогу. – В.Р.*) медный грош, и она побрела восвояси, уже довольная тем, что посидела на козлах» [5; с.55, 192, 194], т.е. Гоголь показывает цену гроша, которому не обрадовался даже крепостной ребенок. В свою очередь Н. А. Некрасов также

использовал слово «грош» в оценочном суждении, как что-то никчемное. Так в стихотворении «Поэт и гражданин» он написал: «А мы с своей душой ленивой,

Самолюбивой и пугливой, / Не стоим медного гроша…» [22; с.60].

В другом случае слово «грош» вошло в русскую литературу, как признак беспросветной бедности и нищеты. Все тот же Н. А. Некрасов в стихотворении «На Волге» написал:

«Здесь на свободе. Я похож / На нищего: вот бедный дом, / Тут, может, подали бы грош…» [21; с.81], и т.д. История российского гроша была не длинная, хождение свое он имел лишь в XVIII веке, за тем благополучно исчез, оставаясь в памяти народа в поговорках, пословицах и пр. Но перейдем к следующей денежной единице, по стоимости, ровнявшейся грошу. Это – деньга или денга.

Деньга или денга русская монета, чеканившаяся в XIV-XVII вв. из серебра в XVIII веке из меди. Свое название получила от тюркского слова «таньга», которым называлась серебряная монета, имевшая хождение в Средней Азии. В XVIII веке она составляла ½ копейки. Исчезла деньга в 1828 году в эпоху царствования Николая I, и в эту же эпоху с 1839-го и вплоть до 1916 года ее сменила монетка, как уже написано, достоинством «½ копейки».

Денежка – мелкая медная монета достоинством в половину копейки, чеканилась в России с 1849 по 1867 год [27; с.73].

Своим малым размером и ничтожной покупательной способностью эта мелкая монетка не нашла своего места в русской литературе, за исключением, наверное, весьма всем известной сказки К. И. Чуковского, начинавшейся словами:

«Муха, Муха-Цокотуха, / Позолоченное брюхо!

Муха по полю пошла, / Муха денежку нашла…».

Что под «денежкой» имел ввиду Корней Иванович, мы, наверное, и никогда не узнаем, однако не только название, но и размеры мухи и денежки были вполне сопоставимы. Чуковский мог, конечно, написать и «копеечку нашла» или «две копеечки», но видимо он не случайно написал именно «денежку», мельче ее и легче уже не было ни чего в денежном обороте.

Копейка. Казалось бы, самое простое и всем понятное название «копейка», являющаяся сотой долей рубля, однако в «Записках замоскворецкого жителя» А. Н. Островского можно прочитать такую фразу: «Молодые чиновники играли в преферанс по копейке серебром; а мы постарше-то, за пуншем сидели» [24; с.23]. Здесь имеется в виду не серебряная монета, достоинством «одна копейка», а медная, чеканившаяся во времена Николая I, на аверсе которой было указано «1 копейка серебром». Кстати, такие же «серебром», но медные были и две, и пять копеек.Одну копейку стоил и конверт, в котором знаменитый чеховский Ванька Жуков отправлял свое письмо «На деревню дедушке» [31; с.16].

Копейка своим существованием родила десятки пословиц и поговорок с ее участием, например: «копейка рубль бережет», «копейка обоз гонит» или «влететь в копеечку», т.е. с сожалением потратиться или купить что-то очень дорого, часто того нестоящего и т.д.

Две копейки. Интересное наименование двух копеек встречается в творчестве писателей XIX- начала XX вв. Это – семитка (семишник, семёшник, семак). Название появилось после проведенных реформ конца 30-х годов XIX века, когда новая двухкопеечная монета стала ровняться семи дореформенным копейкам. Название было неофициальным, жило в народе в качестве фольклора и сохранялось достаточно долго, вплоть до XX века. Так известный московский репортер Владимир Гиляровский, проводя экскурсию Глебу Успенскому по Хитрову рынку, вспоминал торговок, продававших мясной ливер обитателям ночлежек, которые называли это кушанье «собачья радость»: «... Л-лап-ш-ша-лапшица! Студень свежий коровий! Оголовье! Свининка-рванинка вар-реная! Эй, кавалер, иди, на грош горла отрежу! – хрипит баба со следами ошибок молодости на конопатом лице. – Горла, говоришь? А нос у тебя где? – Нос? На кой мне ляд нос? И запела на другой голос: – Печенка-селезенка горячая! Рванинка! – Ну, давай на семитку!» [3; с.29]. Или А.М. Горький в пьесе «На дне» словами Бубнова: «Весь капитал? Сейчас? На! Вот – рубль… вот еще… двугривенный… пятаки… семишники… всё!» [11; с.77].

Три копейки или алтын. О происхождении слова «Алтын» «Современный экономический словарь» (М., 1997) говорит, что это старинная счетно-денежная единица. С XVII века алтыном стали именовать монету, которая по стоимости приравнивалась к шести московским деньгам (денгам). Произошло оно от татарского, и значило шесть [27; с.17]. И действительно если одна деньга равнялась половины копейки, то из шести алтынов и выходило ровно три копейки. Как и все денежные единицы России алтын нашел свое место в русской литературе.

Так в очерке «Гулебщики» удивительного русского писателя конца XIX - начала XX века Ф. Д. Крюкова записан диалог: «– Мамушка! – Чаво, мой соколик?.. – Дай мне три алтына – погулять хочу с казаками» [17; с.29].

Алтын дал повод задуматься еще и над тем, брал ли А. Н. Островский русские народные поговорки в качестве названий своих пьес или эти названия, настолько полюбились народом, что невольно стали народными поговорками. Так, например, название комедии в пяти действиях«Не было ни гроша, да вдруг алтын», стало общенародным, нарицательным, говорящим о случайном везении.

Параллельно сохранялось и официальное название «три копейки». Так в пьесе «На дне» А. М. Горького Бубнов спрашивает: «Чем тут торгуют? За что – три копейки?» [11; с.65].

Пятак. Нет, наверное, людей, которые бы не держали в своих руках самую крупную медную монету Российской империи пятак царствования Екатерины II с ее вензелем. Подобные пятаки чеканились и ранее в царствование Елизаветы Петровны, но екатерининские самые встречающиеся. Со временем пятак эволюционировал, становился меньше диаметром и весом и к концу XIX века стал маленькой серебряной монетой. Как бы он не менялся, на нем всегда сохранялась надпись «пять копеек» или в царствование Николая Павловича «5 копеек серебром». Упоминаний пятака в русской литературе тысячи. Мы приведем три

из них. В первом, рассказывая о московских трактирах, известный репортер и писатель Владимир Гиляровский не преминул в своем повествовании уделить место и пятаку: «Особенно трудна была служба (*для половых и официантов*) в «простонародных» трактирах, где подавался чай – пять копеек пара, т.е. чай и два куска сахару на одного, да и то заказчики экономили» [3; с.234].Во втором, в пьесе А. М. Горького «На дне» Сатин спрашивает Бубнова: «Бубнов, дай пятачок», на что тот ему отвечает: «У меня всего две копейки…» [11; с.28]. И в третьем в стихотворении С.А. Есенина «Метель»: «Я веки мертвому себе спускаю ниже / Кладя на них два медных пятачка. / На эти деньги, с мертвых глаз, могильщику теплее станет, – / Меня зарыв, он тот же час себя сивухой остаканит…» [14; с.134].

Кроме того, наш пятачок стал героем русских народных пословиц и поговорок, таких как: «На грош пятаков не дают», «Не стоит гроша Пахом, а смотрит пятаком» или «Верстой ближе, пятаком дешевле» и многие другие.

Гривенник или десять копеек. Гривенник монета, равнявшаяся десяти копейкам. Это название пришло к нам из XVIII века, когда чеканилась при Петре I именно «гривна», затем «гривенник» и лишь в царствование Павла I, появилась первая монета достоинством «10 копеек».В русскую литературу она вошла не только со своим официальным названием, отчеканенным на ее аверсе, как «10 копеек», но и со ставшим простонародным, как «гривенник» или «гривна». Так И. А. Гончаров в романе «Обломов», давая характеристику слуге главного героя, одновременно озвучил и два варианта наименования этой монеты: «Захар норовит усчитать у барина при какой-нибудь издержке гривенник и непременно присвоить себе лежащую на столе медную гривну или пятак» [9; с.67].Не пропустил гривенник Гончаров и в романе «Обыкновенная история», где маменька, провожая Сашу в Петербург, давая напутствия о рачительном сбережении средств, в том числе и в плане благотворительности нищим, просила: «У тебя, я знаю, мягкая душа: ты, пожалуй, и по гривеннику станешь отваливать. Нет, это не нужно; Бог подаст» [10; с.16].

Покупательная способность гривенника была не велика, но рюмку водки выпить позволяла. Так А. Н. Островский, описывая семейную жизнь Мавры Агуревны в рассказе «Записки замоскворецкого жителя», говоря о ее пьющем супруге писал: «Особенная способность была у Мавры Агуревны прятать деньги; бывало Козырной с похмелья перероет все мышьи норки в доме и не найдет ни одного гривенника» [24; с.20]. Во время торга с Собакевичем, Чичиков предлагает свою цену за умерших крестьян: «Я полагаю с своей стороны, положа руку на сердце: по восьми гривен за душу, это самая красная цена!» [5; с.95].

Пятиалтынный или пятнадцать копеек. В русскую литературу эта небольшая серебряная монетка с номиналом в «15 копеек» вошла под своим собственным названием и еще под простонародным, как «пятиалтынный», т.е. пять раз, состоящий из алтынов или трех копеек.

В. А. Гиляровский в своей книге очерков «Москва и москвичи» использовал первый вариант, например: «Внизу была столовая, где подавался за пятна-

дцать копеек в два блюда мясной обед – щи и каша, бесплатно раз в день давали только чай с хлебом» или «Трактир этот славился расстегаями с мясом. Расстегай во всю тарелку, толщиной пальца в три, стоит пятнадцать копеек, и к нему, за ту же цену, подавалась тарелка бульона» [3; с.94, 243], а вот А. М. Горький в пьесе «На дне» – второй вариант, также всем понятный в начале XX века, как и «15 копеек». Один из героев пьесы Актер, мечтавший попасть в лечебницу, и вылечиться от алкоголизма, говорил: «Вот они – два пятиалтынных, а я – трезв!» [11; с.66].

Двугривенник или двадцать копеек. В своей поэме «Мертвые души» Н. В. Гоголь приводит интересный диалог, прозвучавший в трактире во время встречи Чичикова и Ноздрева. Диалог был понятен современникам Гоголя, но при этомсегодня ставит в тупик нашего читателя. Звучал он так:

«– За водочку, барин, не заплатили... – сказала старуха. (*Обращаясь к Ноздреву*)

– А, хорошо, хорошо, матушка. Послушай, зятек! Заплати, пожалуйста. У меня нет ни копейки в кармане.

– Сколько тебе? – сказал зятек.

– Да что, батюшка, двугривенник всего, – сказала старуха.

– Врешь, врешь. Дай ей полтину, предовольно с нее.

– Маловато, барин, – сказала старуха, однако ж взяла деньги с благодарностию и еще побежала впопыхах отворять им дверь. Она была не в убытке, потому что запросила вчетверо против того, что стоила водка» [5; с.64]. Казалось бы, абсурд, исходя из разговора, двадцать копеек оказывались дороже пятидесяти. Однако так оно и было, в связи с расхождением стоимости одного и того же номинала серебряной монеты и бумажной ассигнации. Например, серебряный рубль был в четыре раза дороже рубля бумажного. От того старуха ждала двадцать копеек серебром, а ей дали полтину ассигнацией. Кстати, в отношении данного диалога имеется и сноска в поэме, где указано: «Двугривенник (серебром) – восемьдесят копеек ассигнациями. Полтина – пятьдесят копеек ассигнациями». Такое разновесие исчезло в результате, проведенной в 1896-97 гг., финансовой реформы С. Ю. Витте, когда бумажный рубль в кредитном билете был обеспечен золотом [25; с.354].

Название 20 копеек, как «двугривенный» в просторечии просуществовало до начала XX века, да и после революции. Так известный московский репортер Владимир Гиляровский, рассказывая о Хитровом рынке в Москве, указывал, что вокруг рыночной площади располагались двух и трехэтажные дома, в которых ютилось до десяти тысяч человек, и которые приносили огромные барыши их владельцам. Так, ночлежник за одну ночь платил пятак, а «номера» ходили по двугривенному [3; с.24].

Двадцать пять копеек. Двадцать пять копеек вошли в русскую историю и литературу под названием «четвертак», т.к. составляли четвертую часть рубля. До 1827 года монета называлась «полуполтинник». На протяжении всей своей истории чеканилась она из серебра и в настоящее время для людей, интересующихся нумизматикой, представляет определенную ценность.

В русской литературе можно встретить оба названия этой монеты. Н. С. Лесков в повести «Зачарованный странник» озвучил простонародное название: «…спустил на тот конец руку в карман, а в кармане все попадаются четвертаки, да двугривенные…» [20; с.166].

А вот Н. В. Гоголь в своем творчестве предложил читателям два варианта названия этой монеты. Первое – великорусское, второе – малоросское. В первом случае в повести «Портрет», во время торга за картину, произошел такой диалог:

«– А сколько? – сказал художник.

– Да что за него дорожиться? три четвертачка давайте!»[7; с.476].

И второе название малоросское. Это – пивкопы. Так в повести «Ночь перед Рождеством», вылезая из мешка, огретый кочергой, после недолгого молчания, почесывая спину, ткач сказал: «– У вас кочерга видно железная! Моя жинка купила прошлый год на ярмарке кочергу, дала пивкопы. – Та ничего…» [6; с.123].

Полтинник. Полтинник или полтина – русская монета, составлявшая половину рубля. С 1654 года чеканилась из меди, а с 1701 года по 1917-й из серебра. В первые годы советской власти чеканка из серебра продолжилась, а за тем была заменена медно-никелевым сплавом с наименованием «50 копеек». Оба названия периодически встречались, наверное, во всех произведениях русской литературы. Мы приведем два примера. Первый с названием «полтинник» в «Белом пуделе» А. И. Куприна: «– Две да пять, итого семь копеек… Что ж, брат Сереженька, и это деньги. Семь раз по семи, – вот он и полтинник набежал, значит, все мы трое сыты, и ночлег у нас есть, и старичку Лодыжкину, по его слабости, можно рюмочку пропустить, недугов многих ради…» [18; с.333]. И второе, «полтина» в одном из рассказов А. П. Чехова: «… померла его старуха <…>. От чахотки. Поминальный обед за упокой души заказывали у кондитера по два с полтиной с персоны» [30; с.322].

Нельзя не упомянуть, что слово полтина или полтинник родило еще и множество русских народных поговорок. Например, об удаче: «Кому полтина, а кому и ни алтыны» или еще две, в которых присутствует выше упомянутый алтын: о справедливости – «Алтынного вора вешают, а полтинного чествуют» или о скупости – «Не жалей алтына – отдашь полтину» и т.д.

Рубль или желтенький. Одно из наиболее употребляемых названий серебряного рубля было – целковый. Так в одном из произведений известного цикла очерков и рассказов А. И. Эртеля «Записки степняка», жена крестьянина, который собрался в зимнюю вьюгу везти путника, плачет, переживает за мужа, на что он ей отвечает: «А дома много высидишь?.. С голодухи, что ль, издыхать?.. Сама знаешь.… Два целковых на земи-то не валяются: это ведь деньги!» [34; с.34]. Или в повести Н. С. Лескова «Зачарованный странник»: «… а цыган мне дает всего один серебряный целковый…» [20; с.113]. Другое название металлического рубля предложил М. Н. Загоскин во «Вступлении» к своему циклу мистических рассказов «Вечер на Хопре»: «Разумеется, ему не было ни какой нужды в деньгах: черт помогал ему находить клады и даже иногда шутки ради превращал для него кружки из репы и моркови в серебряные рублевики и

золотые ефимки (*ефимки – серебряные европейские монеты, которые перечеканивались в рубли*)…» [16; с.20].Что касается ассигнации, то она была желтого цвета, потому и в литературе иногда встречалась под названием «желтенькая». К примеру, у Ф. М. Достоевского в «Преступлении и наказании»: «Он налил ей целый стакан вина и выложил желтенький билетик» [13; с.461]. Подобное изображение есть в творчестве и Гоголя, и Салтыкова-Щедрина, и прочих писателей.

Три рубля или зелёненькая. Как и предыдущая желтая ассигнация, три рубля вошли в русскую литературу по своему цвету, который был зеленым. Например, все в том же романе «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского: «…чиновник лет пятидесяти, с орденом на шее, приблизился и молча подал Катерине Ивановне трехрублевую зелененькую кредитку» [13; с.427]. Часто название звучало и по номиналу, как, например» у В. А. Гиляровского в «Трущобных людях»: «–Три рубля, хошь умри! – топая босой ногой по грязному полу, упирался мастеровой» [1; с.86]. Однако в первые годы советской власти цвет всех ассигнаций поменялся и такое понятие как «зелененькая» из речевого оборота выпало. Деньги стали именовать не по цветовому фону, а иногда вульгарно-презрительно в соответствии с их номиналом. Так в романе Леонида Завадовского «Золото» в отношении трех рублей написано: «Мишка порылся в карманах и положил на стол трёшницу, взяв сдачу два рубля» [15; с.137].

Пять рублей – синяя, синюха, синица. Поэма Н. В. Гоголя своеобразный кладезь изображения денег в их цветовой гамме. Например, пять рублей, имевших синий цвет, проиллюстрированы в рассказе о капитане Копейкине: «Ну просто, то есть, идешь по улице, а уж нос твой так и слышит, что ассигнационный банк, понимаете, состоит из каких-нибудь десяти синюх». Или здесь же: «Нельзя, не принимает, приходите завтра. На другой день – то же; а швейцар на него просто и смотреть не хочет. А между тем у него из синюх-то, понимаете, уж остается только одна в кармане». В других местах во время торга за мертвые души с помещицей Коробочкой Чичиков говорил: «… тут вы берете ни за что, даром, да и не двенадцать, а пятнадцать, да и не серебром, а все синими ассигнациями» [5; с.48, 192, 194]. Еще одно название пятирублевой ассигнации было «синица». Его использовал Н. В. Гоголь в повести «Сорочинская ярмарка». Так во время торга, цыган говорил Грицько: «Вот тебе и синица в задаток!»[8; с.19].

Кроме того, в русской литературе можно было встретить и другое наименование пяти рублей. Так в одном из рассказов книги «Записки степняка» А. И. Эртель, воспроизводя диалог, писал: « Меня Мартыном зовут… А ты зря надавал ему пятишницу-то – эх жила он у нас!.. Я тебя как бы важно за четыре-то рублика отомчал, любо два!». И здесь же в разговоре, вышеупомянутая гривна: «Вот что, милячок, дай-кось ты мне двугривенный на деготь…» [34; с.434].

Десять рублей, она же красненькая. Десять рублей до окончания царствования Николая II в 1917 году были окрашены в красный цвет. Наиболее понятное, не требующее пояснений красненькой, десятирублевой ассигнации в литературе, дал И. А. Гончаров в романе «Обломов»: «Обломов порылся в

ящике и вынул тогдашнюю красненькую десятирублевую бумажку». И далее в романе:

«– Дай еще денег! – сказал Терентьев.

– Ведь у тебя осталась сдача с красненькой.

– А на извозчика на Выборгскую сторону? – ответил Терентьев.

(*И здесь тот самый ранее упомянутый целковый*) Обломов вынул еще целковый и с досадой сунул ему.

– Староста твой мошенник, – вот что я тебе скажу, – начал Терентьев, пряча целковый в карман» [9; с.47-48].

Такая же красненькая упомянута и Н.В. Гоголя, где Плюшкин, жалуясь Чичикову, говорит: «Прежде, бывало, полтиной меди отделываешься да мешком муки, а теперь почти целую подводу круп, да и красненькую бумажку прибавь, такое сребролюбие!» [5; с.116].

Не забыл о красненькой и Н.Г. Чернышевский в романе «Что делать?». Так Дмитрий Сергеевич «вынул красненькую бумажку. – Кажется, будет довольно? – сказал он, повел глазами по записке – на всякий случай, дам еще пять рублей» [29; с.129].

В романе «Воскресение» Л. Н. Толстой ставит в тупик внимательного читателя, рассказывая о сумме денег, которые присвоила себе Катя Маслова из чемодана, отравленного купца. Так в обвинительном заключении указывалось, что «она взяла из него 40 рублей серебром», а на вопрос Председателя суда отвечает: «– При них взяла четыре красненьких» [28; с.37, 42], т.е. в первом случае можно думать, что это серебряные монеты серебром, во втором – ассигнации.

Двадцать пять рублей. Русский язык богат, а потому подмечает все нюансы того или иного предмета, давая ему свое собственное название. Например, ассигнация в двадцать пять рублей могла выражаться у одного автора в качестве прилагательного, а у другого в качестве числительного. Так в выше упомянутой повести Гоголя «Портрет», расхваливая имеющуюся у продавца картину, тот говорит: «– Вот за этих мужичков и за ландшавтик возьму беленькую. Живопись-то какая!». (*При этом, в тексте имеется сноска. Беленькая – двадцатипятирублевая ассигнация белого цвета*) [7; с.474].

В другом случае в повести «Олеся» А.И. Куприн говорит: «– Бабушка, а может быть, все это вранье одно? – заметил я. – Просто-напросто уряднику «красненькую» захотелось получить. – Давала, родной, давала. Не бере-ет! Вот история... Четвертной билет давала, не берет...» [19; с.43]. Или у В.А. Гиляровского в очерке «Колесов» книги «Трущобные люди»: «– Так точно-с! – ответил Сашка. – Четвертную им, четвертную мне, четвертную хозяину и четвертную за хлопоты…»[2; с.65].

Сто и двести рублей. Было время когда сто- и двухсотрублевые ассигнации печатались одним белым цветом, от того к обеим им приклеилось общее название «лебеди». Так в известной повести Н. С. Лескова «Очарованный странник», главный герой Иван Северьяныч, оказавшись, толи в трактире, толи в гостинице, увидел полную комнату людей, в которой цыганка Груша ходила с

подносом, на который присутствующие клали деньги, за что она одаривала их вином, поцелуем и песней. «А в руках она держит большой поднос, на котором по краям стоят много стаканов с шампанским вином, а посредине куча денег страшная, только одного серебра нет, а то и золото, и ассигнации, и синие синицы, и серые утицы, и красные косачи, – только одних белых лебедей нет». К этому, казалось бы, непонятному тексту редактор дает пояснение: «Речь идет об ассигнациях: синие – пятирублевые, серые – десятирублевые, красные – двадцатипятирублевые, белые – сто- и двухсотрублевые». Иван Северьяныч, попав под обаяние цыганки, сунул «руку за пазуху, вынул из пачки сторублевого лебедя, да и шарахнул его на поднос!». За тем еще одного «лебедя», потом «лебедей уже не считаю…» [20; с.165, 166, 168, 502]. Автор не указывает каких «лебедей» продолжал доставать герой повести сто- или двухсотрублевых, но в итоге он расстался с 5000 рублей, принадлежавших князю.

С 1866 года в различных модификациях на сторублевых купюрах стал изображаться портрет Екатерины II, от того и название к ней припало другое «Катенька» или «Катеринка».

Для примера можно воспроизвести два диалога. Первый в очерке «Колесов» книги «Трущобные люди» В. А. Гиляровского: «– Богатый? – На катеньку есть» [2; с.65].

Второй в романе «Золото» Д. Н. Мамина-Сибиряка: «– Пять катеринок… Так он, друг-то, не дал?.. А вот я дам…».

Хотя при этом, настоящее название сто рублей существовало, и было обычным наименованием денег в литературе. Так в романе «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского оно встречается неоднократно, как здесь: «Это был сторублевый кредитный билет, сложенный в восьмую долю» [13; с.393].

Пятьсот рублей. Как и сто рублей, купюра в пятьсот была наделена портретом императора Петра I, что, в общем-то, и стало основой ее простонародных наименований. Портрет временами менялся, но суть названия оставалась прежней, связанной с именем императора. Так одно из них И. С. Шмелев приводит в рассказе «Забавное приключение»: «Он сунул в бумажник пачку петровок – на десять тысяч…»[33; с.225].

Пятьсот рублей оказались последней денежной единицей, печатавшейся правительством до революции, и нашедшей свое место с необычным названием в русской литературе. Конечно, это были не единственные случаи изображения российских денег в русской литературе в их неформальном наименовании, их множество. Мы же ограничилисьлишь этими небольшими примерами. Здесь хотелось бы добавить, что неизвестно почему, догадываться не будем, но после денежной реформы 1961 года бумажные кредитные билеты были изготовлены в той же цветовой гамме, как и выше упомянутые царские. Рубль вновь стал желтым, три рубля – зелеными, пять – синими, десять – красными, а четвертак – сиреневым. Однако после 1991 года повтора в цвете не произошло, да и номинал купюр поменялся, доходя до 100 000 рублей, а потому и названия денег стали совсем иными, чем раньше, но это уже, как говорится другая история.

Библиография.

1. Гиляровский В. А. Каторга / В. А. Гиляровский // Трущобные люди. – М. : ЭКСМО, 2007. – С. 81-87.
2. Гиляровский В. А. Колесов / В. А. Гиляровский // Трущобные люди. – М. : ЭКСМО, 2007. – С. 61-72.
3. Гиляровский В. А. Москва и москвичи / В. А. Гиляровский. – М. : Московский рабочий, 1959. – 376 с.
4. Гоголь Н. В. Вечер накануне Ивана Купала / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. – М. : Детская литература, 1966. – С. 36-51.
5. Гоголь Н. В. Мертвые души / Н. В. Гоголь. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1987. – 384 с.
6. Гоголь Н. В. Ночь перед Рождеством / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. – М. : Детская литература, 1966. С. 95-138.
7. Гоголь Н. В. Портрет / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород. Повести. – М. : Московский рабочий, 1972. – С. 473-522.
8. Гоголь Н. В. Сорочинская ярмарка / Н. В. Гоголь // Вечера на хуторе близ Диканьки. Повести, изданные пасечником Рудым Паньком. – М. : Детская литература, 1966. – С. 8-35.
9. Гончаров И. А. Обломов / И. А. Гончаров. – М. : Гослитиздат, 1949. – 510 с.
10. Гончаров И. А. Обыкновенная история / И. А. Гончаров. – М. : «Советская Россия», 1979. – 319 с.
11. Горький А. М. На дне / А. М. Горький // Старуха Изергиль. – На дне. – Мать. – В.И. Ленин. – М. : Просвещение, 1975. С. 23-80.
12. Грош // Большая Советская Энциклопедия. Т. 19. Под ред. О. Ю. Шмидта. – М. : Акционерное Общество «Советская Энциклопедия», 1930. – 844 с.
13. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1976. – 544 с.
14. Есенин С. А. Метель / С. А. Есенин // Стихотворения. Поэмы. – Мурманск : Книжное издательство, 1969. – С. 131-134.
15. Завадовский Л. Н. Золото / Л. Н. Завадовский. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1967. – 400 с.
16. Загоскин М. Н. Вечер на Хопре / М. Н. Загоскин. – СПб. : Лениздат, 2013. – 176 с.
17. Крюков Ф. Д. Гулебщики / Ф. Д. Крюков // Старое поле. В начале пути. Повести и очерки. – М. : АИРО-XXI, 2021. С. 29-48.

18. Куприн А. И. Белый пудель / А. И. Куприн // Сочинения в двух томах. Том 1. Повести и рассказы. – М. : Художественная литература, 1981. – С. 329-350.

19. Куприн А. И. Олеся / А. И. Куприн // Сочинения в двух томах. Том 1. Повести и рассказы. – М. : Художественная литература, 1981. – С. 19-67.

20. Лесков Н. С. Очарованный странник / Н. С. Лесков // Тупейный художник: повести и рассказы. – Киев : Радянська школа, 1988. – С. 96-201.

21. Некрасов Н. А. На Волге / Н. А. Некрасов // Лирика. – М. : Детская литература, 1977. – С. 81- 89.

22. Некрасов Н. А. Поэт и гражданин / Н. А. Некрасов // Лирика. – М. : Детская литература, 1977. – С.55-63.

23. Орлов А. П. Монеты России. 1700-1917: Каталог-справочник / А. П. Орлов. – Минск : ИПКА «ПАБЛИСИТИ» - ИКФ «Константин», 1994. – 256 с.

24. Островский А. Н. Записки замоскворецкого жителя / А. Н. Островский // Художественная проза. Пьесы. – М. : Правда, 1987. – С. 13-46.

25. Пушкарев С. Г. Россия 1801-1917: власть и общество / С. Г. Пушкарев. – М.: Посев, 2001. – 672 с.

26. Пушкин А. С. Борис Годунов / А. С. Пушкин // Сочинения в трех томах. Том второй. Поэмы. Евгений Онегин. Драматические произведения. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 354-426.

27. Райзберг Б. А. Современный экономический словарь / Б. А. Райзберг, Л. Ш. Лозовский, Е. Б. Стародубцев. – М. : ИНФРА-М, 1997. – 496 с.

28. Толстой Л. Н. Воскресение / Л. Н. Толстой. – Л. : Художественная литература, 1980. – 439 с.

29. Чернышевский Н. Г. Что делать? / Н. Г. Чернышевский. – Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 1970. – 480 с.

30. Чехов А. П. В овраге / А. П. Чехов // Избранные сочинения в двух томах. Том второй. – М.: Художественная литература, 1986. – С. 316-346.

31. Чехов А. П. Ванька / А. П. Чехов. – М. : Малыш, 1987. – 16 с.

32. Чехов А. П. Человек в футляре / А. П. Чехов // Избранные рассказы. – М. : Детская литература, 1972. – С. 107-122.

33. Шмелев И. С. Забавное приключение / И. С. Шмелев // Повести и рассказы. – М. : Художественная литература, 1983. – С.223-252.

34. Эртель А. И. Записки степняка / А. И. Эртель. – М. : Правда, 1989. – 496 с.

УДК : 372.8

Проблемы развития навыков понимания английского языка при аудировании у учеников дошкольного возраста

М. А. Исматуллаева

Андижанский государственный педагогический институт

(г. Андижан, Узбекистан)

Аннотация. В этой статье представлены некоторые рекомендации детям по развитию навыков понимания английского языка на слух.

Ключевые слова: понимание на слух, важный аспект, речь, сказка, песня.

Abstract. This article provides some recommendations for children to develop listening comprehension skills in English.

Key words: listening comprehension, important aspect, speech, fairy tale, song.

В последние годы начало обучения иностранному языку и развитие интереса к языку охватываются от организаций дошкольного образования до следующих этапов обучения. В соответствии с постановлением Президента Республики Узбекистан «О мерах по выведению деятельности по популяризации изучения иностранных языков на качественно новый уровень в Республике Узбекистан» от 19 мая 2021 года № PQ-5117 [1].

Сегодня хорошо известно, что около 60% населения земного шара говорит на двух и более языках. Изучение языка является одной из важнейших сфер жизни человеческого общества. Язык, являющийся средством общения, можно приобрести практически в семье, на публике или в классе. Познание языковых явлений изучается теоретически. Различная информация получается, слушая и понимая другого человека. Кроме того, при изучении иностранных языков информация получается посредством аудирования и понимания, и этот навык считается важным аспектом иностранного языка. Понимание на слух означает слушание, восприятие и понимание речи. В общем, «речь» означает говорение, понимание на слух, понимание прочитанного и письмо. На самом деле лучше сказать «слушание и понимание речи» [2].

По мнению К. А. Крыловой, «регулярное обучение аудированию сегодня очень актуально, без аудирования невозможно развивать речевое общение. Понятие аудирование включает в себя процесс восприятия и понимания звуковой речи. Аудирование, безусловно, является одним из важных аспектов изучения английского языка» [3].

На что следует обратить внимание при обучении аудированию? Во-первых, следует обратить внимание на то, чему учить, во-вторых, как учить и, наконец, как определить, что понято.

Наша организация соответствующих возрасту, интересных, логически понятных, монологических и диалоговых форм речи, насыщенных информацией аудиотекстов, песен и сказок, подходящих для разного возраста и уровня знаний, помогает формировать навыки аудирования на всех языках. Будет удобно

и эффективно как для взрослых, так и для детей. Это также помогает привлечь детей на урок, быстро увлечь их и организовать занятие, не утомляя их. От учителя языка во многом зависит организация таких процессов, как обучение новым словам под прослушивание песен и сказок, используемых на уроке, организация различных вопросов или высказывание того, что они понимают, в соответствии с последовательностью событий. На первый взгляд эти процессы могут показаться немного сложными. С этой целью объединение детей или учащихся разного возраста в группы поможет развить у них память, навыки слушания, а также такие навыки, как умение активно участвовать в команде, повысится интерес к языку и сформируется беглая речь.

Во время прослушивания дети или ученики разного возраста запоминают, как они слушают и используют слово в своей речи. Поэтому преподавателю языка желательно заранее подготовиться к уроку, заранее ознакомиться с учебными материалами и средствами аудирования. Получить информацию становится проще, используя выбранные песни и сказки в инструменте прослушивания. Например, если помочь детям найти вариант с картинкой, когда они встречают новое слово в сказке, это поможет им развить такие навыки, как угадывание и способность без страха выражать свое мнение. Когда они поют песню сами, их чувство страха и застенчивости по поводу изучения языка уменьшится и поможет изучающему открыть новые горизонты.

Кроме того, развитию навыков аудирования и повышению навыков правильного произношения способствует подражание, т. е. подражание словам, которые они слышат от любимых персонажей в различных мультфильмах и фильмах, или произношению иностранцев и блогеров, обучающих языку.

Следует отметить, что используемые песни, сказки и диалоги должны подбираться исходя из уровня знаний детей или учащихся разного возраста, создавать комфортные условия для процесса аудирования, скорость речи в средствах, используемых для аудирования, объем и форма языкового материала и вопросов. Продолжительность целевой речи также оказывает влияние на развитие навыков понимания на слух.

Библиография.

1. O’zbekiston Respublikasi Prezidentining “O’zbekiston Respublikasida xorijiy tillarni o‘rganishni ommalashtirish faoliyatini sifat jihatidan yangi bosqichga olib chiqish chora-tadbirlari to‘g‘risida”gi 2021-yil 19-maydagi PQ-5117-son qarori. https://lex.uz/uz/docs/-5426736.

2. Jalolov J. «Chet til o’qitish metodikasi», «O’qituvchi». Nashriyot-Matbaa ijodiy uyi / J. Jalolov. – Toshkent, 2012. – 219 bet.

3. Krilova K. A. Chet tili darslarida tinglashni o`rgatish metodikasi / K. A. Krilova // Английский язык. Все для учителя! – 2015. – № 6(42).

Сведения об авторах.

Ануфриева Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия).

Асадуллина Гузелия Рауфовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий (г. Уфа, Россия).

Ашурова Нодирахон Рафиковна – кандидат филологических наук, доцент Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Бакиева Мухаббат Камалиддиновна – заведующий кафедрой педагогики Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Бельчевичен Сергей Петрович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и теории культуры Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия).

Бустанова Фарида Бабуржоновна – студент-магистрант Ташкентского государственного института востоковедения «Oriental University» (г. Ташкент, Узбекистан).

Валиханова Нигора Абдукаххоровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Волобуева Мария Александровна – студент-магистрант факультета теологии и религиоведения Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

Голубенкова Майя Викторовна – студент-бакалавр Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Губман Борис Львович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия).

Дармонова Дилхавас Камолжоновна – студент Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Джабборова Нодира Ахмаджоновна – старший преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Дудченко Дарья Алексеевна – ученица МКОО дополнительного образования «Станция юных натуралистов» (г. Россошь, Россия).

Дьяченко Ольга Николаевна – доктор философских наук, доцент кафедры теологии и религиоведения Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

Захарчук Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры горного дела экономики и природопользования преподаватель Старооскольского филиала Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (г. Старый Оскол, Россия).

Зверев Денис Романович – аспирант кафедры гражданского права и процесса Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Ивентьев Сергей Иванович – юрисконсульт, теолог, специалист в сфере национальных и религиозных отношений ООО «ДЭЛИЛ», член Российского философского общества (г. Казань, Россия).

Искандаров Шарифджон Фахриддинович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры прав человека и сравнительного правоведения юридического факультета Таджикского национального университета (г. Душанбе, Таджикистан).

Исматуллаева Мадинабону Акмаловна – студент-магистрант факультета иностранных языков Андижанского государственного педагогического института (г. Андижан, Узбекистан).

Казанцева Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета (г. Тверь, Россия).

Кирмач Галина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Луганского государственного педагогического университета (г. Луганск, Россия).

Каменева Лилия Николаевна – студент-бакалавр факультета теологии и религиоведения Курского государственного университета (г. Курск, Россия).

Костюк Алиса Анатольевна – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Котова Елена Николаевна – кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-учебного научного центра Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Воронеж, Россия).

Кукарников Дмитрий Германович – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Лившиц Рудольф Львович – доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (г. Гатчина, Россия).

Максименко Анастасия Васильевна – старший преподаватель кафедры лингвистики Донбасской юридической академии (г. Донецк, Россия).

Маткаримова Ашурхон Исмоиловна – доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой филологии Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Мирзаева Мамура Убайдуллаевна - преподаватель кафедры «Узбекский язык и литература» Алмалыкского филиала Ташкентского государственного технического университета имени И. Каримова (г. Алмалык, Узбекистан).

Миргородский Андрей Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии Академии МВД Донецкой народной республики имени Ф. Э. Дзержинского (г. Донецк, Россия).

Морозова Ирина Николаевна – кандидат культурологии, доцент, доцент

кафедры декоративно прикладного искусства Челябинского государственного института искусств и культуры (г. Челябинск, Россия).

Низамитдинова Муштарий Рафиковна – студент-бакалавр Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Немчинов Виктор Михайлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела сравнительного культуроведения Института востоковедения Российской академии наук (г. Москва, Россия).

Нишонов Исмоилжон Абдумуталлибович – старший преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Панищев Алексей Леонидович – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник Курского института менеджмента, экономики и бизнеса (г. Курск, Россия).

Позилова Малохат Рустамовна – студент-бакалавр Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Рахимова Зарифа Абдурахимовна – старший преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Ретинский Станислав Григорьевич – аспирант кафедры государственного управления Донецкого национального технического университета (г. Донецк, Россия).

Ряполов Владимир Николаевич – мастер-реставратор Зональной научной библиотеки Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Сосунов Денис Владимирович – кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой социологии и политологии Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Сулимов Станислав Игоревич – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Сухорукова Софья Леонидовна – студент-магистрант факультета философии и психологии Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Тиллабоева Феруза Абдулазизовна – старший преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики, (г. Андижан, Узбекистан).

Тоштемиров Элёр Нуралиевич – старший преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики, (г. Андижан, Узбекистан).

Удалых Евгения Юрьевна – кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военно-учебного научного центра Военно-воздушной академии им. профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина (г. Воронеж, Россия).

Хабибуллаева Феруза Казымовна – доцент кафедры филологии Университета экономики и педагогики (г. Андижан, Узбекистан).

Хасанова Акида Рахимджоновна – ассистент кафедры иностранных языков Университета экономики и педагогики, (г. Андижан, Узбекистан).

Хасанова Шоирахон Абдужабборовна – старший преподаватель кафедры социальной гигиены Андижанского государственного медицинского института (г. Андижан, Узбекистан).

Шаповалов Игорь Сергеевич – аспирант кафедры истории философии и культуры Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия).

Швечикова Алла Александровна – педагог МКОО дополнительного образования «Станция юных натуралистов» (г. Россошь, Россия).

Юлдашева Дилдора Абдувахобовна – преподаватель кафедры филологии Университета экономики и педагогики, (г. Андижан, Узбекистан).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ

Сборник статей по материалам
международной научно-методической конференции
24-25 апреля 2024 года

Редакционная коллегия
Кукарников Д. Г., канд. филос. наук
Сулимов С. И., доктор филос. наук
Рагозина Т. Э., доктор филос. наук

В оформлении обложки использована картина Рембрандта ван Рейна
«Портрет учёного»

Издательство «ИСТОКИ»
394026, г. Воронеж, ул. Солнечная, 33.
Телефон/факс (473)239-55-56.
Подписано в печать 30.05.2023. Формат 60х84 1/16.

Усл. печ. л. 14,12. Тираж 100 экз. Заказ
ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»
Гарнитура «Times». Бумага офсетная

Отпечатано в типографии «ИСТОК»
ИП Кудашова Ольга Михайловна
394018, Воронеж, ул. Пушкинская, 11А.
Телефон / факс (473)277-01-81.
E-mail: s_omk@mail.ru